

ШКОЛА

детство кончилось

издательство
амфора

© ООО «Красный Квадрат», 2010.
В оформлении обложки
использованы фотографии
Е. Сидкиной

AMPHORA.RU

9 785367 014297

ISBN 978-5-367-01429-7

повесть **Алексея Олина**

ЛЮКОЛА

Алексей Олин

ШКОЛА

детство кончилось

С А Н К Т - П Е Т Е Р Б У Р Г

АМФОРА

2010

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6
О 54

ИЗДАТЕЛЬСТВО

АМФОРА

ПРОДВИНУТОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Защиту интеллектуальной собственности и прав
издательской группы «Амфора»
осуществляет юридическая компания
«Усков и Партнеры»

Олин А.

О 54 Школа. Детство кончилось : [повесть] / Алексей Олин. —
СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2010. — 199 с. — (Серия
«Школа»).

ISBN 978-5-367-01429-7

Литературный дебют Алексея Олина раскрывает тайны прошлого
новенького Ильи Епифанова.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-367-01429-7

© Олин А., 2010
© Оформление.
ЗАО ТИД «Амфора», 2010

— Фабрика уродов перевыполнила план.

— Он выглядит счастливым. Подвинься.

— Не суетись, Пиф.

Перегнувшись через подоконник, эти двое курят, стряхивая пепел на головы прохожих, и наблюдают за Флинтом.

Один высокий, за метр восемьдесят, с впалыми щеками и выдающейся нижней челюстью. Светлые волосы коротко пострижены, глаза чуть нависают, худой, как дитя Освенцима. Оставь надежду, и все такое. Другой — среднего роста, хорошо сложен, с отросшими темными волосами, серьгой в ухе и взглядом исподлобья. Первому позавчера стукнуло шестнадцать; второму — четырнадцать, но выглядит он старше. Длинный — Мак. А Пиф — Илья, прозвище от фамилии Елифанов.

Флинт — предмет их наблюдения — носится по двору, бежит так, словно споткнулся, но все же не упал — голова вперед, тело отстает. Черные резиновые сапоги, белая капитанская фуражка, якорь над черным пластиковым козырьком. Фуфайка его расстегнута, тельняшка заправлена в позорные трусики.

Только и делает, что гоняет голубей. В любую погоду. Взрослые зовут Флинта «Са-ашенька», чуть растягивая гласную перед шипящей.

Возле остова песочницы лежит на боку катер. Он давно обрел вечную пристань, но руль-штурвал пока вертится, и мелочь рада поиграть в пиратов. Борта катера обледенели.

До настоящей весны и весенних каникул еще целый месяц, а март — уже завтра.

Мелочь раскачала катер. Они играют в бурю и задорно смеются.

Флинт, перестав на время гонять птиц, останавливается, поднимает кулак и кричит, чтоб весь двор слышал:

— НЕ ШАТАЙТЕ КОРАБЕЛЬ! НЕ ШАТАЙТЕ КОРАБЕЛЬ!

В ответ малышня лишь выразительно крутит пальцем у виска.

— Придурок вонючий! — припечатывают ребята.

Флинт обижается, бредет к футбольным воротам.

Во дворе любому известно: Флинту нравится футбол, он готов играть и зимой тоже. Но, если почестному, кому нужен великовозрастный дебил в команде?

— Давно он такой, Пиф? — спрашивает Мак. — Вроде же умный был.

— Год скоро, — задумчиво глядя в даль, отвечает Епифанов.

— А что случилось?

— Его родители секретами не делятся. Башню ему заклинило.

— Удар не рассчитали? — смеется Мак.

— Типа того. Он в Аньку Кораблеву втюрился, шарись? И за ней тоже бегают, — криво усмехается Илья.

— О, как! — Мак затягивается, выпускает несколько дымных колец. — Более бесперспективной кандидатуры на роль дамы сердца для идиота не придумаешь. Как, по-твоему, у нее грудь сколько?

— Не меньше четвертого, — с видом знатока отвечает Пиф.

Они синхронно тушат сигареты о край карниза, окурки летят вниз.

— Шлюха она, — продолжает Илья.

— Это точно. Но сиськи — шикарные.

— Прикинь, с двенадцать лет не целка. По доброй воле, никто не насиловал. Недавно она опять в соплю разругалась с родоками, переехала в тринадцатый, теперь к Виту Смирнову, которому бабка перед смертью квартиру завещала.

— Не прогадала. А чувак этот, Виталик, он совсем, что ли, дурак?

— Фиг знает, — пожимает плечами Илья. — Он просто в армии долго служил.

— Хер с ними. — Мак зевнул. — Хлопай назад. А то заоченеет.

Епифанов закрывает окно. Водружает обратно на подоконник полудохлую герань и садится на пол.

Основную часть его комнаты занимает старая пружинная кровать. Постельное белье с изображением Винни-Пуха и всех-всех-всех измято. На полу — ветхий бельгийский палас; на нем след от утюга, пятно краски и плюшевая собака. Журнальный столик завален книгами. Под столиком валяется одинокая гантель. По стенам развешаны картинки монстров: Нил Янг, Боно, повернувшиеся к камере голыми задницами Джон Леннон и Йоко, бородатые армяне из «System Of A Down», Джеймс Хэтфилд, Трэвис Баркер.

На шкафу стоит клетка. Белая крыса, быстро перебирая лапками, бежит в колесе. Колесо слегка поскрипывает.

— Хочу сделать татуху, как у Баркера, — откинувшись на спину, говорит Епифанов.

Мак подсаживается к компу, ковыряет музыкальные папки.

— Хочешь ты, а сделаю я. — Он старательно барабанит пальцами по столешнице в такт альтернативным ритмам, доносящимся из колонок. Затем тянется к книжке, лежащей на колонке.

— Цветы для Элджернона, — читает он название. — Язык сломаешь. Интересно?

— Нормально, — отвечает Илья, глядя в потолок. — Звук убавь.

— О чем? — Мак делает музыку тише.

— Про одного чудика, вроде нашего Флинта, и мыша, как их обоих ученые решили сделать гениями. Ну и что из этого вышло.

— А-а. Ты из-за этой книжки крысеныша завел?
Тоже ученых ждешь?

— Заверотись! — смеется Илья. — И это самка.

— Как зовут?

— Джи. В честь труднодоступной женской эрогенной точки.

— Ты, Пиф, озабоченный, ей-богу.

— Ага, у меня уже на Мардж Симпсон встает.

Мак поднимается со стула и подходит к клетке. Просовывает палец между прутьями.

— Она все ночью защелку норовит отодвинуть и слинять...

— Сколько тут крысиного говна!

— Что, знаток какашек?

Джи, не обращая внимания на палец, продолжает бежать в колесе. В красных глазах крысы-альбиноса вся целеустремленность мира.

— Завтра в школу пойдешь?

— Надо бы, — нехотя отзывается Илья. — Неделю не был. Приболел вроде как. А ты в свое ПТУ?

— Это колледж вообще-то. Деревообрабатывающий. Усек?

Мак подходит к турнику в дверях и виснет на нем, поджав ноги.

— Так ты пойдешь, глиста? В свой колледж... деревообрабатывающий.

— Ага, — кивает Мак. — Может, дунем еще?

— Нет настроения.

— Ладно. Тогда толкну кому-нибудь пару-тройку этих замечательных «камней».

— Вообще-то барыжить наркотой некрасиво! Тебе не говорили? — издевается над другом Епифанов.

— Конечно, конечно...

Мак пытается подтянуться.

— Давай! Жми, Шварценеггер пересушенный! — орет, валяясь на полу, Илья.

У Мака ничего не получается. Он падает и хохочет, держась за ушибленную задницу.

— А ты знаешь, — отдышавшись после приступа смеха, продолжает Мак, — как чурки гаш добывают?

— Расскажи.

— Садятся на коней и скачут туда-сюда по коноплянному полю. Вся пыльца оседает на человеке и на коне, а потом ее соскребают специальным ножом и лепят пластилин.

— Гадость какая! — равнодушно отзывается Пиф.

— Какой-то ты сегодня совсем тухлый.

— Достало всё, понимаешь? Школа эта достала. Люди достали. Жизнь достала. Но школа — особенно.

— Так в чем проблема? — скалится Мак. — Взорви ее! Бум — и все.

— А это мысль...

Епифанов поднимается с пола, опять смотрит в окно.

— Ладушки, старик. Сваливаю я. Запирайся. — Мак выволакивается в прихожую, напевая про чемоданчик, набитый планом.

— Ага. — Друзья пожимают на прощанье руки. — До встречи в сети. Поосторожнее там с миссис Симпсон — руку не потяни!..

Уже вечереет, мелочь разбрелась со двора по домам ужинать.

Посреди заснеженной детской площадки одиноко маячит фигура Флинта. Он подходит к неплавучему средству, нерешительно топчется вокруг, трогает борта катера. Потом со свойственной только качкам и дебилам физической силой хватает разбитую посудину за нос и куда-то волочет. По двору разносится похожий на скрежет мела по доске звук задевающих за днище ледышек.

Илья распахивает свое окно на четвертом этаже обшарпанной многоэтажки. В сумерках спальный район в предместье почившего Черкизона кажется особенно похожим на декорации компьютерной игры.

— Эй, куда ты его тащишь, дурилка?!

Флинт останавливается. Крутит головой, не сразу смекая, откуда голос.

— Да здесь я! Башку подними!

Сашенька поднимает голову. Ветер сбивает с круглой головы капитанскую фуражку.

— Мой это! Мой корабель!

2

Макс Нефедов всегда был немного того.

Порой Епифанов его побаивался, но он его единственный закадыка.

Мак определенно жесток, но жестокость эта странным образом сочетается в нем с какой-то болезненной сентиментальностью. Например, он может подобрать на улице котенка, месяцами с ним возиться, выхаживать, а после швырнуть с балкона, потому что тот укусил его за палец или просто надоел. И шутит порой Мак очень зло. Как-то запалил фитиль пестарды-лимонки, запахнул взрывалку Илье в штаны и смотрел потом, как тот извивается, крича, что его яйца вот-вот повиснут на ветке ближайшего деревца. Мак притушил коротенький огнепроводный шнур незаметно, в последний момент.

Семья у друга, что называется, неблагополучная. И он барыжит.

Отца Мак никогда не знал, а его отчимом был мент. Его мать, как с ним спуталась, пристрастилась к спиртному. За что только она полюбила это чмо гибэдэдэшное — никому не понятно, часто сетовал Мак.

Запах отчима был ужасен. Липкая сладость лимонных карамелек, которые в огромных количествах подал некурящий мент, с примесью тяжелых нот грязных носков и дешевого одеколona рождали поистине блевотное амбре. Мент не признавал частого мытья, но пшикался стабильно каждое утро. А напившись, он нередко устраивал показательные выступления. В молодости выиграл районные соревнования по самбо и считал себя выдающимся мастером. После бутылки водки он выдергивал пояс из красного маминного халата и, в зависимости от настроения, подвязы-

вал либо штаны, либо голову. Стращал мать, а Маку орал: «хадзимэ!». Вот такое парень получил своеобразное ментовское воспитание. Отчим заставлял биться до крови, чтобы, пользуясь его же выражением, «пацан не вырос бабой». Если Мак биться отказывался, отчим его чмырил. Запирал в туалете, куда предварительно сходил по-большому и нарочно не смыл, выписывал обеим «бабам» подзатыльники и поджопники. В общем, фантазия у этого бытового садиста работала отменно, так что проще было вступить в поединок.

Заканчивались эти поединки в большинстве случаев одинаково: мент разбивал Маку губу, либо нос, затем проводил болевой или удушающий.

Так продолжалось, пока Маку не исполнилось четырнадцать. Тогда он впервые до полусмерти избил пьяного уroda. Красный пояс линял, но из халата более не выдергивался. Учиться жизни стало проще.

Окончательно отчим сгинул тем летом.

Не на задании — упал пьяный в канаву и захлебнулся.

— Что чувствуешь? — спросил тогда у друга Епифанов.

— Стало немного легче, — ответил Мак.

На этой почве у них было много общего, думал Илья. Оба пострадали от руки сильного.

А еще однажды Мак спас ему жизнь.

В школе новая тема для обсуждения — смерть библиотекаря.

Она была очень маленького роста, сутулая, носила очки в тонкой позолоченной оправе и ходила по коридору, опустив голову. Смотрела под ноги. Впрочем, она редко ходила по коридору. В основном сидела в библиотеке с накинутым на плечи платком, отгородившись от мира томиком Сартра, Кафки или Бродского. На пару с книжными червями.

Ее звали Анастасией Павловной, и ей было всего двадцать шесть.

Говорят, вроде как у нее было слабое сердце, не рассчитанное на долгую счастливую жизнь. Похоронены в первый день весны, примерно после третьего урока. Учителя, кажется, с самого раннего утра начали собираться на проводы Анастасии Павловны в последний путь.

Епифанов прибредает к началу десятого и, снимая куртку в гардеробе, случайно подслушивает разговор физички и математички на эту злободневную тему.

Их слова гулко разносятся по пустому коридору.

— Ты пойдешь? — вопрошает, прижав к сердцу стопку тетрадей для самостоятельных работ, училка по физике.

— Холодно. Говорили, что машину пришлют. Не знаю, — поежилась математичка. — Минус пятнадцать с утра по радио говорили.

— Значит, не пойдешь?

— Думаю, что нет. Я ведь ее и не знала-то совсем. Мы не общались. Она ведь какая-то такая была, себе на уме. Конечно, нехорошо так про покойницу говорить.

— Двадцать шесть лет всего...

— Врачи сказали: инфаркт.

— С ума сойти! В таком возрасте!

Пауза.

— Так, значит, не пойдешь?

— Думаю, что нет, — отвечает математичка, разглядывая обкусанный бордовый лак на ногтях.

— Ну и я тогда тоже.

— Хорошо, что венки передумали покупать, а то носились бы с ними сейчас... Деньги бы только зря потратили. Давай чаю, пока у меня «окно».

Илья выковыривается из гардероба и шагает к лестнице — кабинет литературы на третьем этаже. Учительницы задергались.

— Епифанов! — кричит вслед физичка. — Епифанов, я к тебе обращаюсь! Ты почему прогуливаешь?

— Почему не на уроке до сих пор! — поддерживает коллегу математичка.

— Да иду я...

На лестнице Илья нос к носу сталкивается с АЭС.

Атомный Эл Степанович — это реальные ФИО классного руководителя. Преподает химию и информатику. Мужик, конечно, странный, но с ним бывает интересно. На самом деле он не АЭС, а Валерка, пере-

именовался по непонятной причине лет пять назад, не изменив лишь отчество — дань уважения отцу, как он сам говорил. От других учителей он отличался всегдашней рассеянностью и гениальной неряшливостью. То у него на пиджаке не хватает пуговиц, то носки непарные, и еще он частенько забывает причесать волосы на затылке. Только это никого совсем не раздражает, а скорее, умиляет. Замечательный теоретик и никудышный практик, иногда умудряется накосячить даже с элементарными химическими опытами. Одним словом, смешной мужичок.

— Доброе утро, Эл Степанович, — с искренним расположением здоровается Епифанов.

Единственное, что у Атомного Эла действительно круто получается — так это выращивать кристаллы. Как-то позвал весь класс к себе домой и показал свою коллекцию. Битый час распинаясь: итак, ребята, в термостойкий стакан наливаем подогретую дистиллированную воду и постепенно добавляем что? Соль! Самые распространенные варианты: натрия хлорид, медный купорос, алюмокалиевые квасцы. Пока раствор не станет перенасыщенным. Закрепляем на поперечной перекладине суровую нить с затравкой. Видите? Всем видно? Если сделать правильно, то при испарении раствора формируется кристалл. Нить служит основой. Для уменьшения доли примесей в домашних условиях следуют накрыть стакан фильтровальной бумагой...

Атомный поправляет съехавшие с носа очки.

— Илья! — В его голосе больше усталости, чем удивления. — Ты почему опять опаздываешь?

— Извините. Пробки.

Атомный хватает Епифанова за рукав футболки.

— Илья, я не могу каждый раз тебя выгораживать, понимаешь? Ты же умный мальчик, зачем дурью маяться? У тебя же настоящий талант к химии! Ты мог бы участвовать в олимпиадах, защищать, так сказать, честь школы! Понимаешь?

— Знаете, Эл Степанович, меня не очень интересуют олимпиады, — беззлобно огрызается Епифанов.

— Жаль, жаль, — классный руководитель поджимает губы. — А я мог бы дать тебе методические пособия и даже позаниматься в неурочное время.

Епифанов переминается с ноги на ногу.

— Я опаздываю, Эл Степанович.

— А, точно. Ну, беги. — Атомный, спохватившись, отпускает Илью. — Только ты еще подумай... Обязательно подумай о моем предложении.

— Хорошо.

— Беги. Какой у тебя сейчас?

— Литература, — отвечает Илья. — Так я побежал?

— Да, конечно. Давай. Книги — это немаловажно. Будь умницей, — раздается вслед голос АЭСа.

Книги — это немаловажно.

Епифанов, постучавшись, медленно открывает дверь класса. У доски стоит Пудрик и отвечает домашнее задание. Все над ним ржут, обычное дело.

Училка по литре, Евгения Семеновна Липич, свою улыбку старается задавить, но получается у нее плохо. Крутит кольцо на безымянном пальце разведенной руки и хмыкает.

Одевается Евгения Семеновна в эсэсовском стиле: черная юбка ниже колен, белая блузка и черный пиджак, правый рукав которого вечно измазан мелом. Темно-русые волосы скручены на затылке и заколоты «крабиком». Она перебарщивает с тональным кремом. Маскирует прыщи. Девочки из класса строят догадки, откуда берутся у женщины прыщи, когда ей вот-вот стукнет тридцатник. Выводы для Евгении Семеновны выходят неутешительные.

Пудрик, подняв глаза к потолку, скороговоркой бубнит:

— Со всеми буду я смеяться, а плакать не хочу ни с кем... не хочу ни с кем... э-э, — он запинается, на его лице отражаются подлинные муки.

— Начну обманывать безбожно, — помогает Липич.

И Пудрик светлеет лицом:

— ...чтоб не любить, как я любил, иль женщин уважать возможно, когда мне ангел изменил? — Тут пудриковская рука описывает странную дугу, которая, вероятно, должна подтвердить, что женщин уважать теперь действительно невозможно.

Это вызывает новый взрыв хохота.

— Пудрик! Март уже наступил! — кричит Андрей с по-американски героической фамилией Хиро. — Вали своим кошкам стихи читай!

Пудрик не выдерживает и шипит. Он и правда со странностями: девчонок сторонится, шипит по-кошачьи, если злится. И весит килограмм под сто.

— Хиро! Закрой рот! — Евгения Семеновна поворачивается к чтецу: — Кудрин, скажи мне, пожалуйста, вот что ты читаешь, какая это лирика Лермонтова?

— Гормонально-перестроенная, Евгения Семеновна, — неожиданно подает голос Илья. — Вы разрешите войти? Полчаса уже на пороге стою.

— Ладно, Кудрин, садись... три. С большой натяжкой.

— Вник, Пудрик? С бо-о-ольшой натяжкой!

Горе-чтец рвется на место, но спотыкается о выставленную в проход ногу и чуть не падает. Он шипит на Хиро. Пятится и машет рукой с выставленными пальцами.

— О да, крошка! Покажи мне коготь тигра! — раздается с последних рядов.

— Тишина, я сказала! — повышает голос Липич.

— Евгения Семеновна, вы меня игнорируете? — спрашивает Епифанов.

Учительница литературы поправляет прическу.

— А ты, Илья?

— Что я? — Епифанов с наглым видом чешет затылок.

— Как ты себя ведешь? Почему ты приходишь ко второму уроку?

— Так, пробки, — усмехается он в ответ.

— В ушах у тебя пробки, Епифанов. Понял? Имей в виду, я буду поднимать вопрос о твоём поведении

с классным руководителем. Нет, лучше сразу к директору!

— Он имеет и введет, Евгения Семеновна, — подает голос хулиган Никандров.

— Еще слово — и выйдешь вон! — учительница гневно обводит глазами класс. — Всех касается!

— Да я с удовольствием, — тихо говорит Никандров.

Евгения Семеновна делает вид, что не слышала.

— Проходи и садись, Епифанов. Это в последний раз.

— Ну, я так и понял.

Илья проходит и садится за последнюю парту.

Бросает бэг под ноги. Пихает локтем Лизу Гречину, рисующую что-то в тетрадке с разноцветными котами на обложке.

Лиза — воплощенная модель для творцов комиксов типа манга: невысокая, худенькая, с двумя косичками и огромными зелеными глазами. Она постоянно жует бабл-гам.

— Привет, Лиз. Как делишки? Гляди, желудок испортишь.

— Привет, Епифанов. Иди в жопу, — не глядя в его сторону, грызается соседка.

Илья пытается разглядеть, что за каракули она выводит, по привычке прикрыв тетрадку левой рукой.

— Что рисуешь?

— Виселицу.

Доска, на которой Липич пишет новую тему, почти высохла и уже вновь покрывается меловыми раз-

водами. Над доской висят портреты разных писателей и поэтов, под каждым выведена цитата из творчества.

Под доктором Чеховым в пенсне написали про то, что в человеке все должно быть прекрасно, под Пушкиным — «дар напрасный, дар случайный», под Лермонтовым — «как жизнь скучна, когда боренья нет», под Некрасовым...

— Гречина, а ты знала, что Некрасов родился в селе Синьки?

— Это где? — спрашивает Лиза, не прерывая рисования пятой подряд виселицы.

— В Подольской губернии.

— А-а, — равнодушно мычит она.

— И он умер от рака толстой кишки.

— Стремно.

— Да. Мне друг рассказывал, как такой рак оперируют. Там надо задницу разрезать, вытащить кишку наружу и...

— Ох, Елифанов, заткнись! — кривится Лиза.

Липич крупными буквами начертала на доске: ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

— Итак, ребята! Восьмой «А»! Мы переходим к изучению одного из самых известных...

— Ты читал? — возобновляет разговор Гречина, прорабатывая детали фигуры первого повешенного. — Про че там?

— Ага, — кивает Илья.

— Так про че там?

— Я пока только первую часть прочел. В общем, фамилия этого героя — Печорин. Он тот еще гад. Умыкнул юную черкешенку и соблазнил.

— Трахнул?

— Само собой. И тотчас потерял к Бэле интерес.

— Бэла — это черкешенка? Так в «Сумерках» девушку зовут!

— В точку. А Печорин — типичный альфа-самец. Поматросил бы и наверняка бросил, если бы не этот мерзкий лошадишник Казбич, который раньше успел убить девушку ударом ножа в спину, — Епифанов выписывает в воздухе дугу воображаемого удара. — Короче, нормальный экшн закрутил Михаил Юрьевич: горский колорит, темные страсти, перестрелки, погоны, предательство, любовь и смерть. Все приправлено рефлексией образованного юноши, воспитанного без отца.

— Чем приправлено? — косится на него соседка.

Их перешептывания почти заглушены яростным скрипом Лизиного карандаша по бумаге.

— Размышлениями.

— А-а. Ниче так.

— Бестселлер, Гречина! Но потом пришел Мартыш, и бестселлеры закончились.

Епифанов чешет в затылке и заглядывает Лизе в тетрадку.

— Ты повеситься, что ли, хочешь?

На секунду она прекращает рисовать и с критическим видом истинного художника оглядывает

свое творение. На ее лице появляется чуть заметная улыбка.

— Достала меня эта дебильная школа, — снова насупившись, констатирует она.

Потом Лиза поворачивает голову и внимательно смотрит на Епифанова.

— Ой, блин. Откуда у тебя эти царапины?

— Ниоткуда, — Илья прикрывает ладонью лицо.

— Фигли дергаешься-то? А чего опоздал вообще?

— Проспал. Отстань, все. Рисуй давай.

Гречина строит гримаску.

— Козел ты, Илюшенька.

4

После исчезновения отца мать словно с цепи сорвалась. Никогда прежде так себя не вела.

Дверь в комнату Ильи закрывалась неплотно, а из кухни доносились пьяные мужские голоса, истерический смех, звон бутылок и блатной музон. Бледная полоска света из-за неплотно закрытой кухонной двери, словно мысль о неизлечимой болезни, вечно колыхалась на обоях. Иногда по стене двигались исполинские крючконосые тени, вызывавшие у Ильи ужас и отвращение. Почти каждую ночь к горлу подкатывала тошнота. Епифанов ложился на живот, пряча лицо в подушку.

Наволочка неприятно пахла. Он слушал, как стучит его сердце.

А стоит закрыть глаза — приходит мертвый отец.

Он приходит в одном и том же красном спортивном костюме. Илья с мамой сидят в комнате, и она читает молитвы из синей книжечки. Потом раздаётся стук в дверь.

Илья вздрагивает. Мама принимается читать молитвы в два раза быстрее, они сливаются в скороговорку.

Отец кричит, чтоб они сейчас же открывали, или поубивает к чертям собачьим. Тогда мама внезапно замолкает.

— Илья, возьми мел, — хрипло произносит она.

— Где он? — испуганно смотрит на нее сын.

— Закатился под кровать. Достань мел и проводи черту перед порогом.

Он лезет под кровать, там все в пыли. От ужаса сильно потеют ладони. Мела нигде нет.

Короче, он не успевает. Никогда. Отец, рыча, вламывается, снося на своем пути с петель хлипкую дверь. Илья, которому во сне лет всегда меньше, чем на самом деле, с криком забивается в самый темный угол под кровать. Оттуда его не достать. Дальше он всегда видит упавшую на пол синюю книжечку, а рядом расплющенный затылок матери.

— Вылезай, ублюдок!

От этого голоса ломит в висках.

— Вылезай. Я знаю, что ты там.

Отец резким движением поднимает кровать и смотрит, как Илья корчится в пыли.

— Ты мне не родной, — говорит он. — Тебя надо раздавить. И забить кол в сердце.

Он с хрустом отламывает ножки кровати. К третьей Илья не выдерживает.

Иногда во сне его трясло, как в лихорадке, он дергался так сильно, что ударялся головой о стену.

Очнувшись, Илья вспоминал: отец пропал. Без вести. Спи.

Но тут кухонная гулянка достигала апогея. Бились бутылки. Пьяные мужские голоса что-то выясняли между собой. Мать визжала. Голова раскалывалась. Три ночи подряд, с пятницы по воскресенье. Ежедневно. Порой мама куда-то уходила посреди ночи, оставляя его одного выжившим на этом поле брани. Тишина приглядывала за ним. Тогда он вообще сходил с ума. Лежал, не смыкая глаз: час, второй, третий...

Она приходила под утро пьяная, пробиралась по стеночке, садилась на кровать.

— Все, все, — говорила она.

Илья притворялся, будто спит. Что ему все равно.

— Неблагодарная скотина, — шептала мать. — Я тебя пою, кормлю, одеваю... ты сделал уроки? Отвечай! Сделал или нет?!

Он откидывал одеяло, вставал. Руки-ноги дрожали.

— Пять утра. Дай поспать, — с мольбой обращался к ней сын.

— По-твоему, я не понимаю, сколько времени?..

Пока ходил до туалета, она обычно уже отрубалась.

Лежала одетая на его кровати, храпела, изо рта свисала нитка слюны. Илья накрывал ее своим одеялом, поворачивал ей голову набок, чтобы не захлебнулась рвотой. Ставил рядом белый пластмассовый тазик. Сам уходил спать на раскладное кресло.

Утром по квартире плыл запах перегара. Илья несколько минут смотрел в потолок, дожидаясь, когда затекшие конечности придут в норму. Болела шея. На потолке фосфорические звезды: три больших, шесть средних и пять маленьких. Наверное, думал Илья, у них вышел срок годности. Заранее. Иначе почему они не светятся ночью?

Спустя два с половиной месяца мать утомилась. Превратилась обратно в себя.

А кошмары остались. Илья привык просыпаться первый урок. Будильник срабатывал, но его никто не слышал. Да и нечего в школе делать.

Вскоре он догадался заводить два будильника с разницей в час.

Проснувшись, шел умываться. Сегодня шархнулся в ванной от собственного отражения. На щеках горели свежие царапины. Во сне он опять раздирал ногтями лицо.

5

— Вот ты прикинь, Елифанов, — тараторит Гречина. — Чертова уйма народу зарегистрирована в Контакте. Есть даже всякие Иисусы, Гитлеры, Че

Гевары и Джоны Ленноны. И вот, например, обычный человек зарегистрился, а потом умер.

— В смысле? — рассеяно переспрашивает он.

— Ну, нет. Умер просто так. Не потому что зарегистрился.

— Ясно.

— Например, сосулька убила. А страница его в сети никуда не делась. Никто ведь не побежит первым делом лезть в Интернет, удалять страницу мертвяка. В тот момент голова другим занята. И он как бы будет у тебя в друзьях. Прикинь?! — Гречина энергично накручивает на палец кончик своей косички.

— Чем в тот момент голова занята?

Лиза прикрывает рот ладошкой. В огромных зеленых глазах — испуг.

— Я и забыла! У нас же библиотekarша какую-нибудь...

— Это, Гречина, с каждым рано или поздно случается. По масштабам Вселенной плюс-минус век — песчинка на пляже вечности.

— Фига ты загнул! Прикольно. — Она надувает и лопаёт розовый пузырик из жвачки.

— Проехали. Рассказывай дальше.

— Да я... да, ладно. Просто вот как бы мертвец у тебя в друзьях, и ты продолжаешь ему писать, на встрече там всякие приглашаешь, поздравляешь, песни на стену вешаешь, и все такое. А после замечаешь, что друг почему-то никогда не выходит в онлайн...

— А вдруг — выходит, — шепчет Епифанов. — Ровно в полночь каждую пятницу тринадцатого...

— Да ну тебя! — Лиза бьет Илью ногой под партой. — Придурь.

— Больно же! Эй!

Евгения Семеновна отвлекается от своего рассказа о русском поэте и писателе Лермонтове.

— Елифанов! Встань, будь добр.

Илья нехотя вылезает из-за парты. Поднимается, складывает руки на груди.

— Повтори, о чем я сейчас говорила.

— У меня проблемы с кратковременной памятью, Евгения Семеновна, — лениво оправдывается он, глядя в сторону.

— Не паясничай. Ты как дальше жить вообще собираешься, Елифанов? — строго спрашивает литераторша.

Затихнув, все следят за разворачивающейся сценой.

— Нормально я жить собираюсь, — пожимает плечами Илья.

— Да тебе смелости не хватает признаться, что не слушал. Ты тут же начинаешь чего-то выкручиваться...

— Зато вы все смелые, когда людей за спиной обсуждаете, — оскалившись, парирует Елифанов.

Класс одобрительно гудит и свистит, как толпа на рок-концерте.

— Ты кого-то в чем-то хочешь обвинить?

— Что вы, Евгения Семеновна. — Илья с усмешкой пожимает плечами. — Как можно.

Под прицелом двух десятков пар глаз Липич приглаживает свой эсэсовский зализ. Это нервное.

— Расскажи мне о гибели Лермонтова, — наконец выдает она.

— Он умер на дуэли, — отвечает Илья, не отрывая взгляда от ее глаз. Он понимает, это тоже дуэль.

— Как это произошло? Вникни в суть.

Епифанов вздыхает. Она любит эту фразу: «вникни в суть».

— Вы уже рассказали. Зачем повторять? — Он пытается отразить атаку. — Давайте я лучше о ком-нибудь другом расскажу. Хотите про Хемингуэя? Вам же он очень нравится. Я книжку на столе видел.

Липич качает головой.

— Господи! Да что ты можешь знать о Хемингуэе? То, что в Википедии вычитал?

— Прочитал Хемингуэя и не понял ни хаха, — раздается из ряда у окна чей-то смеющийся шепот.

— Я могу вникнуть в суть его творчества, — парирует Илья.

Класс улюлюкает.

— Хорошо. Попробуй. Тихо все!

Епифанов разводит руками.

— Как утверждается, для писателя важны опыт, наблюдательность и воображение. Причем два хорошо развитых качества способны компенсировать неразвитость третьего.

— Ты меня порой удивляешь, Епифанов, — улыбается Липич. — Ты знаком с высказываниями Фолкнера?

Епифанов отмахивается от ее реплики рукой, как от назойливо жужжащей мухи. Его взгляд устремляется в окно, где на фоне весеннего неба в хаотическом танце кружится стая каких-то птиц.

— Речь о другом. У Хемингуэя были отлично развиты опыт и наблюдательность, но с воображением было туго, — продолжает он. — Поэтому когда он так ловко, между строк показывает импотенцию вернувшегося с войны парня в романе «И восходит солнце»...

— Завязывай, дорогой мой.

Щеки Липич вспыхивают, как утренняя заря.

— Позвольте закончить! — не унимается Илья. — Это лишний раз доказывает, что героя автор рисовал с себя, и, собственно, отсюда вся бравада, вся эта охота на львов в Африке, бокс и прочее. Образ мачо складывается из комплекса неполноценности! Проще говоря, у вашего любимого автора часто не стоял его длинный американский...

— Пошел вон! — срывается на фальцет Липич. — Ты... да ты... просто корень зла. Вон из класса!

Вытаращенные глаза и раздувающиеся, как у быка, ноздри делают ее еще сильнее похожей на работницу гестапо.

Илья удовлетворенно кивает.

— Гречина, — наклонившись за бэгом, шепчет он, — ты на перемене чего делаешь?

— Пойду тональником нахуюрюсь.

— И покурим. — Он подмигивает соседке.

Смеясь, Епифанов подхватывает бэг и, почти вприпрыжку, направляется к двери.

Довольный скандалом класс визжит и топает. Чистая победа.

— Секунду, — голос Липич дрожит.

Илья разворачивается в дверях.

— Вы сложный ребенок, Епифанов, — удивительно спокойно заявляет она. — Вы либо станете выдающимся человеком, либо сдохнете под забором...

— Я, Евгения Семеновна, сдохну под забором выдающимся человеком.

6

Отрывок виртуальной дуэли «Безмолвное насилие».

Сообщение:

Epihanov (0:10):

Защищайся! Провожу серию ударов «Молчание гор»!

Mackintosh (0:11):

Мимо. Мавританская защита «Шепот куропаток» отводит неминуемую смерть.

Epihanov (0:12):

Впав в анабиоз, готов к удару «Каменный гвоздь». Нападаю.

Mackintosh (0:15):

Жонглируя отрубленными головами демонов смерти, выпучив глаза в полной тишине,

применяю тибетскую защиту «Титановая доска-сороковка»!

Eriphanov (0:19):

Применяю бразильскую маскировочную технику «Синий туман», растворяюсь в пространстве и призываю на свою сторону ледяных хомяков-вампиров.

Mackintosh (0:24):

Видя, что ситуация выходит из-под контроля, взываю к Сизой Матери Кесарей-Древоточцев, чтобы она послала спасительный «Хлорный ветер пустынь»!

«Хлорный ветер пустынь» изгнал ледяных хомяков-вампиров. Хвала СМК-Д!

Eriphanov (0:28):

Оправившись от потери столь мощного союзника, превращаюсь в урановый столб Никануро и начинаю поглощать хлор.

Победа близка!

Mackintosh (0:31):

Всемогущая СМК-Д отвернулась от меня!!! Пора обратиться к темной стороне силы. О всемогущие Коричневые Нунчаки! Призываю Темных Буравчиков!

Eriphanov (0:35):

Достигнув критической массы, начинаю излучать розовую радиацию безумия, затем взлетаю в стратосферу и наношу сокрушительный удар по Тольяттинскому нунчакостроительному заводу.

Mackintosh (0:37):

Предвидя такой поворот, генерирую зону турбулентности с помощью дракона Петра Карпова. Запускаю «Кордонный Коллайдер» и поглощаю розовую радиацию.

Eriphanov (0:38):

Бью ногой в пах.

Все еще представляя собой урановый столб Никануро, расщепляюсь на элементарные частицы и внедряюсь в печень.

Mackintosh (0:43):

Предчувствуя поражение, применяю малайзийское скукоживание печени от элементарных частиц.

Разрубаю столб Никануро ванадиевым мечом Хиросита, подаренным бабушкой на день рождения.

Но предчувствую недоброе.

Eriphanov (0:46):

Осознаю скорую победу, удерживаю плацдарм и превращаюсь в геморрой.

Mackintosh (0:48):

Пасую перед геморроем и удаляюсь с изящными
поклонами накапливать силы.

Слава Отцу Святому Аисту!

Eriphanov (0:49):

Морфизирую, становлюсь человеком и кланяюсь
достойному противнику. Ёхаму!

Mackintosh (0:50):

Ёхаму! Звуки тлеющих древоточцев.

Eriphanov (0:51):

Песок заносит безмолвные трупы хомяков.

Mackintosh (0:52):

И только недоумевающие жители пригородов
Тамбова изредка вскрикивают от едких паров
розовой радиации.

Eriphanov (0:53):

На месте нунчакостроительного завода
заколосилась рожь.

7

По телевизору сказали, что сосульки прикончили
уже трех человек.

Скорее всего этой троице и без того не очень-то везло в жизни. А тут — убило сосулькой. На конкурсе идиотских смертей такой вариант наверняка вошел бы в тройку победителей. Может, жертва сосульки уступила бы только парню в водолазном костюме, выпавшему из вертолета в горящий лес, но все равно впечатляет.

Епифанов курит в форточку, стоя в подъезде, разглядывая альпинистов на соседней крыше. Их двое. Страховка завязана на дымоходной трубе. Они сбивают наледь. Один колупает специальным железным штырем с утолщением на конце, второй сидит на заднице и вовсю работает ногами в тяжелых ботинках. Куски льда летят вниз и с грохотом разбиваются о тротуар. Опасная территория огорожена красно-белыми ленточками. Большой кусок, падая, задевает провод. Провод дрожит. Запутанные сводками о несчастных случаях прохожие с опаской обходят пятачок. Надрывается сигнализация припаркованной в зоне поражения машины.

О чем, интересно, эти трое думали перед смертью?

Интересно, хотя бы один из них думал, что сосульки просто так на голову никому никогда не падают? А другой торопился, скажем, на свидание, вынашивал планы, мечтал о будущей семейной жизни, и дети в его мечтах уже вымахали под два метра, как прозрачный стержень, сейчас пригвоздивший его. Третьей жертвой была женщина. Что, если она была одинока и на ее двери стоял плохой замок, ключ в котором постоянно заедал? Мужика, денег и времени, чтобы починить все,

никак не находилось. Каждое утро она возилась с проклятым замком по пять-десять минут, часто опаздывая на работу. Она была некрасивой и подозревала, что хроническая неудачница. Хорошо готовила грибной суп, смотрела сериалы, причем либо про семью жизнерадостных идиотов, либо про семью волшебников, либо про жизнерадостных волшебников-идиотов. Любимой книгой называла роман «Джен Эйр». В то роковое утро замок открылся легко, с первого раза. Женщина обрадовалась: сегодня мой день!

Натыкаясь на подобные факты в жизни, невольно веришь: судьба действительно где-то прописана, от колыбели до могилы. Случайностей нет. Мазефака.

Альпинисты матерились громко — слышно было на всю улицу.

Внизу — ледяной хаос. А как, интересно, выглядит человек, убитый сосулькой? Наверное, ни одной целой косточки не остается.

Илья тушит окурок и выбрасывает его в снег, скопившийся на карнизе. За зиму там вырос настоящий окурочный лес. Пепельницу опять похитили.

Мама ругается, она не хочет, чтобы он курил.

Но сейчас ее нет, она на работе.

Епифанов поднимает голову. Сосульки повсюду. С концов сосулук капает. Оттепель. Хорошо, что он решил сегодня не идти в школу.

До вечера валяется на кровати, читая или слушая плеер. Семь раз подряд прокручивает Suicidal Cumshot питерской группы Uniquetunes, про которую ему рассказали старшие кореша. Следит за секундной

стрелкой на настенном Биг-Бене. Тиканье умиротворяет, когда не спешишь. А когда опаздываешь, часы скорее напоминают о бомбе, которая сейчас взорвется, если быстро не встанешь и не побежишь из дому. В школу или там на работу. Главное, не останавливаться, иначе начнут появляться мысли о смысле. Страшные мысли. Куча вопросов, и ни одного нормального ответа.

В комнате холодно — он не запер окно. Ветер треплет занавеску. Пятна света от компьютерной лампы лежат на ковре. Под лампой морозоустойчивая муха выписывает равнобедренные треугольники. Может, это муха-Пифагор?

Пиликает мобильник. Это Мак.

— Через час около меня? — спрашивает он. — Как договаривались?

Илья подтверждает. Заточив пару бутербродов, одевается и выходит из дома.

Он специально рассчитал так, чтобы выскочить минут за двадцать до возвращения матери. В карманах куртки бренчат ключи и мелочь.

На улице — слякоть и сумерки. Из водосточных труб льет. Белая ноздреватая шапка под черной рябиной у подъезда. Сутулые собаки носятся по двору и деловито помечают территорию. Флинт слоняется от качелей к футбольным воротам.

— Ты куда катер уволок? — приблизившись, осведомляется Илья.

Флинт ковыряется в носу. Вытаскивает козявку, пристально изучает.

— Чего молчишь?

— Мой корабель, — только и отвечает местный дурачок.

— Ясно.

Флинт задирает голову. Указывает пальцем на небо, на кружащих в небе птиц.

— День ворон!

И черная паутина проводов. Все как всегда.

Епифанов бредет к метро. Мак живет около Библиотеки имени Ленина. Повезло.

Спускается и едет. Мак встречает его у мозаичного Ильича. Они обмениваются рукопожатием.

— Крутые кеды, видел? — спрашивает Мак первым делом.

— Где?

— У музыкантов в переходе, — машет рукой в сторону. — Кеды крутые, а играют дерьмово.

Он год учился на балалаечника. Бросил.

— А я от знакомого эколога слышал, — говорит Илья, — что в больших городах полно радиоактивного гранита. Если правда, то, возможно, в каком-нибудь недалеком будущем у каждого бродячего музыканта будет по две головы.

— Интересно, так же ли они будут фальшивить, стараясь удержать терцию? — в голосе Мака слышится презрение.

К платформе подходит поезд. Они ныряют в вагон, чтобы ехать чуть ли не на другой конец города, на Спортивную, и там затеряться в спальнике. В гаражном сквоте Кошмара точно будет весело.

На стене вагона среди прочего — реклама суппозиториев. «Геморрой является одним из самых распространенных заболеваний человека. По оценкам российских экспертов, геморрой имеется у 10–35 % взрослых жителей нашей страны».

Епифанов и Мак ржут, как брабантские кони. Граждане неодобрительно косятся.

Затем Мак припоминает, как перед самым Новым годом накурился с Колькой Дедом Морозом и тот протасил его на детский утренник. Он после замутил со Снегурочкой, у которой руки до локтя были исписаны сценарием праздника. А убитый в хлам травой сорта «Гортензия» Мороз перепутал слова: вместо «седовлас и краснонос, кто я дети?! (Дед Мороз)» он забасил «краснонос и седовлас...»

— Дети быстро сочинили подходящую рифму, — гоготал Мак, вспомнив о былых приключениях.

На Фрунзенской в вагоне появляется безногий воин. На нем камуфляж и голубой берет. Он едет на дощечке с колесиками, движения его рук чем-то напоминают обезьяны.

Проезжая мимо них, воин тормозит, гремит наградами и клянчит:

— Подайте...

Епифанов сует руку в карман.

— Езжай, мужик, нет у него денег, — говорит Мак, придерживая руку Ильи. — Давай, давай!

Вздыхнув, голубой берет отваливает.

— Ты зачем так?

— Пиф, ты наивный, как пионер! Ты реально думаешь, что он воевал? Я тоже на себя разные побрякушки и форму нацепить могу. Им ведь специально ноги отрубают и заставляют побираться. Типа бизнес.

— Ты уверен? И даже если так, что, копейку жалко?

Илья устремляет на старшего товарища вопрошающий взгляд. Мак морщится.

— Беги, хули! Догоняй его.

Илья молчит.

— Ей-богу, Пиф! Перестань! — Мак подается вперед. — В этом мире справедливости нет. Все завязано на бабках. Мента честного днем с огнем не найдешь. Они ж, суки, всех барыг по именам знают. И долю свою имеют. Думаешь, почему торчков столько? Не справиться, что ли? Фиг. Столько их потому, что кому-то с этого выгода.

— Тебе, например, — холодно замечает Епифанов.

— Хорош мать Терезу включать.

Полупустой вагон гудит и подрагивает. Кажется, они едут уже целую вечность.

— Знаешь, Мак, я иногда представляю себя по утрам парализованным. Лежишь вот, смотришь в потолок и позволяешь себе только моргать. Слушаешь, что вокруг происходит, и всякое в этом роде. Думаешь: и так весь день, ночь и еще сто лет...

— Пиздец. А стояк тебя не смущает? По утрам-то, а? Что у тебя в башке творится?!

— Станция Спортивная, — объявляет механический голос.

— БЫТЬ БЫ ГОЛУБЕМ ТУПЫМ! — орет Кошмар.

Вообще-то родители нарекли Сережей, но для всех остальных он был и есть Кошмар. Прозвище образовалось от фамилии. Сережа Книшмар родился в благопристойной еврейской семье: папа — академик, мама — музыкант. Кошмару недавно исполнилось семнадцать, но он знаменит тем, что уже успел побывать в колонии для несовершеннолетних за ограбление вино-водочного ларька и в психушке. Там он пробыл два месяца и вышел с диагнозом «маниакально-депрессивный психоз» и перспективой нигде никогда не служить.

Худой, как полвесла, очкарик, фигурой Кошмар больше всего напоминает богомола. Он носит одни и те же синие «левисы», купленные в секонд-хенде, кеды со звездами, даже в тридцатиградусный мороз. Еще он любит футболки с логотипами вышедших из моды тысячу лет назад рок-групп или с дурацкими надписями вроде «Выживают только параноики». Еще у него есть дедушкино перешитое драповое пальто. Двубортное, левый рукав прожжен сигаретой.

Кошмар претя от Яна Кертиса, Эллиота Смита и прочих музыкантов-самоубийц. Он не читает книг, говоря, что от нагромождения буквенного вранья башка по швам трещит, зато здорово играет на гитаре и барабанах. Мечтает сколотить группу, прославиться и умереть молодым. Родители бросили попытки бо-

роться с его убеждениями, махнули рукой и выделили гараж, чтобы он хотя бы не водил друзей в их ужасно благопристойную квартиру.

Елифанов познакомился с ним в прошлом году, когда, сидя ночью на скамейке в парке, обкуренный хэшем, жевал булку, прихлебывая из литровой коробки молоко.

Подошел не менее удолбанный Сережа. Был диалог:

— На хавчик проперло, ушлепок?

— Ага, — кивнул Илья.

— А молоко пьют только маменькины сынки! — сказал Сережа и вызывающе качнулся, перекатываясь с пяток на носки. — Понял?

— В определенной степени мы все — маменькины сынки, — ответил Илья. — Понял?

Кошмар прослезился от глубины мысли. Завзятый любитель псевдофилософского трепя.

Когда Пиф с Маком открывают дверь гаража, владелец разглагольствует:

— Быть бы голубем тупым! Мы сумасшедшие! Мы не принадлежим себе!

— Началось, — усмехается Мак.

— Нами управляет этот странный, малоизученный паразит, сидящий внутри головы, который называют мозгом, или, точнее, мозгами, их там несколько. Если считаете, что ваше «Я» и я-мозг — закадычные друзья или вообще одно и то же, то зря вы это. А людей, мнящих себя абсолютно нормальными, можно смело отправлять в передачу «Смешное рядом!». Днем мы по-

давлены левым логическим полушарием, а ночью — правым ассоциативным. Подавлены или наоборот: ошарашены. Между прочим, в мире не перевелись товарищи, выясняющие: а какое из полушарий главнее?! — Кошмар переводит дух. — Таким желательно удалять оба.

Кошмар, да и все остальные, изрядно датый. Народу набилось человек двенадцать. Киряют портвейн, пиво из канистры, коктейли вроде «Ягуара», на которые у Епифанова аллергия. Мак тут же присоединяется к сидящим на диване девчонкам.

Илья берет предложенный пластмассовый стаканчик с пивом и до поры отходит в сторону. Со стороны виднее.

Замечает Ваню Штатского. Это фамилия такая. Друзья в шутку зовут Канибом, от слова каннибал. Ваня учится на первом курсе медицинского, но мечтает быть писателем. Рубит на басу. Невысокий, subtilный, очень стеснительный. Два факта. Каниб не в состоянии справить нужду в писсуар где-нибудь в клубе, мотивируя тем, что все смотрят. А еще он ни разу не изменил своей избраннице. Когда его девушка два года тому назад начала настаивать на близости, утомившись букетами и кино, Каниб здорово переживал. Никак не решался. В итоге один его ничуть не стеснительный друг уломал купить проститутку на двоих, и так поднабраться опыта. Платил, разумеется, Ваня, и деньги вылетели в трубу. Не смог Каниб без любви. Пришлось извиняться перед проституткой, а друг поймал кайф на халяву. Еще и в сауне.

Опубликованных рассказов у Вани Штатского нет.
— Как дела, Каннибал? — спрашивает у него Епифанов.

— Нормально. В морг устроился работать.

— Вот оно как, — хмыкает Илья. — Ты все строишь?

— Ага, — Каниб кивает.

— Дал бы хоть почитать новенькое.

— Как-нибудь, — смотрит в сторону стеснительный писатель.

— Ты бы написал что-нибудь реальное, Каниб. Не фантастику, — Илья дружески похлопывает его по плечу.

— Реальное? — переспрашивает Штатский. — Ты вот об этой реальности?..

Кошмар продолжает вещать:

— Журнал «Популярная механика» развенчивает мифы домохозяек! Опыт клинической смерти объясняется теперь мощью доселе малоинтересной угловой извилины. Но вы по-прежнему рады ныкаться в коробочку домыслов. Иллюзия всегда на порядок краше реальности! Но чем дольше длится наркотический бред, тем сильнее будет отходняк. — Кошмар глотает прямо из канистры, выходит в центр. — Вообще, вся эта загробная фигня как история с неоплаченным вовремя Интернетом — отсроченный мизер. Пять минут первого, новый месяц наступил, а из сети не выкидывает. Ура! Качаем порно на халяву! Но радость проходит быстро. Всемогущие админы быс-

тро вычисляют и отрубают тебя с опозданием максимум на полчаса...

— Довольно о загробном порно! — вопит с дивана Мак. — Дайте пива!

— Пива! Пива! — поддерживают остальные.

— Лучше сыграй нам, детка!

Из музыкального центра, который Кошмар специально притаранил из дома, играет бессмертный хит «Losing My Religion». Епифанов в гараже второй раз, и ему здесь нравится. Вдоль стен крепятся полки, заваленные журналами, гаечными ключами, грязными тряпками, пахнущими бензином. В центре на постаменте высится разобранный двигатель мотоцикла. С потолка свисают пластинки фирмы «Мелодия» и связка лампочек. Под ногами скрипят и выпираются доски.

Слева — несколько покрытых желтыми разводами матрасов. Справа — пара комбиков. В углу стоит ударная установка.

По щекам Кошмара текут слезы. Это нормально. Он часто плачет.

— Пейте, — торжественно провозглашает он гостям и, сдернув с крючка дедушкино пальто, выходит из гаража.

Епифанов следует совету старшего товарища.

Наливает стакан, выпивает и наливает опять. Обнимается, целуется, разговаривает о чем-то важном и неважном. В какой-то момент стучат в барабан, на трехногую табуретку взбирается девочка с зелеными

дредрами. Читает, имитируя манеру старательной первоклассницы, стихотворение:

Мы не заметили жука
И рамы зимние закрыли,
А он живой, он жив пока!
Но мама сказала:
— Да и хуй с ним.

Кто-то ржет, кто-то аплодирует, кто-то подносит поэтессе «Ягуара».

Она слезает с табуретки, идет в глубь гаража и валится на диван. Епифанов наблюдает за девочкой с зелеными дредрами, пытаясь вспомнить, где раньше с ней встречался.

Наконец его осенило. Это было у парня по кличке Бумбараш, который обитал в семейном общежитии. Родители Бумбараша — алкаши. В тот день они куда-то слились.

Бумбараш так и видится Илье у открытого холодильника, бормочущий что-то невнятное..

...Только в тот раз прическа у нее была другой, как у Эдварда Руки-Ножницы. Она слонялась по коридору общежития, оставляя за собой грязные мокрые следы. Ботинки на толстой подошве. Кажется, в ноябре. Грандиозная пьянка. Он выпил красного вина и начал нести всякую чушь. Она ударила его кулаком в живот. Рука у нее оказалась тяжелая.

Напились здорово. Компания была подходящая. Спали в комнате, где стояли три составленные вместе

кровати, над которыми висел плакат группы «Последние Танки в Париже». В ту ночь она отрубилась рядом с панком по кличке Бес. Зажималась с ним у сортира в женском крыле. Непроходимость в унитазах женских туалетов по сравнению с мужскими возникает гораздо чаще. Виноваты использованные прокладки и слишком длинные волосы.

Илья опоздал, места ни на одной из трех кроватей не нашлось.

Тогда он плюхнулся на пол и обнял клетку, в которой сидел грустный волнистый попугайчик. Сбоку на табурете стояла древняя магнитола. Ее не выключили, но звук убавили. Никонов читал ему на ухо о книгах, транквилизаторах и траве. Попугай отмалчивался.

Напротив два парня целовались всасос. Это было противно.

Он закрыл глаза и вскоре уснул. Приснилось, что он — чутунная ванна и в нем моется жирная тетка. Натирается кудлатой мочалкой, фальшиво запевая «Julia» Beatles. Наутро всем было плохо. Но после той вечеринки Илья почему-то запомнил эту девчонку.

Парикмахерша. Шиза. Так они ее называли. Симпатичная.

Вдруг музыка резко прекращается. Дверь гаража распахивается. Холодно.

— Чуваки! — говорит парень с «тоннелями» в обоих ушах. — Там Кошмар себя убил.

Все вскакивают со своих мест и кубарем несутся к выходу.

В луче фонаря кружатся снежинки. Кошмар без пальто лежит за гаражом на дырявых автомобильных крышах. Шепчет неразборчиво посиневшими губами. Предплечья его в многочисленных порезах. Футболка залепана кровью. Рядом на снегу валяется раскрытая опасная бритва. Кровь на ней запеклась.

— Откуда у него бритва такая?

— Наверное, тоже дедушкина...

Толпа образует полукруг. Расстояние между собой и самоубившимся Кошмаром толпа выдерживает приличное. Шиза вырывается вперед, активно работая локтями.

— Что вы стоите, идиоты?! Надо что-то делать!

9

Мозг разрывается на части. Начался отходняк.

Перед глазами — пелена со вспыхивающими в ней красными точками. Тошнит.

Епифанов покупает в круглосуточном ларьке пиво. Свинчивает пробку и, запрокинув голову, делает глоток. Неимоверные усилия прилагаются, чтобы удержать этот глоток в желудке. Потом — нормально. Домой возвращается, выписывая странные крюки, будто бешеная собака. И где-то рядом воет собака. Но ведь никто не погиб?

Кошмара затащили обратно в гараж, где перебинтовали его же футболкой и носовым платком Шизы.

Работал в основном Каниб. Вызвали «скорую» и родителей, причем звонили с мобилы неудавшегося самоубийцы, который стонал, блевал и не сопротивлялся. Объяснялся по телефону с предками Кошмара Мак, у него язык слушался: что-то сочинял — мол, шел мимо, заметил человека в крови...

Родители обещали быть через десять минут. «Скорая помощь» — через пятнадцать.

А тусовка рассосалась за мгновение. Кому нужны лишние проблемы?

Только Мак остался внизу, у входа под фонарем, а Епифанов с Шизой забрались на крышу соседнего гаража, чтобы оттуда наблюдать, чем все закончится. Шиза была в короткой юбке и ныла, что у нее попа мерзнет. Илья предложил погреть.

— Отвали.

— Я тебя провожу потом?

— Нам не по пути.

— А номер телефона дашь?

— Отвали, я сказала.

Донесся шелест шин, свет фар осветил дорогу к гаражу.

Родители уложились в семь минут. Из машины (потрепанная «ауди») выбрался высокий мужчина в дубленке, под мышкой он держал небольшую коробку (аптечка, сообразил Епифанов). Мама Кошмара — невысокая и толстая. Она быстро поговорила с Маком на повышенных тонах и следом за мужем ринулась в нутро гаража.

Мак пожал плечами и подал Илье знак, что пора уходить.

Спускаясь, Шиза порвала колготки. При этом она материлась, как черт.

Потом они втроем долго бежали и остановились уже почти у самой автобусной остановки. Илья засмеялся и спросил: от кого бежим?

— Да у него мамаша — психованная! — сказал Мак. — Начала меня во всем обвинять.

— Родоки теперь гараж по-любому прикроют.

— Кошмар — дебил!

Мимо промчалась «скорая». Прибыл автобус. Они втроем сели и поехали к метро.

Шиза всю дорогу о чем-то болтала с Маком. Хлопала его по руке. Но в вагоне метро, перед выходом (она вылезала на «Парке Культуры»), наклонилась к уху Епифанова, обдав смесью перегара и арбузной жвачки:

— Запоминай. — И продиктовала номер.

Теперь Илья бредет домой. Тормозит на светофоре.

Поток машин постепенно иссякает. Впереди ночь, улица, фонарь и — где-то там за углом — аптека. Рядом семейная пара. Жена увещевает подвыпившего мужа, который яростно давит на кнопку переключения цвета.

— Пупсик, не психуй, а?

— Ездят, ездят! Кто им права дал? Купили небось права-то. Суки. Ну ты посмотри: вот куда она прет на своей тачке?! У, дура!

— Дорогой, ты у меня птица-говорун. Они же не виноваты, что у тебя права отобрали. Вон, гляди, желтый загорелся...

Мужик оборачивается. Илья успевает встретиться с ним взглядом. Стекланный.

Он говорит медленно и отчетливо:

— Никакая я тебе не птица-говорун. Я просто знаю ИСТИНУ.

Вспыхивает зеленый. Епифанов двигается дальше.

Деревья равномерно расставлены. Илья решает срезать углы, но блудит в трех соснах. А небо — беззвездное, мрачное, с фиолетовыми тенями, как кондукторша в автобусе. По такому не сориентируешься.

На мох тоже рассчитывать не приходится. Надо кричать.

— Ау, — тихо говорит Епифанов. — Аушеньки! — И уже на полную: — АУ!!!

Справа мелькнула синяя мигалка. Менты? Попасться в цепкие лапы закона?

Вот уж дудки. Увольте. Лучше погибать от голодной смерти в трех соснах, выискивая пути спасения! Не сдаваться, любить жизнь, уподобляясь отважным героям рассказов Джека Лондона. Епифанов ломанулсь по какой-то подвернувшейся тропке.

Напугав пару облезлых котов, которые делали секс-минутку, набредает на детскую площадку: вкопанные автомобильные шины, кольца, турники и ракет, коей не суждено лететь к далеким галактикам.

Да ей и до ближних-то не долететь. Максимум — вон до того забора. Есть! Забор, исписанный спортивными призывами и трехбуквенными конструкциями, служит отличным ориентиром. Вдоль него можно идти и выйти.

Епифанов выбрасывает пустую бутылку.

Спустя десять минут он поднимается по лестнице. Домой.

Таинственный злоумышленник вновь повыворачивал лампочки в подъезде — отпирать дверь приходится в кромешной темноте. Илья нащупывает замочную скважину, ключ вводит вдоль большого пальца и все равно попадает раз на пятый.

Два поворота ключа против часовой, и вот она — родная прихожая. Руки в тепле заходятся. Варезки он где-то потерял. Пахнет остывшим ужином. Илья стягивает куртку, садится на тумбочку и неторопливо развязывает шнурки. Пальцы слушаются плохо.

Он старается не шуметь, но мама, кажется, не спит.

Зажигается яркий свет — Епифанов жмурится.

— Илюш, что происходит? Ты знаешь, который час?

— Поздний.

Зачем она заставляет его говорить в таком состоянии?

— А позвонить сложно было?

— Сложно.

Илья открывает глаза: из-за спины начинают шуметь вертолеты. Бессмысленно пялится в репродук-

цию «Аленушка на камне». По нарисованному пруду бежит рябь.

На фоне репродукции мама в халате с журавлями.

— Ты пьяный, что ли?

— Исключительно от любви, мам.

— Тебе плохо? Тошнит?

— Все в порядке.

— Есть хочешь?

— Нет.

— Илюш, сколько это будет продолжаться? Школу опять прогулял? Где ты шляешься-то с утра до вечера? Нервов никаких не хватает. Что ты молчишь?!

Илья встает с тумбочки. Его штормит.

— Мам, не лезь, пожалуйста, в мою жизнь.

— А в чью жизнь мне тогда прикажешь лезть? — мать хватается его за рукав.

— Оставь меня в покое. Отстань. Да отстанешь ты или нет?!

Шатаясь, он укрывается в комнате. Мама следует за ним и продолжает причитать.

Илья хлопает дверью перед самым ее носом.

Ничком на кровать — пружины жалобно скрипят. Он просто не в курсе истины. Вытащив из кармана джинсов телефон, набирает по памяти номер.

— Привет.

— Привет.

Сука-любовь.

Ему было четыре года, а Ей — шесть с половиной — и колоссальная разница в возрасте встала непреодолимой стеной. Девочку звали Василиной. Епифанов носился за ней, а она улепетывала со всех ног и кричала:

— Дурак! У меня парень — первоклассник!

— У тебя челствова селдце! — верещал он вслед.

Василина бегала быстрее него. Тогда Епифанов удумал написать любовное письмо, от которого так легко не убежишь. Взял чистую открытку, сел за стол и принялся ждать вдохновения. И вдохновение посетило. Вспыхнули перед глазами огненные буквы, складывающиеся во фразу: «Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ». Епифанов склонился над открыткой, высунув от усердия язык. Огненные буквы он выводил зеленым фломастером.

...Он забыл, в какую сторону пишется буква: Я или R — как правильно? Глупо было бы начинать письмо с ошибки. Пока ходил, выяснял — испарилось вдохновение и сама затея показалась дурацкой. Любовь не выдержала проверки правописанием.

Вторая — настигла в двенадцать лет. Доводила до сердечных спазмов.

Все звали ее Кузнечиком. Из-за фамилии (Кузнецова) и длинных худых ног. Кузнечик была на год старше, носила старые платья с бабушкиного чердака, кеды без шнурков и сочиняла стихи (типа: «мне

уже тринадцать лет, а любви все нет и нет»). Считала себя сумасшедшей. Длинные светлые волосы, чистая кожа, неприклеенная улыбка. Хотя улыбалась она нечасто. Парни во дворе по ней с ума сходили: таскали букетики и писали на асфальте под окном признания в любви.

Но Кузнечик ждала принца. Хотя не прогоняла Епифанова.

Время от времени она гуляла по крышам. Тогда летом они гуляли по ним вместе.

— Я — сумасшедшая! — повторяла она, подходя к краю крыши.

У Ильи дыхание перехватывало. Голова кружилась от высоты и поташнивало.

— Будь, пожалуйста, осторожнее...

— Да что ты понимаешь. И не надейся, я никогда тебя не поцелую.

— Больно надо, — говорил он, при этом дико краснея. — И в чем, интересно, проявляется твое сумасшествие?

— Я ездила в автобусе с пакетом на голове; орала, сидя на площади в будний день; купалась в карьере, где живет чудовище и никто не купается; я люблю песни дешевых проституток и забытые, никому не нужные книги. Так что я — сумасшедшая.

— Понятно. А он был бумажный или полиэтиленовый?

— Кто?

— Ну, пакет.

— Почему тебя заботит такая чепуха? Бумажный он или не бумажный — какая, к черту, разница?! — почти кричала она, переносила левую ногу за ограждение. — Ты — зануда!..

— В бумажном прохладнее, по-моему. Жарко. Автобусы полные, все куда-то едут. В полиэтиленовом можно задохнуться.

Незашнурованный кед срывался с ее левой ноги, летел вниз.

Шлепок был еле слышен.

— Отойди ты от края, пожалуйста.

— Боишься смерти?

— Да. Боюсь.

— Вот говорю же: за-ну-да! Я бы хотела умереть. Но только — красиво! — Кузнечик взвизгивала и, отойдя от края, кружилась в своем сумасшедшем танце. — КРАСИВО!

— Нельзя умереть красиво.

— Ты запрещаешь? — она останавливалась, поворачивалась к Илье, буквально нависала — ему были видны ее маленькие острые грудки в вырезе платья.

Он на какое-то время терял дар речи.

Потом они спускались с крыши, и Илья аккуратно переносил ноги с одной лестничной перекладины на другую: не поскользнуться бы...

...А кед лежал, где упал. Весь в пыли и с высунутым язычком.

— Ну чего ты там телишься! — подбадривала Кузнечик. — Ой, не могу! Ты такой скучный! Не смей подходить ко мне всю следующую неделю...

И он не подходил. Опасался, что может прогнать навсегда.

Через пару дней Кузнечик подсакивала к нему сама, хлопала по плечу и как ни в чем не бывало звала, например, жевать гудрон. При этом делилась страшным горем. Жаловалась на очередное увлечение. Епифанова от ее признаний кидало в жар.

— Я ему не важна, — жаловалась Кузнечик на подлеца. — Он ходит с этой крашеной идиоткой из семнадцатого дома. Где моя двустволка — пристрелю любую! Господи, до чего же больно... Мы — это всего лишь две буквы. Чего молчишь? Совсем сказать нечего?!

Он качал головой.

Еще Кузнечик говорила:

— Я кактус посреди пустыни. Никогда не расцвету. Я лишь красиво гнию...

— Извини, — однажды высказался Илья, — но мне кажется: тебе нравится чувствовать себя несчастной. Ты вынашиваешь горе, как ребенка. Вот. И счастья-то боишься, если оно вдруг придет — то не поймешь, что с ним делать.

Кузнечик окинула его взглядом, не взгляд, а коктейль из презрения, любопытства и подозрительности:

— Че-то ты очень умными словами заговорил. Не рановато ли?

Спустя полгода после этого разговора родители Кузнечика вдруг решили переехать в другой город. И переехали.

Илья не поцеловал ее на прощанье.

Две недели ходил веселый, как зомби. А потом пообещал себе больше никогда ни в кого не влюбляться. Никогда. И ни в кого. Пусть в него влюбляются.

11

Первая совместная прогулка, по мнению Епифанова, отдает замшелой готической повестью. Пахнет сырой землей, мокрым камнем, плесенью, тленом. Ноздри щекочет чуть слышный, рожденный скорее буйной фантазией, сладковатый аромат с древесной нотой: это когда на покойницкое амбре накладываются еловые лапы. Гуляют они по кладбищу. Замогильная романтика. Впрочем, оправдывал выбор подруги Илья, это все же оригинальнее, чем посещение музеев, где плесени куда больше; кафешек, где обязательно будет куча народу и их наверняка посадят в зал для некурящих; лучше, чем кино с глупой и при этом не смешной комедией. Главное, в разрытую могилу не ступить.

Кладбище рядовое, ничем не выделяющееся среди остальных кладбищ. Епифанов идет рядом с Шизой, оглядываясь по сторонам. Атмосфера, конечно, та еще. Черные лысые деревья невесело качают ветками. Снег тает на холмиках, и в прогалинах видны желтые пучки прошлогодней травы, похожие на раститель-

ность с головы директора школы, в которой Илья учится. На гранитных плитах (установленных либо вертикально, либо горизонтально) незнакомые черно-белые лица. Создается ощущение, что взгляды провожают.

Других посетителей не встречается. Отлично. Не хватало нарваться на церемонию.

Оградки, оградки. Некоторые свежеокрашенные, другие — в пятнах ржавчины. Четные букетики (чаще белые и красные гвоздики), и эти ужасные венки, которые Илья всегда считал глупой придумкой.

— Вот здесь посидим? — спрашивает Шиза, указывая на скамеечку возле двухметровой мраморной плиты, на самом верху которой прилепился одинокий насупленный ворон.

— Давай посидим.

Ворон приоткрывает один глаз и тут же снова закрывает.

— Спокойно здесь, правда?

— Ага, — кивает Илья. — Спокойнее только в гробах.

Они застилают мокрую скамейку полиэтиленовыми пакетами, которые Шиза загодя вытащила из сумки. Присаживаются. Епифанов не знает, куда деть руки. В итоге, сцепив пальцы в замок, зажимает коленками. Ветер дует в спину. Промозгло.

— Ты читал Эдгара По?

— В пятом классе мне подарили книжку «Золотой жук».

— Что тебя заинтересовало в нем?

— То, что он женился на своей двоюродной сестре, — отвечает Илья.

— Нет, в творчестве я имею в виду... Какой ты несообразительный.

— А-а. Это он придумал историю про то, как чувак самостоятельно повесился в запертой изнутри комнате без мебели, встав на ледяной кубик?

Шиза закатывает глаза и молчит.

Епифанову кажется, что глаза у нее красивые. Серо-зеленые с краплениями цвета янтаря. И такая белая чистая кожа. Наверное, часто сидит в темноте. Зеленые дреды выбиваются из-под шапки. На ней серое пальто, короткая клетчатая юбка и тяжелые ботинки.

Ноги длинные и тоже очень красивые, думает Епифанов.

Ему вдруг до смерти захотелось ее поцеловать.

Но Шиза продолжает молчать. Илье становится неловко.

— Смеркается, — предупреждает он.

— Ты что, боишься темноты? — голос Шизы низкий, хрипловатый.

Она достает из кармана пальто пачку сигарет. Закуривает.

— Я?! Нет. С чего ты взяла? Совсем не боюсь темноты. Когда дома свет отключают, даже свечей не жгу... И крыса моя тоже бесстрашная!

— О-о! У тебя есть крыса?

— Альбинос.

— Покажешь как-нибудь?

— Я тебе ее могу подарить, — в порыве великодушия произносит Епифанов.

— Чего, серьезно? Тебе будет не жалко?

— Нет, почему... жалко. Но если тебе она понравится...

Шиза улыбается.

— Ты сейчас такой милый! Когда стесняешься.

— Я не милый, — говорит Илья. — Вообще-то, девушки называют «таким милым» того, к кому испытывают лишь дружеские чувства.

Шиза хохочет.

— А ты каких чувств хочешь?

— Давай, конечно, — машет расцепившейся рукой Илья. — Вгоняй меня в краску.

— Ты вообще идиот! И псих. И зануда.

— Огласите, пожалуйста, весь список.

— Ладно, — говорит Шиза, кладя свою ладонь поверх ладони Епифанова. — Не злись. И крысу-альбиноса оставь себе.

Странная девушка, думает Епифанов.

Сначала спрашивала всякую ерунду: носишь ли пижамы (нет), какого цвета зубная щетка (зеленая и — ох, жаль, что не синяя), мылся ли хоть раз в общественной бане (да), сколько ложек сахара кладешь на во-о-от такую примерно кружку чая (четыре).

Кстати, она его сфотографировала, когда он этого не ожидал. В парке на фоне беседки. Показать фотографию отказалась. Сказала: потерпи, не сейчас...

Потом загнутила. Теперь руку гладит.

— Хочешь, я тебе нормальную стрижку сделаю?

— Меня моя вполне устраивает, — отвечает Илья. — Спасибо.

Ворон, не просыпаясь, перемещается на другой конец плиты, подальше.

— Между прочим, — произносит Шиза. — Под этой плитой лежит мой дядя по матери. Кое-кто реально считал его колдуном. Представляешь?

— Твой дядя по матери летал на работу на метле?

— Шутки не катят, — холодно отвечает Шиза, убирая ладонь.

— Блин. Извини. А как он умер?

— Отравился грибами.

Надо отдать должное Епифанову, он очень старается сдержаться. Не смеяться.

Но это именно та ситуация, когда чем больше сдерживаешься, тем смешнее.

Ему представляется дядя-колдун в расшитом полу-месяцами халате, который варит в котле на кухне волшебное снадобье. Берет поварешку, вылавливает из котла грибочек, дует и пробует. Гром гремит, земля трясется. Колдун падает замертво. В завещании указано, кому будет принадлежать ступа с метлой. Конец.

Видение идиотское и вообще не смешное. А он все равно смеется.

Головой он понимает, что Шиза сейчас обидится и уйдет. Но ничего не может с собой сотворить, чтоб успокоиться.

Шиза не ушла. Она внезапно тоже захохотала. Аж слезы выступают.

— Ты... ты-то чего?

— Да я, наврала я! — говорит Шиза. — А у тебя лицо такое сделалось — я чуть не описалась! Погоди. Тихо! Давай подышим.

Предложение, высказанное на кладбище, усугубляет истерику.

Напуганный хохотом ворон срывается с плиты, взлетает, оглашая кладбище карканьем. Черные лысые деревья опускают ветки. Ветер стихает.

— А в детстве я пересаживала души из умирающих игрушек.

Епифанов заинтересованно выгибает бровь.

— Например, я нашла на свалке белого кролика...

— В перчатках и с часами на цепочке?

— Нет, это был вполне заурядный кролик. Мягкий. Плюшевый. Его шерсть побурела от грязи, и он был безглазый. Одно ухо разодрано.

— Мертвый?

— В нем еще теплилась жизнь. Иначе я бы его никогда не отыскала.

— Понял.

— И в то же время у меня была кукла Мария. Я с ней на улицу ходила. А мальчишки стали приставать, дразнить. Я тогда брекеты носила. Сижу, своими делами занимаюсь, на мальчишек — ноль внимания. И они решили отобрать Марию.

— Отобрали?

— Они оторвали ей голову и кинули мне. Я заплакала. А эти поганые уроды заржали и зашвырнули тело куклы на крышу сарая.

— Действительно поганые уроды.

— Я пришла домой и придумала сделать операцию. Взяла прокрученного в стиральной машине кролика и пришила ему глаза Марии. А то она была на последнем издыхании. По-моему, души игрушек хранятся в их глазах. Ты не обращал внимания? Если у мишки, скажем, не хватает лапы — он еще может быть любимым. Его можно любить даже сильнее. Жалеть. Потому что он живой и страдает. Но разве кто-нибудь бережет безглазые игрушки? Из них будто вся жизнь вытекает. Их неохота брать в руки.

— Слушай, а пол у кролика поменялся? Он остался кроликом или стал крольчихой?

Шиза задумчиво крутит дред.

— Мне вообще-то никогда не задавали этого вопроса.

— А я задаю.

Шиза прыснула.

— Я назвала его Роджером.

— Вероятно, Роджер был первым кроликом-трансвеститом.

Потом они долго-долго целуются.

— Как тебя по-настоящему зовут? — отдышавшись, спрашивает Илья.

— Ника.

День шалости.

Сначала Хиро и Никандров являются в школу бухие. Типа вызов обществу и морали. Специально обдают всех вокруг перегаром, чтобы заметили.

Их, конечно, спрашивают:

— Что пили?

— Коньяк, — отвечает Хиро.

Хотя Епифанову кажется, что шмонит дешевым портвейном.

— С ВОСЬМЫМ МАРТОМ, БАБЫ! — орет Хиро.

На большой перемене мальчики поздравляют девочек. Дарят чайные наборы в хрустящей полиэтиленовой упаковке. Девочки вертят подарки и морщатся. Они мальчикам подарили на День защитника Отечества трусы с пошлыми надписями. Епифанову попались черные боксы, на размер больше, с надписью «Кнопка старта». А Пудрику — «Секс-инструктор». А Никандрову — «45-й калибр»...

— У меня сорок пятый! — хвастался он.

— Это совсем не такой большой, как тебе кажется, — осадили Никандрова.

Дальше, на уроке истории, Хиро, вытащив из сумки баллончик с названием «Прелесть», выводит струей лака для волос на парте слово «ХУЙ» и поджигает.

Воняет страшно.

Восьмой «А» ржет, держась за животы. А слепая, как Гомер (не тот, который Симпсон, а тот, который

автор «Илиады»), историчка долго не въезжает, что, собственно, произошло.

Гречина смеется над проделкой пьяных мальчиков так, что у нее тушь размазывается. Епифанов кривит губы и вертит в руках карандаш.

— ЮНЕСКО подало в суд на советских моряков, — говорит Илья, — за то, что когда они, представители ЮНЕСКО, поехали в Антарктиду, то наткнулись там на пингвина, на котором было масляной краской написано то же самое слово...

Дальше — урок ОБЖ, его ведет Герман Германович Пустовойтов (низенький, нос в синих прожилках, зачес на лысине). Вовсю разглагольствует о паводках, селях и цунами. Суровый мужчина. Очень конкретный. Обожает четкие определения и строевой шаг.

По бокам от Пустовойтова стоят два манекена в противогазах. За ними — плакаты по оказанию первой помощи. И почему-то плакат, изображающий подвешенный в пустоте пищеварительный тракт: гордый пищевод, похожая на сатанинский гриб печень, понурившийся конец толстой кишки.

Илья донимает Лизу Гречину рекламными слоганами собственного изобретения:

— Лес рубят — щепки летят. Портвейн «Три топора».

— Ты оригинален, как суши с армейской тушенкой.

— А ты, Лиза, как анчоус. Маленькая и мерзкая.

— Корень зла, — отвечает Лиза, склоняясь над тетрадкой с котами на обложке и рисуя что-то хищное. — Хамло.

Но Илью уже понесло, ему сложно остановиться:

— Я еще придумал рекламу для кетчупа «Хайнц».

Слушай. Нечто в духе Джона Ву!

— Кого?

— Представь себе, Гречина, зал католической церкви, — говорит Илья. — Там стрельба с двух рук, в критический момент откуда ни возьмись прилетают белые голуби. Вот пуля попадает в цель. Один падает. Второй подходит, чтобы сделать контрольный. На рубашке первого расплывается ярко-красное пятно. Пушка крупным планом. Тут режиссер (ну или кто там за него) кричит: стоп, снято! Все улыбаются. А второй убирает пистолет и вытаскивает две сосиски. Протягивает угощение первому. Оба макают сосиски в ярко-красное пятно. И слоган: «Больше грязи. Хайнц». — Епифанов секунду молчит. — Да, именно так. Больше грязи. Хайнц.

— Идиот. — Лиза отворачивается. — Ты чего-то цветешь и пахнешь? Растрепался...

— Так праздник. Разве нет?

— Епифанов! — повышает голос Пустовойтов. — Дай мне определение паводка! Не можешь?! Тебе срочно надо в армию. Там из тебя бы выковали настоящего мужчину!

— Куи обломают.

— Что ты сказал, сопляк? Армия — это школа жизни. Ты еще не дорос...

— У меня отец в Чечне был. Когда вернулся, пил по-черному. В горячке принимал меня за чурку и хо-

тел уши оттяпать. Это поведение настоящих мужчин, по-вашему?

— Я говорю не об этом...

— А я — об этом. В вашей армии, Герман Германович, из людей делают либо кретинов, либо преподавателей ОБЖ.

Пустовойтов багровеет.

— Ты не любишь свою Родину и свой народ, сынок.

— Во-первых, я вам не сынок. Упаси меня бог от таких папаш.

Класс притих. Гречина шипит:

— Епифанов, это уже перебор...

— А во-вторых, я люблю Родину и народ. Но, по всей видимости, Родина в лице чиновников и правительства любит нас гораздо сильнее. Ставя в коленно-локтевую.

Герман Германович тянет узел галстука, расстегивает верхнюю пуговицу рубашки. Ему тяжело дышать.

— Таких как ты раньше ставили к стенке, Епифанов, — сипит учитель.

Илья кивает.

— Ну, я так и понял. Вы б меня расстреляли, Герман Германович? Да? Расстреляли бы, будь у вас возможность? Вы успокойтесь. А то вас того и гляди удар хватит...

— ЗАКРОЙ РОТ, СОПЛЯК!

— Катись ты.

— Ты ответишь за свои слова! Сию минуту ответишь! И не передо мной...

13

Персиковый сок пахнет грязными носками.

Илья отставляет стакан в сторону. Поднимается из-за стола. Смотрит на конвейер, заставленный грязными тарелками с остатками обеда. Резиновая лента ползет, увозя в неизвестность покусанные котлеты и булочки с повидлом. Над лентой висит общепитовская картина: изображена большая рыбина (вероятно, сом) на овальном блюде. А чуть ниже — общепитовский призыв: «Помоги в работе нам — убери посуду сам!»

Стакан сока — последнее желание приговоренного. АЭС разрешил. Смешной.

Епифанов вздыхает и под контролем Атомного выходит из столовой, шагает к директору. На второй этаж. Из коридорных окон виден школьный двор, огороженный проволоочной сеткой. Могилы-клумбы, семья из трех турников, утоптанная полянка, где дерутся малыши. Солнце ныряет в тучи. Мелкий снег сыпет строго вертикально.

Сосульки тают.

Вот и кабинет с табличкой «ДИРЕКТОР».

Классный руководитель вежливо стучится. Епифанов демонстративно зевает.

— Да, — говорит бас из-за двери.

Эл Степанович дергает ручку, открывая дверь на ширину ладони.

— Лев Юрьевич. Тут Епифанов.

— Спасибо. Пусть проходит.

Классный руководитель вталкивает Илью в кабинет, аккуратно прикрывает за ним. Удаляется. В коридоре некоторое время эхом разносится его нервный шаг.

Молчание. Тишина, в которой отчетливо слышно тиканье настенных часов.

Директор внимательно разглядывает Епифанова, а тот разглядывает кабинет. Он как-то резко контрастирует со всей остальной школой. Кабинет, в смысле.

Во-первых, тот пресловутый ковер, на который, собственно, и вызывают. Хороший ковер. На нем узор, похожий на индейскую татуировку — Илья видел фильм про индейцев.

— Дорогой? — спрашивает Епифанов, кивая на ковер.

— Не дешевый, — отвечает Лев Юрьевич.

Директор сидит, уперев локти в стол. Костюм явно пошит на заказ, однотонная голубая рубашка, галстук в полоску, из-под стола выглядывают начищенные до блеска носы туфель — у него длинные ноги, думает Илья. Зато лицо незапоминающееся: обычный рот, нос, уши и глаза. Такое ощущение, что с тобой гово-

рит костюм; а этот человек — вроде как манекен, на который костюм натянут. Впрочем, в народе прозвище главного — Корнеплод: нижняя часть лица чем-то напоминает острый конец морковки. Волосинки такие же.

Опять молчание.

Подвесные потолки. Стеклопакеты. Кожаный диван. Пара кресел. Стена, вся увешанная дипломами, как грудь медалями. Книжный шкаф — в глаза сразу же бросается двухтомник Макаренко. Впечатляет стол: массивный, черный. На столе все содержится в образцовом порядке.

— Антиквариат?

— Почти. Этот стол у меня больше двадцати лет. Он мне очень дорог.

— Любите всякое старье?

— Уважаю историю.

— Ну, я так и понял.

— Пугать тебя, вижу, бессмысленно, — вздыхая, говорит Корнеплод. — Так? И те наказания, что быстро действуют на других, — на тебя не подействуют. Верно?

Епифанов пожимает плечами.

— Ты, может, устал и присесть хочешь? — спрашивает директор, указывая на кресло.

— Я постою.

Губы директора чуть трогает улыбка. (Вы видели, как улыбаются манекены?)

— Ты, Епифанов, видимо, считаешь, что все вокруг тебя — лгуны и лицемеры. В твоём возрасте я мыслил сходным образом.

(Мыслил сходным образом. Где их так учили говорить?)

— Но потом вызвал директор, вы поговорили по душам, и жизнь круто изменилась?

— Не ерничай, Епифанов. Лет через десять ты будешь думать совсем по-другому.

— Откуда вы знаете, как я буду думать через десять лет?

— Я чуть старше тебя.

— А-а. Супер. Может, вы тогда угадаете, что у меня на уме прямо сейчас?

— Не пытайся мной манипулировать, — в голосе Корнеплода прорезываются металлические нотки. — Лучше объясни, почему сорвал урок, зачем обидел хорошего педагога?

Илья рассматривает свои руки.

— Ответь, пожалуйста.

— Как бы это выразить, — вскидывает голову Илья. — Может быть, это связано с тем, что я не вижу пользы от урока, который ведет бездарный, лживый и лицемерный учитель? Или мне кажется, что эти сорок пять минут лучше потратить на что-то более полезное?

— На что, интересно?

— Это мое дело. Вас оно не касается.

— Ты только что обвинил Германа Германовича. Обоснуй.

— Не хочу.

Корнеплод стучит карандашом по столу.

— У тебя какие-то проблемы в семье?

— Моя семья вас тоже не касается.

Корнеплод слегка краснеет.

— Значит, по-хорошему ты не понимаешь...

Илья улыбается.

— То есть это было как бы по-хорошему, да?

— Будь добр, Елифанов, закрой рот. Ты скатился от практически отличной успеваемости непонятно к чему. Ты деградируешь. Хамишь учителям и мне. Дело, конечно, твое. Но уговаривать я тебя больше не буду. Мне кажется, что эти пятнадцать минут можно потратить на что-то более полезное...

— В туалет хотите?

— Еще слово — и вылетишь из школы. Я даю тебе последний шанс. Каждую неделю ты будешь встречаться с нашим школьным психологом. И ты изменишься. Иначе — отчисление. Или все-таки вызвать опять твою мать в школу? Представь, каково ей будет. На той неделе — первая встреча, психолог выйдет из отпуска. Я предупрежу твоего классного руководителя. Свободен.

Илья выходит из кабинета, быстро идет по коридору, затем останавливается у окна.

Снежинки стали крупнее. Солнце совсем скрылось.

Он забирает из гардероба куртку. Одевшись, выходит на крыльцо школы.

Закуривает. Руки немного дрожат. В кармане джинсов вибрирует мобильник.

Это Ника.

— Привет.

— Привет.

— Епифанов, у меня к тебе просьба. Выполнишь?

— Смотря какую.

— Будь моим первым мужчиной, Епифанов.

— Дура, что ли? Что, прямо вот так сразу?

— А чего откладывать-то? Я готова.

14

А потом она становится ужасно разговорчивой. Рассказывает о младшем брате.

— Ярик. Пять с половиной пальцев. Голубые глаза. Стригут его «под горшок», и букву «ш» он произносит, сильно выдыхая и вытягивая губы, отчего звучит как шипение потревоженной кобры или будто капли воды, попавшие на горячий камень... а у тебя эти штуки, ну, презервативы есть?

Илья смотрит на нее. И на свет. По очереди.

Свет фонаря, рискнув проникнуть в комнату, наткнулся на неплотно сомкнутые жалюзи и был нарезан аккуратными полосками. На портрет оседают пылинки. Это он, Епифанов, на портрете. Точнее, половина его лица в кадре, а вторая половина — за кадром. В левом ухе болтается сережка. Лицо офотошоплено

вмеру. Ее подарок. Та фотография из парка. Беседка не в фокусе — фон похож на телевизионные помехи.

А он подарил Нике оранжевые герберы. Это такие цветы, словно продвинутые ромашки. Ника сказала, что ей не нравятся розы, а нравятся именно герберы.

— Что ты так смотришь, дурак? — Ника натягивает одеяло до подбородка и продолжает: — А однажды он обкакался, когда они с мамой ездили в Питер на экскурсию. В Русском музее. Перед картиной «Утро в сосновом лесу».

— Где?

— Ох, блин. Говорю же: в Русском музее.

— Культурная сенсация. Нет, не так. Дай я сама. Ой, он у тебя такой смешной!

Раздается нервный смешок. Она продолжает повествование:

— Он стоит и плачет, а мама спрашивает: «Ты мишек испугался? Почему не попросился в туалет?» А братик отвечает: «Нет, мишки хорошие, просто я думал, что в музеях не бывает туалетов». И еще он не любит пельмени. Домашние тоже не ест. Мама возмущается, что он их не ест. Он говорит, что, мол, это дело вкуса. Серьезный такой, знаешь... Пример привел: «Мам, ты говно любишь?» Мама в осадке. А он: «Вот, а мухи любят! Дело вкуса. Я не могу это жрать». Руками еще разводит, так смешно. Видно, бог, говорит, таким меня создал... Не торопись, Сейчас, мне неудобно так, погоди. Он у тебя что, сдается? Эй, дружок, не сдавайся так быстро!

— Ты его очень любишь? — продолжает светскую беседу Епифанов.

— Безумно.

Илья тянется за сигаретой. Выколачивает одну из пачки. Закуривает прямо в комнате. Не страшно, его мама на работе. Вечно на работе.

Ей, кстати, он подарил белую розу.

— И мне дай.

Желтый дым поднимается к потолку.

— Блин, как же больно БОЛЬНО!

На стене покачиваются длинные ленивые тени.

— А у нас в пятом классе был дневник поведения и посещаемости, и мне классная сказала, что я буду записывать опоздания, а она — ставить оценки за поведение. Понятно, что меня все просили их не отмечать. Я почти никого и не отмечала, зато училка старалась вовсю. Тетрадка распухла от компромата. И тогда классная решила устроить родительское собрание. Трясла этим дневником и орала: «Все вашим родителям расскажу!»

— И чего вы сделали? — искренне интересуется Илья.

— Ну, испугались, побежали курить за школу. За дневник я ответственная была, взяла его со стола и положила в рюкзак. Курили за углом, думали, как спастись?!

— Придумали?

— Мы его сожгли. А потом я сказала, что потеряла, — хвастается сообразительностью Ника.

— Влетело от училки?

— А мою вину было не доказать. Зато она больше не пыталась такие тетрадки заводить. Поискали вокруг школы — и бросили... Медленнее, медленнее. Да, вот так, да.

— А тебя в детстве в угол ставили? — спрашивает Ника.

— Да, — кивает Епифанов.

— И о чем ты там думал?

— Я не думал. Я что-нибудь полезное делал. Брал, например, ножницы и обрезал бахрому на занавесках.

Она улыбается. Переворачивается на живот, бросает окурок в герань.

Он гладит ее шрамы. На спине Ники два шрама. Один справа на пояснице, второй — под левой лопаткой. Они совершенно разные на ощупь. Тот, который на пояснице — вроде как несколько тонких шрамиков, соединенных общим замыслом. Это решетка. Здесь играли в крестики-нолики. Рубец под лопаткой — проходит наискосок, гладкий, длиной около четырех сантиметров. По форме похож на рыболовный крючок.

— Не трогай мои шрамы! — говорит Ника, выгибаясь. — Эй!

— Откуда у тебя этот?

— От Верблюда, — смеется она.

— Какого верблюда?

— Был такой парень во дворе, которого прозвали Верблюдом. У него типа горб был. Однажды мы с ним наелись псилорубов, и он сказал, что я — ангел.

Я ответила, что никакой не ангел, потому что у ангелов крылья, а у меня только искривление позвоночника. Он сказал, что крылья сокрыты во мне и им нужно помочь раскрыться...

— Раскрылись?

Илья играет с разметавшимися по подушке зелеными дредами.

— Нет. Зато кровищи натекло много.

— И что было дальше?

— Верблюд испугался, бросил нож и побежал домой. Но домой попасть не смог, — продолжает свой рассказ Ника.

— Почему?

— Не нашел вход в подъезд. Там, где, по его мнению, располагался вход, была кирпичная стена. Он подошел к дому с торца, но не понял этого. Сидел до утра, пока не отпустило. До восхода солнца. Ждал, когда дверь снова появится.

— Это когда было?

— В том году.

Разглаживая шрамы, Илья вспоминает татуировку своей матери. На левом запястье. Размытая буква «Н». Она ее сделала в четырнадцать лет. Из вредности. Очень по поводу нее переживала и стеснялась, когда стала взрослее. Заклеивала полоской пластыря телесного цвета. Свела татуировку после его рождения. Но он все равно помнит. Детство ассоциируется с маминей рукой, которая раскачивает погремушку перед его

носом. А на руке — размытая синеватая буква. Рассказывает Нике.

— Расскажи еще про свою маму, — просит она.

— В школу ее не провожали. Бабушка и дедушка много работали. Тем более школа была в десяти минутах ходьбы от дома и всего одна несерьезная дорога с машинами. Даже не перекресток. Первого сентября показали маршрут, по которому надо ходить в первый класс, а второго числа она уже должна была топать сама. Но мама заблудилась, начала паниковать, пошла через какой-то двор, где встретила злую собаку. Собака зарычала. Мама бросилась наутек, уже совсем не разбирая что куда. На пути встала угольная куча... Домой пришла только поздно вечером, потому что боялась показаться родителям на глаза, и весь белый передник формы был вымазан черным.

— Что ей было?

— Ремня дали. Три дня у нее потом сидеть не получалось.

Ника проводит пальчиком по его виску.

— А у тебя этот откуда?

— Неинтересно.

— А вот этот? — спрашивает Ника, стянув с Ильи одеяло и указав на бедро.

— Здесь-то... Каталась на тарзанке?

— Нет. Ни разу.

— Представь. Стоишь на толстом суку и держишься за стальную трубку с такими резиновыми штуками, чтоб ладони не скользили. А трос под наклоном граду-

сов в пятьдесят. В животе щекочет. Внизу — земля. Вверху — небо и солнце. Кайф!

— Здорово! — Ника мечтательно улыбается.

— На старт, внимание, марш — и полетел!

— Полетел? — всплеснула руками она.

— Ага, — кивает Илья. — А трос лопнул. Мы находились в нескольких километрах от цивилизованной части города. В рощице. Кричать было бесполезно. Но я кричал.

— Что случилось? — Ника нежно дотрагивается до розового рубца.

— Открытый перелом. Кость торчит, кровь хлещет, — по-мальчишечьи хвастает боевыми ранениями Епифанов.

Ника приподнимается на локтях и поворачивается к нему лицом. Она похожа на русалку.

— Погоди, я не поняла, а «мы» — это кто?

— Я и Мак. Он мне тогда жизнь спас. Серьезно. Жгут наложил, тащил меня на себе, привел помощь. Если бы не он, то неизвестно, лежал бы я тут сейчас с тобой...

— Он, конечно, молодец, — задумчиво протянула Ника. — Но что-то в нем есть такое... я хотела тебе вот что сказать...

— Мак тогда здорово переживал! — перебивает ее Епифанов. — Без него мне бы жилось куда хуже. Прости, что ты хотела сказать?

Ника кусает губу.

— Да забей. Неважно.

— Как знаешь.

Илья садится на кровати (пружины стонут), начинает перекладывать Никины бычки из цветочного горшка в блюдо. В форточку дует слабый ветер. Ку-сочки пепла носятся по блюдцу, как маленькие пере-кати-поле.

— Пить хочу! — говорит Ника. — Тебе принести?

— Запомнила, где кухня?

Она укутывается в плед, собирается идти на кух-ню — плед волочится по полу, будто королевская мантия. Илья наступает на край. Через два шага она снова голая.

Поворачивается, бесстыдно расставляет ноги, ру-ки в бока. Смотрит на него исподлобья.

— Подлый извращенец. Мне холодно. Верни оде-ялко! — шутливо возмущается она.

— Не верну, — дразнит он.

— Я могу простудиться.

— Твои сиськи похожи на любопытных зверьков.

— Маньяк! — говорит Ника, наклоняясь и выдер-гивая из-под его ноги плед. — В милицию пойду и ска-жу, что ты меня изнасиловал. Вот прямо сейчас от-правлюсь.

— Если голая пойдешь — точно простудишься.

Она прищуривается.

— Ты сохранил то кольцо, которое я тебе подарила?

— Какое? — недоумевает Епифанов.

- Из фольги от шоколадки.
- Илья изображает досаду.
- Прости.
- Скотина... то есть для тебя это как бы несерьезно...
- А ты — мое? — он заключает Нику в своих руках.
- Конечно. Оно в моей шкатулке, скотина!

15

Он проводил ее до метро, она собиралась не домой — к подруге, да и вообще ей не нравится, когда он порывается ее вести до самого дома. Вернувшись, Илья сел за комп.

И тут, как назло, то ли вкупе с некой скаченной программкой, то ли из-за неосмотрительного лазанья по порносайтам, его настиг беспредельный спам.

Поверх всех «окон» стала выскакивать реклама черных кожаных шлемов, плеток-семихвосток, вагинальных шариков и волшебных помп, фаллосов типа «реалистик», ввергающих своими размерами в пучину депрессии; надувных барышень, запрограммированных, если верить знатокам, произносить фразы «о, ты великолепен!» и «да, детка!», а также отдельных лакомых частей этих барышень. Сначала было забавно.

Но реклама появлялась каждые пять минут и длилась минуту. Епифанов взвыл.

Пульсирующая надпись напоминала: до окончания блока осталось 995 показов, если хотите отключить

сейчас — пришлите sms на такой-то номер. Звездочка в уголке указывала, что прислать надо не одно, а целых три. Вариант с сообщениями был отмечен сразу.

Он посмотрел электронную брошюрку пятьдесят раз, прежде чем наконец допер отмотать время назад и перезапустить систему с точки восстановления.

Слава богу, Ника этого не видела.

ВЕРОНИКА...

Все-таки настроение у Ильи оставалось приподнятым. Борясь с порнографией, он не сразу обратил внимание на новое электронное письмо. От Мака.

Mackintosh (20:10):

Привет, старик. Все гниешь в своем склепе?

Eriphanov (20:50):

Ты куда пропал? Когда встретимся?!

Mackintosh (20:57):

Да НЕУЖЕЛИ ты заметил, умник?

Дела были. И мне хотелось побыть в одному.

Eriphanov (21:00):

Не повышай на меня шрифт. Чего делал?

Mackintosh (21:06):

Дома-то...

Читал «Искусство войны» и книжку афоризмов.

Типа: «Человеческая жизнь похожа на коробку спичек. Обращаться с ней серьезно — смешно. Несерьезно — опасно».

Уже передумал взрывать школу?

Eriphanov (21:10):

Акутагава. Он еще писал про ад одиночества.

Я уже хотел к тебе домой ломиться.

Нафиг школу!

Mackintosh (21:20):

Я ж говорю — умник.

Как там у тебя дела с этой... Шизой?! Факал ее?

Eriphanov (21:22):

Вообще-то ее Никой зовут. Всосал, подонок? XD

Mackintosh (21:23):

О_о! Ответь на вопрос, джентльмен! Да?

Eriphanov (21:25):

Да.

Mackintosh (21:30):

Красавчик!

Готов спорить на свое правое яйцо, что она знойная чика.

Это дело надо срочно отметить! Мой друг лишился девственности! Аллилуйя!!!

Eriphanov (21:32):

Вот ты тварь.

Есть предложения?

Mackintosh (21:36):

Палата Молли, бро. Мы идем в мой любимый бар.

Будем пить и блевать.

Eriphanov (21:40):

Круто, круто.

Только есть две маленькие проблемы: мне всего

14 (!) и у меня нет денег на бар.

Mackintosh (21:47):

Не занудствуй! А я еще татуху набиваю. Два повода, чтобы отметить.

16-летним наливают. А ты выглядишь на все 18.

Там бармен знакомый. Не ссы. Он у меня покупает. Дурочку.

Я угощаю.

Eriphanov (22:00):

Фиг знает. Как-то не хочется идти без Ники.

Mackintosh (22:01):

На-а-а-с на бабу променял?!

Место тебе в набежавшей волне. Завязывай. А то ты мне не друг.

16

— Ненависть к людям внезапна. Вот здесь ты их любишь, а тут уже готов пустить в ход водородную бомбу, лишь бы остаться в одиночестве. Ну, или наоборот.

Сказав это, Мак отхлебывает из кружки и вновь принимается барабанить пальцами по стойке. Пальцы у него длинные, как у инопланетянина или Рахманинова.

Время к полуночи, люди пьют пиво, заедая гренками с сыром, смотрят футбольный матч. Илья, не являясь особым поклонником футбола, в телевизор почти не пялится. Пьет себе вкусное холодное пиво, сидя сбоку, в темном углу, глядя по сторонам. За стойкой ему сидеть нравится. Она ручной сборки, сильно поцарапанная. Дерево, покрытое желтым лаком, очень приятно на ощупь. Бармен с косичкой и мушкетерскими усами ставит музыку, по большей части фолк. Полки, заставленные бутылками с яркими этикетками, обрамлены фотографиями женских грудей, некоторые из которых способны надолго приковать взгляд. Еще приклеены мелкие иностранные купюры. Самых разных цветов. Официантки снуют по залу, у них короткие юбочки в красную клетку. Илье кажется, что

все вокруг уличают его в малолетстве. Типа бросают косые взгляды. Поэтому он пьет быстро.

Когда свет гаснет, проносится гул разочарования — телевизор вырубился на интересном моменте матча. Но никто, конечно, не торопится уходить.

Музыка тоже на время заканчивается.

Стоило Епифанову впервые угодить в «Палату» — так там отключился свет. Хотя вряд ли это связано конкретно с его появлением.

На стойке появляются свечи в полукруглых плоскостях. Их зажигают. По стенам бара пляшут тени. Разговоры выходят на первый план.

— Романтика, — довольно громко замечает женщина своему мужчине.

Они находятся за другим концом стойки. Дама симпатичная, мужчина коротко стрижен, толст и по виду состоятелен. Бармен с косичкой ставит перед ними бутылку из-под джина, и та служит вазой для какого-то цветка с фиолетовыми лепестками.

Он грамотно добивается чаевых. Его зовут Влад. Епифанов с ним познакомился.

Влад регулярно курит травку и слушает радио «Indi».

— Еще по пиву? — спрашивает Макс. Епифанов кивает.

— Да не парься! — Мак хлопает Илью по плечу. — Всем на тебя насрать.

— И тебе? — подкалывает он захмелевшего товарища.

— Разве я стал бы тогда угощать тебя выпивкой?

Они заказывают пиво второму бармену, точнее, барменше, высокой, красивой шатенке. И на Кошмара заказывают — пока он разговаривает на улице по телефону с девушкой, которую намеревается бросить.

— Я понимаю, что поступаю нехорошо, но страсть к другой слишком велика, а врать не хочу, — сказал им он. — Вы понимаете?

А то они не понимают.

Руки Кошмара забинтованы до локтя. Он носит черный свитер с длинным рукавом. Гараж его родители прикрыли, но Кошмар не отчаивается. И еще признался, что заторчал на творчестве Станислава Лема. Читает «Солярис» и зырит Тарковского.

А вечер посвящен разговорам о женщинах.

Правда, позиции они занимают разные.

— Все они лживые суки, и их не волнует ничего, кроме секса и денег! — провозглашает Мак, он порядком надрался. — Ясно вам?

— Ты не прав, — качает головой Илья. — Совсем не прав.

— Он может и не совсем прав, но попробуйте оставить женщину на месяц-другой без секса и денег, погляди, что выйдет, — говорит вернувшийся Кошмар. — Твое творчество им пофигу и «Солярис» пофигу! А от этих глупых вопросов типа «Дорогой, почему ты молчишь? Ты что, меня больше не любишь?!» мозг плавиться начинает.

— Ты мне задрочил мозг своим «Солярисом»! — не выдерживает Мак.

— «Солярис» — это круто, — не сдается Кошмар. — И Тарковский — гуманист. Его фильмы пронизаны любовью к людям. А Лем, знаете, по образованию врачом был...

— Он, кажется, ругал фильм, говорил, что все не так, — влезает Илья.

— Ни одной его книжки прочитать не смог. — Это снова Мак. — Все писатели — козлы.

— Не, правда, конечно, — говорит Кошмар. — И от баб все зло на свете.

— Ура, мужики, ура! — кричит Мак.

— За что мы их любим? И они нас — за что любят? — философствует Кошмар.

Мак, залпом допив свое пиво, просит еще. Он поднимает кверху палец. Сейчас будет речь.

— Вот сначала она полюбила тебя за привычку любоваться закатным небом, говорить романтические глупости или за любую другую херню, а потом именно из-за этой привычки вы и расстанетесь! И эта чертова фраза: «Пора бы тебе уже повзрослеть». В переводе с женского языка значит: «Научись зарабатывать деньги, если хочешь меня удержать». Чем человечнее относишься к женщине, тем более бесчеловечной она становится. Ты хлопнешь дверью, пойдешь к старому приятелю, вы накачаетесь алкоголем до усрачки, и ты будешь полночи рассказывать, что не представляешь себя без этой чертовой дуры. — Мак махнул рукой. — Или не будешь... А дальше — дикое похмелье во всех смыслах.

— Может, о чем-нибудь другом поговорим?

Епифанов толкает Кошмара в плечо.

— О, слышь! — кивает тот. — Мак, покажи татуху?

— Да она не готова...

— Хорошо ломаться.

Мак стягивает толстовку с капюшоном, закатывает рукав футболки. Явил недоделанное цветное великолепие. Узор — непонятный.

— Крутая, блин!

— Скоро доделаю, тогда будет действительно крутая.

Кошмар отмахивается.

— Да я про футболку вообще-то. Зачетные обезьяны.

— Я ее почти украл.

— Как это?

— Взял две тишотки в Большом Магазине — первая в пять раз дороже второй. В примерочной поменял ценники. Купил фирму по цене подделки.

Они смеются.

— Слушай, рыщ! — обратился к Маку Кошмар. — Ты уже нашел кого? С кем спишь?

— С подушкой, муф.

«Рыщ» и «муф» — это дружеские обращения. Эти слова Кошмар обнаружил на своих гитарных примочках. Транскрипция с английского.

— Мы опять в женской теме? — интересуется Епифанов.

— А Она чего?

— Она настойчиво, всеми возможными способами дает мне знать, как она безумно счастлива с новым бойфрендом!

— Ты ее до сих пор любишь, что ли, рыщ?

Мак шумно выдыхает.

На часах половина второго. Вдруг зажигается яркий свет — дали электричество. Через минуту телевизор включен, вместо футбола — комедия, музыку завели. The Verve из динамиков Sonnet. Свечи — жалкий анахронизм. Лысый состоятельный мужчина, расплатившись по счету, уводит симпатичную девочку. Определит на ночлег.

Илье кажется, что в зале промелькнул кто-то в красном спортивном костюме. Плечи его передергиваются, будто от холода. Знобит.

Один фиолетовый лепесток падает на стойку.

— Мальчики, — спрашивает красивая барменша, улыбаясь, — а может, по водочке?

17

Илья догадался уже после исчезновения.

Отец был в Финляндии на заработках. Не пил к тому времени полгода, его зашили.

Интересно, о чем он думал в тот день? Какие планы строил на будущее? Он позвонил и сказал, что возвращается с кучей денег. Сказал, что будет в среду, а уже в четверг они купят плазменную панель и новую

мебель. Мама решила не торопиться с разводом. А к субботе отца объявили в розыск. Вскоре тело обнаружили: оно было завернуто в синюю рабочую куртку, голова отсутствовала. Возвращаясь домой, он якобы попал под поезд. Ни денег, ни документов. Но на опознании мать сказала, что это не ее муж. Куртка та, а тело — не то. Когда мать вошла в комнату и сказала об этом, Илья смотрел телевизор и ел бутерброд с докторской колбасой. По телевизору показывали мультфильмы.

На новость он отреагировал вялым кивком. Типа, ясно. А потом сказал:

— Когда найдут, надо чтоб сожгли в крематории. Домой привезем урночку с прахом. Пепел можно будет развеять по ветру...

Мама залепила ему оплеуху. Он не обиделся, ее можно было понять — ей предстояло полгода выбивать пенсию по потере кормильца и отстаивать право на квартиру.

С первой же пенсионной выплаты купили новый телевизор.

Как-то он рылся в ящике со старыми книгами. У мамы дурацкая привычка подписывать любимые книги. На титуле изрядно потрепанного «Тихого Дона» она вывела аккуратным почерком имя и фамилию. Имя совпадало, а фамилия — нет. Она словно взялась из ниоткуда: не принадлежала отцу, не была девичьей. Как же так, подумал Илья, и принялся высчитывать сроки. Выяснилось, что на момент его зачатия отец на-

ходил в Чечне, где стрелял по людям, баловался наркотой и подцепил, кажется, гепатит.

Гром не грянул. Он ничего не почувствовал. Отец и так никогда не был родным человеком, а теперь это почти подтвердилось биологически. Задавать лишние вопросы Илья не стал. Узнать, где пребывает нынче истинный родитель, не пытался.

Илья пытался вымести мусор из закоулков памяти.

Только с той поры пропавший без вести отец начал приходить в его сны.

18

Барменша, которую зовут Ниной, достает стопки из морозилки — стекло заиндевело.

С хрустом скручивает пробку, водка льется как масло. Дольки апельсина на блюде. Епифанов перестал считать, сколько выпил, — сбился после пятой стопки.

Себе Нина готовит коктейль «Лонг-Айленд».

— Мак, я вам тогда каждый раз пробивать не буду, — говорит Влад. — Просто занесешь позже бутылку, да?

Мак кивает: без проблем. Стопки и бокал сдвигаются.

Водка проскальзывает в Илью легко, не обжигая, но даря блаженное тепло желудку. Апельсиновые дольки расхватывают быстро.

Он говорит Маку, что тот вообще засранец, но он его любит. Стукаются лбами.

— Ты наивный, как пионер! — шепчет Мак. — Ты — дурак!

Кошмар в это время отбивается от подзадержавшейся одинокой дамочки.

— Я — одноеб! То есть — однолюб!

Сбоку с час уже торчит пожилой кавказец в кожаном пиджаке и со странной шишкой на лбу. Крутит брелок на указательном пальце.

— Домой поедет? — спрашивает он каждые три минуты. — Недорого.

Наконец они просят счет. Епифанов выгребает мелочь из карманов, отдает Маку и говорит, что сбегает пока в туалет. Мак говорит, чтоб он не волновался.

Встав на ноги, Илья понимает: все-таки перебрал.

Тело слушается плохо, но сознание ясное. Кристальное. Епифанов опять забыл, что кристальное сознание после пива и водки — иллюзия.

Он стоит в коридоре, возле туалета, изучая свое отражение в круглом зеркале. Худосочный афророссиянин в красном свитере придерживает его за локоть.

— Вам плехо? Да? Тошнит? — сочувственно обращается он к Илье.

— Тебе не кажется, что я слишком часто в последнее время смотрюсь в зеркало?

— Я вас провожу.

Негр выводит его на улицу. Ступеньки даются с трудом.

На улице — снег. Ветер высушивает пот на его лице. Он слышит крики.

— Эй! Мы здесь! Иди к нам!

Он подходит. Мак пошатывается, Кошмар глупо улыбается.

— Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, КУБА!

Мак вытаскивает из кармана пачку сигарет. Щелчок зиппера. Прикуривает.

Прищуривается и выпускает ему в лицо дым. Он кашляет.

— Едем ко мне. Врубим еще бошек.

Они забираются в такси. Орет шансон. Епифанов откидывает голову на спинку сиденья. Полегче. Кошмар напихал за шиворот снега. Он еще может видеть и слышать.

Почему среди философов так много таксистов?

По дороге он видит в окне женщину, застывшую над авто, у которого поднят капот. Отчаянность ее позы наводит на мысль, что авто вдруг перестало заводиться.

— Женщины — загадочные существа, — молвит таксист, вдавливая в пол педаль газа.

Профиль выдает горца.

В машине душно и пахнет шаурмой.

Сиденья обиты ядовито — синим плюшем, и в его складках столько крошек, что хватит на роту голодных воробьев. Мирские вещи, типа гигиены, по всему не

занимают в философском сознании сколь-нибудь значительное положение. Из носа и ушей таксиста торчат пучки волос. Илья что-то говорит о Толкиене и его вах-хабитах, то есть хоббитах.

Гиви крутит баранку, постоянно оборачивается, скалится золотой фиксой и не желает умолкать.

Из магнитолы начинает подвывать что-то восточное.

— Женщины — загадочные существа, — повторяет Гиви и цокает языком.

— Суета суёт, — пьяно соглашается Мак.

До Ильи слова доходят будто через густой туман.

— ...Совершают странные, непостижимые мужскому разуму поступки, — проговаривая «мужскому разуму», Гиви делает крученное горское движение пальцами левой руки. — Наверное, за это мы их и любим, — на «мы их» — прорывается акцент. — Да.

Капитан Очевидность.

Только бы он не оказался вдобавок и футбольным фанатом, думает Илья.

— Вы, я вижу, прилично разбираетесь в женщинах.

— Да, — кивает таксист. — Прилично разбираюсь. Я был семь раз женат.

— А чего они так любят фотографироваться на фоне или в обнимку с козлами и баранами? — язык Мака заплетается. — Как думаете?

— Где ты это видел? — подозрительно спрашивает таксист.

— В детском развлекательном парке. Там хватает фигур козлов и баранов. С такими большими закрученными рогами, знаете?

— М-м-м...

Лицо таксиста искажается великой думой.

Епифанов достает телефон и набирает номер Шизы. То есть Ники.

Длинные, длинные гудки.

— Але?

— Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ.

— Ты на часы смотрел?

— Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ.

— Ты где? Ты с кем? Ты пьяный, что ли?!

Илья хочет еще что-то сказать, но телефонная батарейка садится.

— Я думаю, — говорит Гиви, — что женщины любят фотографироваться с козлами и баранами, потому что любят обниматься и улыбаться с теми, кому наставлены рога.

— Это очень занимательная теория, — лыбится Кошмар.

— Да, — важно кивает таксист. — Смотрели футбол? Темно. Илье страшно.

Вспышка.

Он лежит на снегу, привалившись к чугунной решетке какого-то парка. Его выворачивает наизнанку. В голове что-то пульсирует.

— Эй, Пиф, ты живой? — откуда-то из подсознания раздается голос Мака.

— Да.

— Прополощи горло.

Кто-то сует ему в руку теплую плоскую бутылку.

— Что это? Коньяк?

— Обижаешь. Виски.

Темно.

19

Маленький пес гоняет по спортивной площадке полиэтиленовый пакет.

Около горки — мальчик в синей шапке с помпоном. Тополя с обрубленными вершинами. Заснеженные клумбы. Илья смотрит из окна Мака. Отворачивает крышечку с бутылки минеральной воды — пузырьки газа устремляются вверх. Вода — это жизнь.

Комната его — апгрейд-вариант кельи. Напоминает вагончик. Вдоль одной стены — жесткая кровать с тощей перьевой подушкой. Вдоль другой: стеллаж с дисками, книгами и декоративным фонарем, небольшой телевизор, стул, тумбочка и далеко не новый комп. Ближе к окну главная достопримечательность — шкаф. Старый, на дверцах облупился лак, зато высокий и запирается под ключ. В этом шкафу Мак растит марихуану. Для личного использования. Говорит, что шкафная трава слабовата. Изнутри «теплица» оклеена белой бумагой, там лампы дневного света и горшочки с растениями.

— Пошли кофе пить... матрас за собой убери... да затолкни куда-нибудь...

У него отличная кофеварка. Мак — фанат этого напитка.

Вот он упирает локти в стол и поддерживает голову ладонями. Сидит в халате на кухне. В светлых волосах запуталось перышко из подушки. Щетина пробивается. На столе дымятся две чашки капучино. Стоит ли говорить, что учебу они оба проспали?

Мамы Мака нет, он сказал, что она еще вчера слиняла к своей сестре в область.

— Она на тебя не бычит? — спрашивает Епифанов.

— По поводу? — Старший товарищ с видимым наслаждением потягивает ароматный горячий напиток.

— Трава и прочее...

— Я ей денег даю. Она думает, что я по вечерам подрабатываю, — он делает еще один глоток кофе. — Ей нравится так думать. Все-таки есть повод мною гордиться. Поэтому она старается не лезть и не разочаровываться.

Стиральная машина на щадящем режиме крутит фирменную футболку с изображением обезьян. Пена летит и разбивается об иллюминатор.

— Что ты мне вчера в чате писал про ад? — тусклым голосом спрашивает Мак. — По-моему, я сейчас именно в нем и нахожусь.

Илья садится напротив, осторожными глоточками прихлебывает кофе.

— Ад одиночества. Я не до конца въехал. Типа проблема не во внешнем окружении, а внутреннем состоянии. Все вокруг в одночасье становится адом. Ничего не поделаешь. Бежать от него некуда, хотя поначалу стараешься отыскать способ. Из этого ада рождается патологическая жажда перемен, — философски разводит руками Мак и продолжает: — Ты не можешь долго быть на месте, меняешь людей и занятия. На какое-то время это приносит облегчение...

— Но ростки внутри тебя, и пока ты жив — они тоже живут? — осторожно уточняет Епифанов.

— В точку. По-моему, личный ад есть у каждого.

Мак сливает по кружкам остатки кофе.

— Этот японец, Акутагава, он ненавидел людей?

— Не думаю, что он их ненавидел. Скорее он любил их, но не мог быть с ними рядом. Его проза насквозь психологична, он вытряхивал труху человеческих душ, как пыль из мешка. А что толку? Из него даже не получилось примерного семьянина. Боялся творческого бесплодия, писал как одержимый, но чем больше рассказов появлялось на свет, тем глубже уходили корни одиночества. Это невыносимо. Это убивает надежду.

От философского трепы у Ильи еще сильнее болела голова, но именно в таких похмельных беседах на кухне и рождается истина.

— Прямо про нашего Каниба, — Епифанов чешет затылок в задумчивости. — А ты сейчас рассусоливаешь хуже Кошмара...

— Шесть миллиардов людей... или уже семь? — не унимается Мак. — И представь, у каждого свой личный ад. Шесть миллиардов адиков. Что в итоге?

За столом на минуту воцаряется глубокое молчание.

— Мы все вчера блевали, — смеется Мак. — Во рту будто динозавр личину отложил.

— А где Кошмар?

— Домой поехал. Ему опять скандал грозит.

Илья встает и подходит теперь к окну на кухне.

Маленький пес догоняет пакет и разрывает его в клочья.

— С похмелья трахаться охота, а не философствовать, — глубокомысленно изрекает Мак, прикладываясь к «Бонакве». — Это потому, что смерть рядом, инстинкт сохранения рода. Из сериала узнал.

— В сериалах только правду говорят, — ехидно отпускает Мак, прихлебывая из кружки.

— Ты бы как умереть хотел? — неожиданно серьезно обращается к другу Илья.

— Опуститься в Марианскую впадину. Одиннадцать тысяч метров. Бездна этого... Челленджера.

— Деер.

— Чего говоришь?

— Бездна или глубина по-английски. Переродился бы в какую-нибудь фораминиферу после того, как меня заточит зубастый ящер, сохранившийся в этой глубине с юрского периода. У тебя есть таблетка от головы? — спрашивает Илья, массируя висок.

Мак протягивает Епифанову пару пилюль. Через двадцать минут головная боль немного отступает. Он включает телевизор: здесь ток-шоу, здесь футбол, а здесь...

Это «Солярис» Тарковского. В тему. Илья решает, что надо ведь когда-то досмотреть шедевр до конца. Старается сосредоточиться.

Но фильм, как и таблетки, лишь нагоняет сон.

20

На лестничной площадке этажом ниже разыгрывается представление. Илья, поднимаясь домой, становится свидетелем сцены.

Сосед Митя, алкаш со стажем, выносит из своей квартиры мебель. Его супруга тихо плачет, а маленький сын спрашивает:

— Ты что, папа?

— Зырь, сынок! — кричит дядя Митя, выпинывая диван. — Развалился урод в нашей комнате. И пузырь с собой приволок, и баб навел, зырь!

С этими словами дядя Митя извлекает из недр дивана пузырь и гневно указывает на подушки.

— Ты что, папа?! — повторяет, как заведенный, сын.

— А мы их сейчас разденем, сынок! — смеется дядя Митя, стаскивая с подушек наволочки. — И отымоем! У тебя уже с девчонкой было? Значит, будет!

Он думает, что я — алкоголик, бутылку с собой принес! Да я его...

— Не надо, пап!

Белая горячка. Кто-то высовывается из-за другой двери и говорит, что вызвал «скорую». Илья глядит вниз, в пролет. По лестнице уже поднимаются врачи в синей форме.

— Долбоебизм, — тихо говорит Епифанов, продолжая восхождение.

А дома мораль начинается прямо с порога.

— Илья, где ты был?

— У Максима.

— Что у тебя за друзья такие? Им родители ничего не говорят?

— Мам, я же не указываю, с кем тебе дружить!

— Почему ты не отвечал на звонки?

— Не слышал. Потом зарядка села.

— Илюш, а тебе все равно, что я тут думаю? Я уже больницы, морги собиралась обзванивать. Всякое в голову лезет. Хоть бы пожалел, а?! Илюш? Чего ты молчишь? — мама смотрит на него беззлобно, больше с грустью. — Может, думаю, машина сбила или напали в подворотне какой-нибудь, где ты со своими друзьями шляешься. В новостях каждый день ужасы показывают. Это же с ума сойти: внук зарубил собственную бабушку топором, потому что она отказалась отдать ему пенсию. Здесь грабят, там убивают. А я вообще не понимаю, что у тебя в голове происходит!

Илья стоит, прислонившись к дверному косяку, смотрит на мать. Она села посреди кухни на табуретке

с веником в руке и говорит, говорит, говорит... Он ловит себя на мысли, что, приходя домой, больше не чувствует себя дома. Почему? Вот, например, эта кухня. Он ведь знает ее чертову уйму лет. Дверца старого холодильника вся в полуистершихся наклейках и разных магнитиках, на самом главном эдисоновская цитата: «В гениальности 1% таланта и 99% труда». Тут же белый гарнитур с двойными часами, в которых года три назад что-то поломалось и они встали, а раньше второй таймер издавал душераздирающий звук: мол, не забудьте вынуть пирог из духовки! Тысячу лет не пекут пироги. Линолеум в клетку, календари, бу-мажная иконка, радио, под которое так приятно было когда-то просыпаться на летних каникулах. Если радио работает, значит, мама уже давно встала и готовит завтрак. За окном еще был тополь. И солнечным утром листья блестели на солнце.

Что изменилось? Почему было красиво, а стало... непонятно как. Теперь кухня кажется убогой, запущенной, неудобной. Из-за утренних «жизнерадостных» песенок хочется разбить этот гребаный приемник об голову диджея.

Мама тоже кажется старой и глупой. Перекреститься?

ЧТО ИЗМЕНИЛОСЬ?

Ну, правда. Дело ведь не в том, что спилили дерево во дворе.

— Такое ощущение, что конец света не за горами, — продолжает свой монолог мама. — Катастрофы, стихийные бедствия эти. Постоянно где-то война...

— Ты бы поменьше телевизор смотрела.

Она вздыхает и глядит куда-то в пол. Илья опускает голову.

От ботинок на линолеуме отпечатались грязные следы.

— Я градусник разбила...

— Плохо себя чувствуешь?

— Простыла, видимо. Еще работа эта, — она снова тяжело вздыхает. — Еще ты всю душу вытрепал своими ночными гулянками! Как я, по-твоему, должна себя чувствовать? Садись есть.

Потом Илья долго ковыряет вилкой макароны по-флотски.

Наверное, виновато похмелье. Есть не очень хочется.

— Илья, откуда на твоей простыне кровь? — внезапно спрашивает мать.

— Мам, я могу спокойно поесть?

— Это твоя кровь?

— Нет.

— А чья?

— Пока ты была на работе, я привел девочку. Мы занимались сексом. Она была девственницей. Такой ответ тебя устраивает?

Он с видимой злостью со всей силы тыкает вилкой ни в чем не повинные макароны.

Мама хватается за сердце.

— Господи...

— А что такого? — Илья распаляется все сильнее. — Ты что, никогда в жизни не трахалась? Или думаешь, я

не слышал, как вы с отцом орали друг на друга, он орал, что ты ему не даешь, а ты — что он тебя не удовлетворяет? Причем тут «господи»?! Объясни мне. Чем я хуже вас? Почему вам весь этот цирк устраивать можно, а мне — нет?!!

— Какой цирк-то, сынок? Я, Илюш, не думаю, что ты хуже нас. Я всегда надеялась и продолжаю надеяться, что ты будешь лучше нас. Умнее нас.

Развернувшись, она уходит к себе в комнату и плотно закрывает дверь.

Илья отодвигает тарелку. Сейчас она будет там плакать. Злость моментально куда-то испаряется. Остается усталость. Он идет в другую комнату.

Джи крутит барабан. Он чистит ей клетку, меняет воду, насыпает корма. Это успокаивает. Физический труд облагораживает, говорит себе Епифанов. Крыса уминает кусочек моркови, держа его двумя лапками, почти как человек. После моркови она принимается за сыр. Всегда так. Самое вкусное напоследок. Почти как человек.

Он ложится на кровать и заводит разговор с крысой:

— Вот знаешь, Джи, нет, ты послушай, если бы дело было в размере, а не в умении, то человеческие самки каждый раз испытывали бы множественные оргазмы при родах.

— Пи-пи.

— Все верно. Тебя не обманешь. Но не волнуйся, я не особо переживаю из-за своего «пи-пи», есть проблемы посерьезнее. И все-таки представь, как бы выглядел

член в три с половиной килограмма весом и длиной, скажем, в пятьдесят три сантиметра!

— Пи-пи.

— Ты права. И я бы описался со страху...

Джи молчит.

— Что-то не так?

Крыса ударяет лапкой по поверхности воды в блюдце.

21

Он парит над городом. Он как будто ворон.

Пикирует к круглому окну на верхнем этаже какого-то дома. Идет дождь, одна капля ударяет по голове, он трясет ею, чувствуя, как топорщатся перья. В комнате двое. Это отец и Ника. Она совершенно голая. Отчетливо различимы шрамы на ее спине.

Ника прикручена веревками к стулу, рот заткнут шерстяным носком и сверху полоса скотча. Девочка мычит, дергается, но стул ни с места. Стул прикручен к полу. К спине Ники приторочены белые крылья, сделанные из резаной туалетной бумаги. Отец усмехается, склонившись над мольбертом. В его руках — кисть и палитра. Краски — оттенки красного. Комната похожа на мастерскую художника, повсюду холсты.

Он говорит:

— Ты прекрасна. Эта моя картина станет шедевром.

— М-м-м.

— Ты станешь моей Никой. Богиней Победы! Как в Лувре, видела? Ника Самофракийская. Ну же, успокойся. Ты ведь на самом деле хочешь мне позировать. Но красота требует жертв. Понимаешь, я все-таки скорее реалист. А богиня в Лувре — безголовая.

— М-М-М.

— Я сейчас поправлю. Не воднуйся.

Отец оставляет кисть и палитру, подбирает с пола ножовку. Приближается к Нике. Проверяет большим пальцем остроту зубьев. Поворачивает голову. Смотрит на ворона.

— Готов, ублюдок?

— КАР-КАРР!

— Тогда поехали! — говорит отец и ножовка вгрызается в шею Ники.

Брызги крови летят на стекло.

22

В школе зачем-то фотографируют малышню.

— Та-а-к! — деловой тон женщины-фотографа сверлит уши. — Вот ты, чего скис? Ну-ка, сделай мне среднюю улыбку!

— Чего? — спрашивает похожий на вампиреныша карапуз.

— Я непонятно сказала, дорогуша? Среднюю улыбку!

— Как это?

— Вот так! — изображает.

Такая мина бывает у человека, съевшего килограмм лимонов вместе с цедрой, думает Епифанов, шагая к кабинету психолога. Притормаживая, он спрашивает у тетки:

— Извините, а какие еще выделяют улыбки?

— Самый умный, что ли?! Еще выделяют «с зубами» и «совсем без зубов»!

— Оригинально. «Совсем без зубов» — это, наверное, у вечных учеников.

— Молодой человек, вы идите куда шли. Не мешайте работать, — раздражается женщина-фотограф. — Давайте, дети! Веселей! Сейчас вылетит птичка!

Психолог похож на опустившегося Санта-Клауса. Блестящая лысина, борода лопатой, угреватый нос, на который нацеплены очки. И этот человек будет разбирать по косточкам твою жизнь? О боги. Брюки специалиста держат оранжевые подтяжки, верхняя пуговица рубашки расстегнута. На спинке стула криво повешен свитер с оленями. Для разгона он рассказывает пару таких же бородатых, как он сам, анекдотов. Голос у Санты визгливый. В перерывах между анекдотами он себя хвалит, говорит, что может найти общий язык практически с каждым. Ага, «непринужденный» разговор. Складывает руки на объемном животе и крутит большими пальцами.

Илья отвечает односложно и старается думать о светлом и радостном.

О пиве?

— Продолжим, так сказать...

За десять минут бородатый губошлеп раз шестнадцать повторил «так сказать» и раз восемь «естественно». Епифанов скрипит зубами, изо всех сил старается быть вежливым. Неужели этот чудак на букву «м» реально может помочь? Если только тем, что пораньше отправит на тот свет, доконав своими анекдотами. Китайская пытка. Сначала спрашивает, как прошел день в школе (как обычно), потом долго и нудно выясняет, что значит «как обычно», потом еще решает уточнить: ты раздражен, Илья?

— Ты раздражен, Илья?!

Епифанова спасает лишь несколько поистине волшебных слов, найденных на боковине стола, слова эти написаны кем-то с его стороны, психолог не видит. Спасибо таинственному писателю. Их всего три. Первое — ГНИДА — буквы маленькие, кривоватые. Второе и третье слова выведены рукой более уверенной: ВДОХ-ВЫДОХ. Илья сразу сообразил, что это вроде бы как мантра, ее надо повторять, пока сидишь у опустившегося Санты. Скользишь взглядом слева направо и повторяешь: ГНИДА! После чего: вдох-выдох.

Потом снова. Десять раз спустя напряжение немного спадает.

— Да, я раздражен, — с расстановкой выговаривает Илья.

— Чем, позволь узнать?

— Вашими глупыми вопросами.

Психолог вздыхает и поправляет подтяжки. Причем левую поправляет неаккуратно — вылезает внутренняя полоса. И все. Невозможно ни на что больше смотреть — взгляд все равно натывается на эту сбитую подтяжку. Эффект мантры сходит на нет.

— Что, Илья, по-твоему, плохого в том, чтобы просто хорошо учиться? Разве мама желает тебе зла, так сказать, когда просит учиться, получать образование?

— Да бросьте вы. При чем здесь вообще учеба. Вот все эти дипломы красные, родителям-то они зачем?

— А ты как думаешь? Зачем? — он складывает жирные ладони в «замочек».

— Затем, чтобы можно было выпендриться перед знакомыми и коллегами по работе успехами своего талантливого парня или девочки! Талант ребенка родители проецируют на себя. Вот. Больше незачем.

— Интересная, так сказать, гипотеза, — задумчиво произносит Санта.

— Ты должен, должен, должен... Да вы только на словах хорошие, а так клали вы на разные высокие устремления, если из них нельзя извлечь личной выгоды. Если не ставишь целью деньги, люди тебя ненавидят! Чуют собственную убогость и набрасываются!

— Они хотят, чтобы ты был как все. Естественно. Так ведь спокойнее.

— Это вы мне сейчас поддакиваете, чтобы найти общий язык?

— Ты утрируешь, Илья. Пытаешься противопоставить себя системе. Изменить мир. Но система, против которой ты бунтуешь, рассчитана и на таких вот юных асоциалов тоже. Даже больше тебе скажу: она становится еще стабильнее благодаря вам. Понимаешь?

— И что вы предлагаете? Смириться и медленно погружаться в болото, как вы?!

Психолог с грустью вздыхает. Видно, что этот диалог ему давно хорошо знаком.

— А ты-то что предлагаешь? Конкретно, что?

— Бороться. Хотя бы попытаться.

Санта снимает очки и устало трет большим и указательным пальцами переносицу.

— Честно признаюсь, если кругом все болото — барахтаться надоедает очень быстро.

— Вы сами-то понимаете, что херню сейчас порете? — не выдерживает Епифанов. — Как ваши слова могут мне помочь? Вы рассуждаете о чем-то, философствуете, а сами вон с животом своим справиться не в состоянии.

— У меня диабет, Илья.

— У вас помимо диабета куча оправданий того, почему вы никто. Ваша мечта была работать в школе психологом? Да не гоните. Вы здесь от безысходности, да? А безысходность возникает из-за страха. На любой случай у вас готова умная отмазка. На любой случай есть тысяча предлогов, чтоб ничего не делать. Ничего

не менять. Зато у вас есть четкая картина мира, с ответами на любые вопросы. Для чего вы живете?

— Ты начинаешь ругаться. Это плохо. Ты раздражен?

— Да! Я раздражен! — не своим голосом вопит Илья.

— Попробуй успокоиться. Мы постараемся вместе решить эту проблему. Не хочешь беседовать — хорошо. Я сейчас, так сказать, дам тебе тест, и ты просто постарайся ответить письменно на некоторые вопросы.

Психолог протягивает Епифанову листок бумаги с напечатанным тестом и карандаш.

— Вот здесь, пожалуйста. Отметь галочками или обведи, как тебе будет удобнее.

Илья смотрит на вопросы. На выбившуюся подтяжку. На вопросы. В сочувствующее лицо тупого Санты, знатока человеческих душ.

— Вы решите мои проблемы?

— Мы попытаемся вместе помочь тебе разобраться с ними. Вот первый вопрос...

— Решите?

— Илюш, возьми карандаш.

Епифанов берет карандаш. Хороший, чешский. Остро заточенный.

В следующую секунду он с размаху вгоняет его себе в тыльную сторону ладони.

— Решай!

Все решено.

Боль в туго перетянутой бинтом левой ладони не дает расслабиться. Илья сменяет две повязки — все равно проступает кровавое пятно. Стигматы. Вернее, стигмат. Один.

Губошлеп-психолог поднял вой покруче пожарной сирены. Заявил, что тут нужен не психолог, а врач. Что он работает еще со здоровыми людьми, а не с откровенными психопатами. Так он говорил в кабинете у медсестры, а затем побежал к директору. Епифанов не стал дожидаться, чем дело кончится. Действовать надо быстро и, по возможности, не думая без крайней надобности. Иначе будет страшно. Будет самый страшный страх: когда желудок стиснут когтистой лапой, сердце мечется кроликом в газовой камере, вместо ног — ватные палочки, и твой кулак не сжимается — он, похоже, из липкого теста. Ни к чему.

План созрел. Остальное — дело техники. Действуй. Когда медсестра отвернулась на секунду, он, схватив с подноса пару бинтов, выскочил из кабинета.

Психопат так психопат. Но впервые за много месяцев он точно знает, чего хочет.

Вернувшись домой, он собирает необходимые вещи (смену белья, зубную щетку, пасту и прочую ерунду), закидывает в бэг. Вытаскивает из «Энциклопедии аквариумиста» заначку, эти деньги он откладывал на покупку велосипеда. Совсем немного отложил.

Пишет маме записку: «Со мной все в порядке. Уехал на несколько дней. Не беспокойся. Покорми крысу». Слушает музыку. Музыка хоть немного приводит в форму.

Илья прекрасно понимает, что мама так или иначе будет беспокоиться, но что-то сделать для очистки совести необходимо. Она вернется скоро, пошла в поликлинику из-за этой простуды. Расклеилась.

Выключив музыку, он стоит у окна и звонит Маку.

— У тебя на даче можно перекантоваться пару дней? — прямо без приветствия начинает он.

— Зачем тебе?

— Можно или нет?

Друг сопит в трубку. Его затянувшееся молчание начинает раздражать.

— Хорошо. Но я освобожусь только вечером.

— Во сколько? — спрашивает Илья.

— Часов в десять. Раньше никак. Тебе срочно? Ты на электричку не успеешь.

— Придумаю что-нибудь. К тебе подъехать?

— Да. Ты один поедешь?

— Один. И еще...

— Что еще?

— Если вдруг кто будет звонить — ты меня не видел.

— Пиф, ты в своем уме?!

— Абсолютно, — в голосе Епифанова слышится подлинная решительность.

— Обещай, что там все будет в порядке?

— Я постараюсь.

— Хрена се ответ!

— Обещаю.

— Черт! Ладно, до связи.

— Отбой.

Епифанов выходит на улицу. Поднимает воротник куртки, пальцы лезут в карман, нащупывают измятую сигаретную пачку и зажигалку. Она вся в зазубринах — не раз срывали пробки с пивных бутылок. Закуривает. Клубы дыма и пара вырываются изо рта. На улице довольно холодно. Редкие снежинки. Они приземляются на воротник. Голова под шапкой чешется. Илья поправляет набитый до отказа рюкзак.

Уже на улице он набирает Нику.

— Привет.

— Ой, привет. Я соскучилась. Когда встретимся? — Даже по телефону чувствуется, что она улыбается, говоря эти слова.

— Сейчас свободна?

— Что с голосом? Освобожусь через час. Подъедешь на «Площадь Революции»?

— Конечно.

Он проходит мимо фотоателье, парикмахерской, продуктового магазина, цветочного киоска, где грустная девушка-флорист составляет букетики. Белый свитер с глухим воротом, на плечи наброшена шаль. Симпатичная девушка.

Курит, разглядывая людей на остановке. Кто-то стоит столбом, кто-то дремлет, сидя на скамейке, об-

хватив сумку, кто-то переминается с ноги на ногу. Тот, кто не дремлет, смотрит туда, откуда должен быть автобус. Или троллейбус. Тащит хозяина, натягивая поводок, далматинец. Дым сносит вправо. Звуки переплетаются: шелест автомобильных шин, стук колесиков чемодана, который с кряхтением затаскивает на поребрик старуха в фиолетовом берете, собачий лай за углом, навязчивая мелодия — это надрывается музыкальный центр в окне забегаловки, одноцветные голоса. И всем плевать.

— Пора.

По дороге Епифанов заходит в несколько магазинов, делает кое-какие покупки.

Потом спускается в метро. Лестница слякотная, грязные брызги летят на джинсы. Отстояв очередь перед кассой, покупает жетончик. Едет на эскалаторе. Проплывают баннеры. От яркого света ламп больно глазам.

В вагон набивается уйма народу. Как обычно. Вытаскивают газеты, книжки, КПК. Впиваются глазами в строчки. Лица пассажиров серьезны. Кто-то уселся и спит. Непонятные люди. Они не интересны тебе, ты не интересен им. Гармония.

Становится страшно, когда вглядываешься в эти чужие лица.

К чему все? Ты проедешь в этом вагоне по бессмысленному маршруту и выйдешь на некой пустой станции глухим, слепым и одиноким стариком. Одиноким?

Мурашки пробегают по спине. Плечи передергиваются. Илья гонит страх прочь.

С Никой он встречается около статуи собаки пограничника. Морда собаки отполирована до блеска. Ника пробирается сквозь толпу. Она красивая, думает Елифанов.

Ее лицо прямо светится. Вот она уже стоит перед ним: дреды схвачены банданой, сумка с веселой коровой через плечо, в сумке что-то постоянно брякает. Вроде бы у нее новые серьги? От нее вкусно пахнет. Ника смотрит на него, и выражение лица постепенно меняется: проступает растерянность, потом — беспокойство.

— Что случилось? Что с твоей рукой?

— Да так. Не обращай внимания. Ерунда.

— Что значит ерунда? Я же вижу: у тебя кровь.

— Забей. Порезался.

— А куда ты собрался?

— Послушай, мне надо ненадолго уехать из города.

Ника старается, чтобы голос ее звучал равнодушно.

— Куда?

— Я не могу сейчас тебе всего объяснить. Так будет лучше.

— Ты мне не доверяешь?

— Да при чем тут это...

— А что? — она заглядывает ему в глаза.

— Я правда не могу тебе всего рассказать. Не хочу тебя втягивать.

— Ты говоришь фразами из дешевых детективов. Илья чешет в затылке. Отводит взгляд. Наблюдает за людьми, которые бегут к эскалатору. Он действительно не знает, что еще сказать.

— У тебя появилась другая девушка?

— Ты дура, что ли?!

— Тогда почему? Может, мы наконец вылезем из метро и посидим где-нибудь?

— Нет. Я... я опаздываю. Я хотел только увидеть тебя и сказать...

— Что сказать?

— Я люблю тебя, — выговаривает Илья. — Несмотря ни на что.

Тут же Епифанов понимает, что вот это «несмотря ни на что» было лишним.

Но — поздно. Ника окидывает его презрительным взглядом.

— Да пошел ты, урод! — бросает ему в лицо она. И уходит.

— Ника! Да подожди ты! Ну, стой!

Он пытается удержать ее за рукав пальто.

— Отцепись! Отстань, я сказала!

Ника бьет его сумкой с веселой коровой по голове и убегает.

Теряется в толпе других пассажиров.

...Мак, перекладывая в его ладонь связку ключей от загородной лачуги, спрашивает с нервной усмешкой:

— Что ты удумал, Пиф?

Илья отвечает:

— Теракт.

24

На последнюю он опоздал. Следующая электричка отправится рано утром.

Ехать надо от Казанского вокзала до Бронниц и там еще на автобусе, а потом пешком пилить... Вздохнув, Епифанов соображает, где тут поблизости есть что-то с крышей, что-то безопасное и тихое, потому что разыгралась настоящая метель.

Выясняется, что самое относительно безопасное и тихое место ночью в этом городе — морг. Илья набирает Каниба. Повезло — сегодня работает. Затем Епифанов снова отключает мобилу. Стараясь не обращать внимания на пропущенные вызовы.

Ровно в полночь он ломится в железную дверь морга. Над головой поскрипывает на ветру фонарь, укутанный в железную сетку. Наконец раздается скрежет отпираемого засова. В дверном проеме возникает Штатский с беломориной в зубах. Поверх толстого свитера на нем — клеенчатый фартук.

— Заходи, дружище!

— Косяки прибиваешь?

— Расслабляюсь, блин...

В темноватом коридорчике Епифанов натывается на крышки гробов.

— Осторожней, смотри куда идешь, — предупреждает товарища Каниб.

— Можно я с тобой трупов посторожу, да? Ты правда не против?

— Хоть до утра сиди. Мне не жалко. Вместе веселей.

В каморке ночного сторожа очень высокие потолки. Непонятно, как до них доставать. Пожелтевшая известка, черные пятна от сырости по углам, паутинные гамаки. Лампы гудят, будто пчелы в улье, моргают. Епифанов избегает смотреться в треугольный осколок зеркала, прилепленный к стене. Уговаривает себя, что должен был сюда прийти.

Клин клином вышибают.

У зарешеченного окна — стол, застеленный клеенкой в цветочек. На столе — ноутбук: собственность Каниба. Крышка ноутбука сплошь в наклейках: зеленые стрелы, змеи, чувак в противогазе и с автоматом, какой-то герб. Дежурные журналы аккуратной стопочкой сложены на краю стола. Ящиком прищемило кусок полиэтиленового пакета. А в ящике кружки, подсохшее овсяное печенье, сахар и кофейный напиток. К настоящему кофе он не относится никоим образом. Пол выметен, цветы на подоконнике. Телевизор показывает очередное шоу; все цвета, кроме фиолетового, в телевизоре атрофировались.

— Мило тут.

— Еще бы.

Илья бросает рюкзак, падает в облезлое черное кресло. Штатский говорит, что оно из кабины пилота. С одного бока — топчан и на нем черная синтетическая шуба, с другого — искрит масляный обогреватель. Взгляд падает на раскрытый, почему-то дамский, журнал, валяющийся рядом с пепельницей. На странице 228 отпечатался круглый след от чашки. Вверху крупным кеглем: РАССКАЗ. Епифанов машинально вчитывается:

«Его губы пахли клубникой, и целовался он так, что Анна улетела на двадцать вторые небеса на небесном лифте».

Илья фыркает.

— Вань? — спрашивает он. — Можно я тебе вопрос один задам?

— Да хоть и не один, — отвечает Штатский, протирая липкую клеенку на столе.

— Тебе мертвецы не снятся?

Каниб лезет под стол и вытаскивает пакет.

В пакете пятилитровая пластмассовая бутылка, в таких обычно продают артезианскую воду. Без этикетки, наполненная прозрачной жидкостью.

— Вот, — говорит Штатский. — Знаешь, что это?

— Что?

— Это спирт.

— Лимфоузлы на шее от вечной простуды — величиной с шарик для пинг-понга. То есть это говорят, что от простуды. Но ты-то в курсе: на самом деле это какая-нибудь губчатая энцефалопатия, и клетки мрут миллиардами, и ты, скорее всего, сдохнешь за пару дней до весны...

Они сидят на каталке в зале для усопших.

Окна заложены толстой стеклянной плиткой. Свет от ламп — желтый, холодный. Гремит жесть на крыше. Покойники лежат и на полу тоже. Несколько свежих бомжей свалено кучей в уголке. Чуть слева от ноги Епифанова валяется мужик, украшенный синими эковскими тату. Живот распорот. Брыжейка выпятилась наружу будто гофрированный воротник. Илья разглядывает мертвяков и болтает ногами. Колесики каталки от этого поскрипывают. Епифанову больше не страшно. Убавили объем из бутылки процентов на двенадцать. Закусывали килькой, а потом — домашней аджикой.

И к запаху тлена вполне адаптировался.

— А вон с той, видишь, справа, был вообще анекдот.

— Какой?

— В общем, бабушка очень любила внуку, давала ей денег на обучение в университете, поддерживала в любом начинании. Внука была хорошей девочкой, выучилась и не забыла бабушку, которая к тому времени начала страдать от сильных болей в спине. Решила

устроить сюрприз. Приобрела ортопедический матрац и, улучив момент, когда бабушка уехала на дачу, пришла с полезным подарком. А что делать со старым дражным тюфяком? Конечно, выкинуть. По возвращении бабушку хватил инфаркт...

— Почему? — поворачивает голову Епифанов.

— В старом тюфяке хранились все ее сбережения. Илья глупо хихикнул.

— А здесь что?

— Тоже инфаркт. Ей всего девятнадцать. Сердце не выдержало.

— Красивая очень.

— Ее мать плакала, говорила: девочка много раз пыталась себя убить.

— Почему?

— Кто бы знал бы. Завтра заберут. Говорят, под поезд бросалась... Ирония судьбы, да? Пытаться по дурости, а умереть от инфаркта! Как ее... — Каниб листает записи. — Аня. Хотя красивая, конечно.

Илья почему-то вспоминает рассказ из дамского журнала.

— А может, не по дурости?

— Ой, да брось! — говорит Каниб. — Все их девичьи проблемы из-за несчастной любви. Каренина тоже выискалась! Думают только о себе...

— Она хотела покончить с собой от одиночества. Она была несчастна.

— А ты счастлив?

— Не сказал бы.

— Но ведь под поезда не бросаешься.

— Поехали по соплям.

Илья поднимает голову, смотрит на лампы, пока глаза не начинают болеть. Плывут разноцветные круги. Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему. Это верно.

— О чем задумался? — спрашивает Каниб.

— Да вот думаю, как у Толстого мог родиться замысел «Карениной».

— Надумал?

— Ага. Лева в то время подрабатывал официантом в привокзальной забегаловке. Гонял между столов на роликах и макал свою старообрядческую бороду в щи да кашу невыносимо грустных посетителей.

— Сказочник! — усмехается Каниб. — И про трусость ты не гони. Трусость — это бросать жить до срока.

Епифанов кивает.

— А то живем все.

Каниб встает с каталки и уходит в каморку. Возвращается с бутылкой из-под кваса «Хлебный край» и плюшками. Топит гаш на сигарете через отверстие внизу бутылки, откручивает пробочку и, убрав палец с нижней дырки, втягивает наркотический дым. Чуть прикрывает глаза. Выдыхает далеко не сразу, чтобы клеточки легких успели напиться.

Бутылка замасленная, использовалась не один раз. Глаза Штатского блестят. Протягивает «Хлебный

край» Илье, тот вбирает порцию. Дым тяжелый, дерет горло. В голове образуется приятная бессмысленная ватность. Туман.

Проблемы не исчезают, но становятся менее заметны.

— Пошли музыку послушаем.

— Пошли.

В коридорчике Епифанов вновь спотыкается о крышки гробов, и одна падает.

— Да не шуми ты! — шепчет Каниб, поднимая и устанавливая крышку обратно.

— А кого тут можно разбудить, доктор?

Доктор скребет щетину на подбородке.

— Я в детстве хотел стать космонавтом. Люблю тишину вокруг. А еще тут недавно вычитал про одного парня по имени Торнтон Берджесс.

— Кто это?

— Американский сказочник. Он сорок восемь лет подряд каждый день публиковал в газете «Сказку перед сном». Для детей. Сорок восемь лет подряд. По моему, это круто.

— Да, — соглашается Епифанов.

— А ты кем в детстве мечтал быть?

— Портным. Шить платья для мертвецов.

— Ты ебанулся?

Илья пожимает плечами:

— Мне казалось, что на небо нельзя в обычной земной одежде.

Каниб растягивает губы в ухмылке.

— Насчет снов и всего такого... Моя прабабушка, она до девяноста лет дожила, говорила: мертвых не бойся, живых бойся. Вот так.

26

Народу в электричке немного.

Мелькают столбы, слились в одну сплошную электрические провода. Деревья черные, голые. Епифанов хочет спать, он не выпался, но заснуть не получается.

Пристроив рюкзак сбоку на сиденье, он разглядывает пассажиров.

Одни дремлют, другие — шуршат газетами. Мамочка успокаивает дитя. Ага, заснул. Мужик впереди-наискосок в болотного цвета свитере, свернув куртку на коленях, ест пирожки. Жадно ест, с чавканьем. Доедай быстрее! Илья почему-то не может перестать исподтишка разглядывать мужика. Вот обжора смахивает крошки на пол. Вертит башкой: никто не палит? Отвернувшись, вытирает о ворот свитера жирные губы.

На какой-то промежуточной станции в тамбуре появляется усатый парнишка с баяном. Он немного пьян, пальцы нетерпеливо давят на кнопки инструмента. Поправляет ремень на плече. Меха раздуваются.

На входе парнишка с чувством исполняет песню «Голубой вагон».

— ...каждому, каждому в лучшее верится! катится, катится голубой вагон!...

Закончив с этим, спел «Чунга-Чангу» и «Я на солнышке лежу...».

Реакция вполне предсказуемая. Сперва пассажиры стесняются, отводят глаза и дают улыбку. Тетенька, которую парнишка нечаянно задевает баяном, возводит глаза к потолку вагона, ее губы шепчут адрес, куда горе-музыкант должен наведаться. Но постепенно народ оттаивает.

— А Unforgiven можешь? — спрашивают народника.

— Эй, патлатый, в чем твоя металика, а?! — заступаются за баяниста.

Закончив с мультфильмами, баянист заводит песню Юру Шатунова про крыши, голубей, которых он любил гонять по крышам, про то, что он опять хочет этим всем заниматься. Безусловный хит. Пассажиры вступают в припев.

Тетенька поет фальшиво, зато громко.

Скоро парнишку увлекают в глубь вагона, пообещав гонорар за выступление.

— Эй, вернись, мы тебе больше заплатим! Вернись!

Курсируя туда-сюда, уса́тый баянист оттопыривает карман, чтоб кидали мелочь.

Есть такой несимпатичный сорт людей, которые не могут просто сказать «нет», которые пороются у себя, после чего, притворно вздохнув, разведут руками: из-

вините. И ведь ясно: такой в курсе, что у него есть, а чего — нет. И копейки есть, но человек чего-то пожалел отдать, зато сделал вид.

Затем напротив Епифанова усаживаются и заводят беседу бабушка с внуком.

У бабушки изрезанное морщинами усталое лицо, выцветшие глаза, в руках — холщовая сумка. Внук держит в лапках игрушечный револьвер.

Начало беседы Илья упустил, но после прислушался.

— Бабуль, а деда теперь в раю?

— Ну, конечно, малыш.

— В раю ведь живут праведники? Грешникам там не место, — мямлит ребенок.

— Точно. Поэтому води себя хорошо, заяц, чтобы дедушка там, на небе, мог тобой гордиться, — бабушка, говоря ласковым тоном, одновременно пытается опустить руку малыша с зажатым в ней револьвером, из которого он целится в живые объекты за окном.

— Бабуль, ты мне прицел сбиваешь!

Илья дергает краем рта. Малыш эту улыбку замечает и корчит рожу.

Епифанов будто бы рассматривает деревья.

— Бабуль, бабуль, — продолжает внук, — мне кажется, что ничего не выйдет. Но я буду изо всех сил стараться.

— Это еще почему не выйдет?

— Ты меня сама учила, что гордыня — грех. Так в книжках пишут. Поэтому, если он будет гордиться,

его могут перевести в ад и заставить там лизать раскаленную сковородку с тефлоновым покрытием. Целую вечность.

— Кто? Почему с тефлоновым? — поражается таким рассуждениям внука бабушка.

— Как кто? Черти. А с тефлоновым — это чтоб язык лишний раз не пригорал.

Бабушка смеется сквозь слезы. Внук снова сосредоточивается на пейзаже.

Выходя, он протягивает Епифанову револьвер.

— Дарю.

Епифанов благодарит и смотрит на бабушку. Та, смущенно улыбаясь, кивает.

— У него их два мешка.

— Спасибо, — говорит Илья, пряча оружие во внутренний карман. — Пригодится.

— Мы должны спасти мир, — малыш тут же задумывается над этой своей фразой и в задумчивости сует палец в нос.

— Палец ломаешь...

— Или лучше пошли бить палками по лужам?

Бабушка тянет его за руку, и они едва успевают выскочить в открытые двери вагона.

Епифанов достает из кармана плеер. Каниб скинул свой новый рассказ в аудиофайле, сам начитывал.

— По дороге послушаешь, — сказал он.

Илья вставляет наушники, выбирает нужную папку, нажимает кнопку «play».

Рассказ называется «Маленькие борхесы».

— Каждый видит лишь то, что он хочет видеть, — бормочет Илья.

Дача что надо. Они с Маком здесь не так давно кирали.

Илья пинает пустые бутылки, стоящие в ряд у входа. Бутылки с легким звоном откатываются, у одной, из-под вискаря, откалывается горлышко. Расчищает деревянной лопатой, найденной возле пустого титана, снег. Иначе не войдешь — дверь завалило.

Замок навесной, с ним приходится повозиться. Сталь холодит пальцы.

В прихожей гора хлама: оцинкованные ведра, пластмассовые лейки, рулон огородной пленки, безразмерные резиновые сапоги, стул без сиденья, дырявая циновка.

В доме температура немногим выше, чем на улице. Хорошо, что есть печка. Спать на ней вряд ли получится, зато готовить отлично. Всяко лучше, чем на электрической плитке. Около печки на железном щите, покрашенном в коричневый цвет, сложены газеты и журналы. Сбоку лестница, ведущая на чердак.

На чердаке нет ничего, кроме пыли и связок лука.

Сортир на улице. Умывальник тоже фирменный, с задрачивающим стержнем. Вместо рефрижератора — маленький погреб. В буфете навалом разной посуды. Вода из колодца, он в пяти метрах от дома. Илья уже проверил: не промерз ли он. Не промерз.

Епифанов вворачивает пробки.

— Да будет свет.

Включает лампу в комнате. Обстановка спартанская: стул, стол, диван и несколько полок. Обои со стен отваливаются полотнами. Это из-за сырости. По всему потолку расползлись желтые линии. Епифанову они кажутся похожими на больных гепатитом змей.

Ни у кого нет времени и сил, чтобы залатать крышу. Вот и течет.

Он подходит к небольшому окну. Занавески почернели от грязи.

Из окна виден участок. Тропки заснежены. Посреди огорода раскорячилось пугало и две яблони. Яблоки на них бывают осенью. Маленькие такие, кислые. Китайка.

Илья ставит рюкзак на стол и, распустив тесемки, вытаскивает из рюкзака бутылку воды и шоколадные батончики. С аппетитом поглощает сразу два батончика. Запивает. Из бокового кармана появляются бинты, йод, мазь с антибиотиком. Обрабатывает руку, как показывал Каниб. А то не хватало еще подхватить заражение крови на полпути.

— А теперь наведем порядок.

Епифанов скидывает куртку, переобувается в резиновые сапоги. Приносит охапку дров, открывает трубу и растапливает печь архивами «Комсомольской правды».

Языки пламени облизывают морды партийных лидеров.

Приносит воды из колодца, ставит греться. После, закатав рукава свитера, вставив в уши плеер, три часа кряду облагораживает домик. Чтоб блестел. Это нехитрое занятие дарит Епифанову некое подобие морального удовлетворения.

— Порядок в доме, порядок в душе, — повторяет он про себя новую мантру.

Срезав верх у пластмассовой бутылки (из-под минералки), он засыпает туда заварку и делает чифир. Правонарушитель-Кошмар научил. Взбодрившись, Илья возвращается к рюкзаку, раскладывает недавние приобретения в ряд на чистом столе. Вот что там обнаруживается:

- ацетон,
- эпоксидка;
- лак и столярный клей (хозяйственный магазин «У Миши»);

- семь пачек осветлителя для волос «Blonde» (лавка парфюмерии-косметики «Русалочка», а число 7 — любимое число Епифанова) плюс пачка стирального порошка;

- аммиачная селитра и марганцовка (магазин «Удобрения»);

- гирлянда одноразовых шприцев, коробка с ампулами витамина С (аптека «36,6»);

- пузырь концентрированной серной кислоты (пришлось идти просить у знакомых парней, работающих в автомастерской).

Нож-тесак, катушку ниток и утюг Илья нашел в собственной квартире.

Елифанов запирается изнутри, задерживает занавески, включает свет и принимается за работу. Начинает штудировать прихваченные учебники. Атомный Эл не зря подстрекал на олимпиады. У Ильи талант к химии. До вечера он смешивает в разных пропорциях кислоту, ацетон и гидроперит (перекись водорода, связанная тиомочевинной — это из осветлителя), бегаёт с кастрюлями на улицу — нужен снег для охлаждения смеси, получает осадок, фильтрует, пробует на вкус, варит чертову селитру с содой, пока не выветрится аммиак...

Когда на улице становится уже совсем темно, а на темно-фиолетовом небе высыпают первые звезды, он выбирается на крыльцо с горстью белого вещества на картонке.

Кладет картонку на скамейку, хлопает по карманам в поисках сигарет и зажигалки.

В последний момент спохватывается и отшвыривает незажженную сигарету в сторону. Вполголоса матерится. Поднимает голову, смотрит на созвездия.

Лицо у него разгоряченное. И в доме теперь жарко натоплено.

Елифанов подставляет лицо ветру. Через некоторое время мороз все же начинает покалывать щеки, будто иголками. Илья вынимает из-за пояса игрушечный револьвер, подаренный малышом из электрички. Пугач. Но рельефная рукоятка как-то очень

приятно чувствуется в ладони. Барабан вращается. Он довольно тяжелый. Металлический, а не пластмассовый.

Илья обращает дуло к небу.

— Пиф-паф! — кричит он. — Эй, бог! Иди сюда, старый хрыч, я тебя пристрелю! Ну, где ты? Спускайся, или я сам тебя оттуда стяну!..

...А смесь горит ярким, но спокойным пламенем.

Епифанов хмурится.

— Не так.

С размаху швыряет картонку вдаль.

— Завтра попробуем снова.

В ту ночь он спит на удивление спокойно.

28

Таракан глядит на Илью и шевелит усами.

Вид у него воинственный. Голова треугольная, как шапка Наполеона.

Старинное наблюдение гласит: если ты видишь одного таракана, значит, где-то еще сто, которых ты не видишь. Эти ребята появились на второй день отшельничества Епифанова, очевидно уловив тепло и запах пищи. Снег не успел сойти, а они — тут как тут.

По ночам тараканы буянили, отовсюду слышался топот их крошечных лапок.

Сначала он хотел заняться дрессировкой насекомых, то есть заставить их участвовать в традиционной

русской забаве — тараканьих бегах. Ребята осадили Епифанова презрительными взглядами. Был один вроде Спартака, предводитель.

Спартак переводит взгляд на банку, где копошатся штук двадцать его сородичей.

— Вы унаследуете Землю после ядерной войны, — утешает его Илья. — А пока я тут главный. Пошел прочь.

Он замахнулся тряпкой, и Спартак юркнул за подоконник.

К исходу третьего дня бомба наконец готова целиком и полностью.

Приготовлены пропитанные селитрой жгуты из «Комсомольской правды» (вместо бикфордовых шнуров), и есть даже запалы: раздавишь ампулу, и начнется реакция. Проведен ряд опытов: приходилось определять характер взрыва, уточнять дозировку вещества и время горения шнура, чтобы косяков не вышло.

Завтра утром он возвращается в город. Печка вычищена. Вещи почти собраны.

Среди прихваченных учебников затесался и дневник. Перед отъездом Илья решает, раз уж подвернулась возможность, проверить известный школьный миф.

Впрочем, ему он стал известен не так давно — Ника рассказала.

— Ты что, ни разу не вырывал страницу из дневника?

— Ни разу.

— Тогда ты уныл и скучен, как не политая традесканция.

— А политая традесканция перестает быть унылой и скучной?

— А ты не пробовал скормить плохую оценку?

— Кому?

— Ты что, не в курсе? Да об этом любой знает!

— Расскажи.

— Ох, блин... в общем, так...

И она поведала ему миф о скармливании.

Миф:

— Помимо радикальных методов удаления двоек из дневника, как то: выдиране и соскоб бритвой, существует и более щадящий (читай — менее заметный родительскому глазу) биологический способ. Для удачного исполнения необходимы обычные домашние тараканы. Если у вас нет — попросите займы у соседей. И вот дюжина взрослых усатых насекомых сидит в пол-литровой банке и терпеливо дожидается своей святой миссии. В это время двоечник берет рядовую швейную иглу и, обмакнув ее в варенье, аккуратно обводит оценку по контуру. Затем переворачивает банку вниз дном на страницу. Голодные тараканы набрасываются на лакомство, вместе с вареньем съедая бумагу и чернила. Ненавистная цифра исчезает. Тараканы сыты, ты счастлив. Все.

При воспоминании о Нике ноет под пятым ребром. Он по ней страшно соскучился.

Епифанов выглядывает в дачное окно. День выдался ясный, солнечный. Вся грязь на стекле была особенно заметна. Весна. Небо больше не наваливается на крыши, отодвинулось. Островки снега под окном чернеют и съеживаются. Капель, даже внутри дома из-за протекающей крыши, словно музыка. А теперь — вечер. Это хорошо.

Ладонь у него почти зажила, больше не кровит, он все время меняет повязки.

Одной рукой Илья открывает банку с вишневым джемом из погребка, окунает туда иголку и обмазывает двойку по математике за прошлый месяц.

— Ты чего здесь балуешь?

Чужой сиплый голос заставляет Илью вздрогнуть — с иглы срывается капля вишневого джема, ляпает страницу не в том месте.

Епифанов резко поворачивается.

— Вы кто?

В прихожей стоит небритый мужик. Синяя с черным козырьком бейсболка — на ней охваченный языками пламени мячик. Узкое вытянутое лицо, такое еще называют лошадиным, глубокие вертикальные морщины на щеках. Пепельные, вьющиеся на концах волосы. Глубоко посаженные глаза. В углу рта небритого мужика дымится папироса.

— Я-то сосед. А вот ты чьих будешь, хлопец?

— Свой я, — бесстрашно отвечает незваному гостю Илья.

— Чем докажешь?

Епифанов называет фамилию Мака, имя-отчество его матери.

— Мы с ним друзья.

Мужик молчит, пыхтит. И наконец изрекает:

— Ладно. Допустим, я поверил. Но сейчас не сезон, и ты здесь один. Почему?

— А я из дома сбежал. Мак дал ключи, чтоб у меня был приют.

Сосед в раздумьях чешет затылок.

— Бабахало у тебя? Вон какая воронка на грядках!

— У меня, — кивает Илья. — Готовлюсь к олимпиаде по химии.

Мужик какое-то время молчит, хмурится, а после начинает смеяться. Смеется так, будто откашливается. Распахивается куртка — под ней майка с надписью Coordinator. Левый рукав куртки болтается. У соседа не хватает руки.

— Забавный ты хлопец. Пошли хоть ко мне чаю попьем, познакомимся.

Илья чешет в затылке.

— А откуда я знаю, что вы не маньяк-убийца?

— Где ты видел одноруких маньяков-убийц? — отшучивается сосед.

— Зато видел много одноруких бандитов, — парирует Илья.

— Ну так, — усмехается мужик. — Ведь и ты не отличник. Гена меня зовут.

Он делает шаг вперед и протягивает Илье единственную руку.

— Илья, — отвечает Епифанов.

Они обмениваются рукопожатием.

— Где руку-то потеряли? — набравшись смелости, спрашивает Епифанов.

— А вот как ты, к олимпиадам готовился...

Внезапно Епифанов понимает, что Гена обдолбан в сопли. Хотя и держится прямо.

Они выходят из домика. Потом Илья возвращается, чтобы перевернуть банку с тараканами на страницу дневника и взять ключи.

— Я вон в той усадьбе обитаю! — Гена машет вдаль.

Усадьба у Гены оказывается примечательная.

Кирпичная. С флюгером-кукурузником на крыше. Они входят. Стена комнаты расписана, картина на религиозную тему.

Сидит, скрестив ноги, альтернативное божество. Лысое, как пешка. Нимб из колючей проволоки. Одето божество в закрученную на поясе простыню, будто в бане, на груди — надпись «АЗ ЕСМЬ!». Зловеще ухмыляется и курит. У скрещенных ног стоит банка из-под кока-колы, набитая окурками. В руках творец держит пулемет, а вокруг него кружатся миры. Миры эти плоские и покоятся либо на трех китах, либо на трех скалящихся черепах и парочке костей, либо на более современных вещах: тех же кока-кольных банках, пачечках индийского чая со слонем и прочих продуктах питания.

— Нравится? — спрашивает Гена, пошатнувшись.

— Ага, — говорит Илья.

— Неделю убил.

Дальше они действительно пьют чай за самодельным столом, сидя на табуретах.

Геннадий в свою чашку добавляет коньяк из серебрястой фляжки. Говорит разное о жизни. Монолог его нио чемный, сводится к тому, что наша жизнь, в сущности, несправедлива. Выясняется, что он был в Афгане.

— Я после кампании решил в монастырь податься, — говорит он.

— Успешно?

— Да не сказать что... Жизни они боятся. Вот той самой: настоящей жизни! И чем дольше в своих кельях сидят — тем сильнее страх. Пугаются бессмысленности этой, злобы беспричинной, алчности. Я тоже испугался, когда решил от обычного мира свалить туда, поближе к Богу. Думал: а зачем все? Ведь смысла нет, думал. Ни в чем! Суета все. А в монастыре — покой и благодать. Буду плоть укрощать, а дух — укреплять. А потом я фальшь услышал. Неправильность какую-то. Фальшь. Но не явную. Вроде как и ноты те — а звук лажовый. Стал до причины доискиваться, перед иконой Божьей Матери часами на коленях стоять, с настоятелем говорить: он дядька был грамотный, красиво про причины излагал. Я ему и верил. Но месяц проходит, второй — и чувство фальши опять возвращается!

Елифанов терпеливо слушает.

Гена чешет нос.

— У нас у каждого ядовитая колючка в башке, — говорит он. — Ох и пустила же она корни...

Илье разговор не нравится. Он поднимается с табуретки.

— Спасибо за чай...

— Погоди! — вскакивает Гена. — Я тебе еще одну штуку расскажу. Еще с афганских времен. — Он вздыхает. — Короче, был у нас в соседнем взводе один паренек-повар, и пошел он мусор выносить. А в мусорной яме, что была за холмом, метрах в ста от лагеря, оказалась змея со змеенышами. Кобра. Подкормиться она вроде как решила. Ну, поваренок не убил кобру, баки с краешку высыпал и ушел. И на следующий день не убил, и на следующий... Мусор выкидывал — и все.

— А кобра? — спрашивает Илья, возвращаясь на место.

— Змея к нему привыкла, не трогала, — продолжает рассказ Гена. — Разведенное сгущенное молоко, которое парень приносил, пила. Но вот однажды вечером будто бес в змеюку вселился. Поваренок мусор высыпал, уходить собрался, а она не дает — выползла на тропку, капюшон раздула, шипит! Боец пересрался со страху, двинуться боится. Полчаса держала. И вдруг капюшон обратно сдулся, змея уползла... словно и не было ничего...

— И? — спрашивает Епифанов. — Что-то ведь было?

— За эти полчаса духи весь лагерь вырезали, — отвечает Гена, стряхивая пепел мимо пепельницы, сделанной из кока-кольной жестянки.

Илья шмыгает носом.

— А где тут у вас туалет?

— В коридоре до упора и налево! — говорит Гена и тащит зубами пробку, теперь уже из бутылки портвейна. — До упора и...

Гена вдруг перехватывает бутылку и бьет ею по краю стола. Получается «розочка». Поднимается из-за стола и с тихим урчанием двигается на Епифанова.

— Эй, вы чего?!

— Так это... изловить надо!

— Кого?

— Ну, вон же побежал! Зверек, ептвою! Лови его! Не упусти! Стрелять надо!

— Где он? — в отчаянии кричит Илья.

— За дверь побежал! Да не за эту... коридорная, где сортир!

Илья бежит, пинает дверь.

— Выше бери! Страхни его!

Епифанов стряхивает что-то на пол, а затем, отгородившись дверью, припечатывает шлепанцем невидимого зверька. Раз-два-три.

Гена немного утихомиривается. Садится на табурет. Спрашивает усталым голосом:

— Кто это был?

— Да кто-то вроде хорька, — стараясь не задыхаться от испуга и бега, отвечает Илья.

— Прибил?

— Да.

— Молодец, хлопец! А то я его целый день изловить не мог. Размножились, падлы... Взорвать их, сук, надо! Всех! Слышишь? — вновь орет Геннадий, брызгая слюной и трясая единственной рукой с зажатой в ней розочкой. — У, СУКИ! У-У-У-У-У!..

Илья опрометью бросается вон из усадьбы. Бежит к себе. К черту этот сумасшедший дом.

Добегают, хватая рюкзак и, заперев дверь, покидают жилище. Ночь он лучше проведет на автобусной остановке, слушая плеер и делая каждый час зарядку, чтоб не околеть.

Уже на полдороге он вспомнит, что так и не проверил, съели ли тараканы двойку.

Дневник он забыл.

29

— Да черт, конечно нет!

Он и не думает взрывать всех. Он не какой-нибудь фанатик и не таскает футболки с Че Геварой, буквами BR, TMT или надписью «Господня армия сопротивления». Ему плевать на радикальные движения, на всех этих неонацистов, сопротивленцев, тигров освобождения и прочую дребедень. От такого дерьма тянет блевать дальше, чем видишь.

Но что еще делать? Не идти же проповедовать. Не благодарное занятие. Будешь говорить неубедительно — засмеют, убедительно — сначала распнут, затем похохочут. Все равно что читать овцам разные философские сочинения и надеяться, что уж к последней-то главе точно отряхнут пыль с копыт, добровольно постригутся в монахи, замутят орден и рванут на поиски истины. Неа. Никто не поймет и не замутит. Максимум для полорогих — начнется несварение. Засрут всю лужайку.

Хотя люди — не совсем овцы. Плохо, когда толпа, в ней коллективное сознание. В смысле, что один мозг на всех. И он у того, кто толпу ведет. Только к черту пастухов! Изменить можно человека, не стадо. А стадо пора разгонять. Как это сделать?

Очень просто. Шугануть. Надо выпустить страшного волка.

Прыгая взад-вперед, нахохлившись, как воробей, на пустой автобусной остановке, Илья Елифанов разговаривает сам с собой. Ведет как бы внутренний блог. От нахлынувших мыслей кружится голова. Щеки покраснелись, сердце бахает, будто молот стахановца, и этот стук отдается в ушах, рассыпается тревожной дробью на четыре удара.

Он не хочет разрушать вообще образование. Хочет изменить. Перенаправить рост, сделать прививку, раздвинуть границы — называйте как угодно. Потому что сейчас наша система образования — как

вросший ноготь. А ногти нужны, только если растут как надо. Вот.

Необходимо уничтожить символ. Главная цель — кабинет директора. Точнее, стол в этом кабинете. То, что требуется превратить в труху. Взорвать нахрен! Деревянный символ застоя, эпохи корнеплодов. Опора канцеляристов.

— Что останется от твоей уверенной позы, Корнеплод, если исчезнет опора? — обращается вслух к воображаемому врагу Илья.

Лед под тяжелыми ботинками крошится. Стены автобусной остановки, выкрашенные ядовито-зеленым, исписаны поверх матами и лозунгами.

Епифанов вытягивает пачку сигарет, выбивает последнюю. Палец крутит колесико зажигалки: дай огня! Появляется слабый огонек. Илья прикрывает его ладонями от ветра.

Глубоко затягивается и старается подольше удерживать дым в легких. Пока куришь — теплее. Дорога пуста: нет ни людей, ни зверей, ни машин. Мир словно в одночасье вымер.

В помрачневшем небе висит бледный лунный серпик. Илье вспоминается считалка:

Вышел месяц из тумана,
Вынул ножик из кармана,
Буду резать, буду бить —
Все равно тебе водить!

На скамье, привалившись к стенке, лежит рюкзак.

Кроме всего прочего, в нем взрывчатка. Илье удалось ее даже пластифицировать.

Епифанов курит, подпрыгивая на месте. Он боится остановиться, сесть, отдохнуть. Ему страшно, что он может сесть и заснуть, увидеть что-то не то и проснуться не там.

Выбросив окурок, достает мобильник и включает: зарядка еще держит.

Секунду поколебавшись, он извлекает из памяти телефона номер Ники и звонит.

Протяжные гудки. Такое ощущение, что они идут вечность.

— Да.

— Привет. Как делишки? — нервно тараторит Илья. — Извини меня.

— Привет. За что?

— За то, что нес тогда всякую чушь.

— Ты где? Ты на улице, да? — раздается у него в ушах голос Шизы. — Слышно плохо.

— Да я тут... — он взмахивает рукой. — Расскажу, как приеду. Сегодня реально сумасшедшего встретил, представляешь, мы с ним сначала пили чай, только он еще коньяк и портвейн пил, и у него такая прикольная картинка была на стене, а потом у него пошли настоящие глюки: он невидимых зверьков стал видеть и за ними гоняться...

— Илья, подожди! Какой чай, какие зверьки? Ты где вообще? — В ее голосе чувствуется волнение.

— Я завтра приеду.

— Это очень хорошо, — вздыхает в трубке Ника. — Так ты знал?

— О чем?

— Епифанов, не придуривайся. Когда ты меня послал — ты знал?

— Ты русским языком объясни, пожалуйста. И я тебя никуда не посылал.

Ника всхлипывает.

— Эй, ты чего там, плачешь, что ли?

— Что я наделала... дура! Илюш, я думала... Ну, тогда мы поругались, и я не понимала, что делаю. Он позвонил. И я пошла к нему. Он мне марку дал, типа кислота. Я обдолбанная была конкретно. До сих пор не понимаю, как это могло произойти...

Епифанов внезапно ощущает комок в горле, виски пронизывает острая боль.

— Ника, — он из последних сил унимает дрожь в голосе, — я не понимаю, о чем ты говоришь. Куда ты пошла? Что произошло?

В трубке на секунду повисает молчание.

— Блин, я думала, он все тебе рассказал, и ты решил со мной порвать...

— Послушай меня. Тебе кто-то угрожает или что? Или ты денег должна? Хочешь, я все брошу и увезу тебя куда-нибудь? Ты главное объясни, что случилось...

— Я тогда ночью, когда ты уехал, была с Максимом.

— С КЕМ?

— С МАКОМ! С ТВОИМ ДРУГОМ МАКОМ!
Я С НИМ РАНЬШЕ ВСТРЕЧАЛАСЬ.

Илья спрашивает очень тихо:

— Как понять: была?

— Я переспала с ним. Думала, между нами — все.
Под кислотой была. Ты трубку только не бросай!
Илюш, трубку не бросай, пожалуйста! Я все тебе...

Епифанов опускает руку с зажатым в ней телефоном. Голос что-то продолжает там говорить. Не слышно. Ветер сильный.

Илья выходит на дорогу и ложится посреди нее.
Смотрит в небо.

Вышел месяц из тумана,
Вынул ножик из кармана,
Буду резать, буду бить —
С кем останешься дружить?

30

Как-то Мак уже приносил ЛСД.

Марка была завернута в автобусный билетик.
Илья развернул билетик: выпала крохотная желтая бумажка с буквой «А» и частью еще какой-то буквы.

— Кислота, — сказал Мак, взъерошивая волосы.

Точнее эта штука называется диэтиламид лизергиновой кислоты, добывается из спорыньи. Отец ЛСД — гениальный швейцарский химик Альберт Хофманн, доживший до 102 лет и не отказавшийся

от наркотика до самого конца. ЛСД пытались использовать в сфере психоанализа, но влезло правительство, Тимоти Лири и хиппи. Идущие цветочной дорогой добрались до психоделической революции и группы Pink Floyd, чей первый лидер, сумасшедший бриллиант Сид Барретт, отправился еще дальше и совсем заблудился. Теперь вещество считается запрещенным. Гоняющий под дозой на велосипеде Хофманн думал, что изобрел «лекарство для души», которое помимо прочего спасает от мигрени, а на самом деле вышла головная боль для целого поколения. Впрочем, стоит ли жалеть? Зато были Хендрикс и Моррисон, Томпсон и Кизи.

Не брезговал кислотой и Фрэнсис Крик, сооткрыватель двойной спирали ДНК.

— Трехбуквенные конструкции правят миром! — орал Мак.

Эту полезную информацию они почерпнули, смотря передачу по «Дискавери».

Там были кондовые спецэффекты: типа стоит репортер на горе и все вокруг него искажается и меняет цвет. Кроме данной передачи был ролик о вреде курения — разные умники пугали страшными анатомическими картинками, после просмотра которых Илье страшно захотелось курить.

Потом они разорвали марку на две части. И под язык.

— Главное, в окно не выйти. А то будет обидно, — рассмеялся Мак.

— В точку. Сколько ее во рту держать?

— Не знаю.

— Полчаса хватит?

— Ты что-нибудь уже чувствуешь?

— Горчит немного.

— Сразу предупреждай, если я вдруг стану превращаться в ушастого монстра.

— Я уже опоздал.

— Да ну?!

— Ну да. Ты давным-давно превратился в ушастого монстра.

И они сели смотреть мультики, нервно поглядывая на часы.

Отсмотрели треть мультика. Потом — две трети. Эффекта не было.

Марка сделалась зеленым заспюявленным комочком. Илья его выплюнул.

— Кажется, у меня головокружение... — сказал Мак.

— Глянь-ка на меня. Ерунда. Зрачки не расширены.

Подождали еще чуть-чуть.

Затем Мак еле слышно произнес:

— Я с ноги уберу суку, которая мне эту хуйню продала...

А с Никой ему, видимо, повезло больше.

— А, старик, вернулся? Привет! — сердечно здоровается с другом Мак.

— Лови, — говорит Илья, выбрасывая вперед кулак.

Удар приходится в основание носа. Мак падает спиной на поребрик. Лицо перекошено от боли. Все происходит в его дворе. Рядом оцетинились осколки когда-то распитых бутылок, всякие фантики, подхваченные ветром, кружатся в воздухе. Мамаши с колясками спешно ретируются, малыши в резиновых сапогах, перестав мерить лужи, собираются в кучку и внимательно наблюдают за происходящим с безопасного расстояния.

Кровь течет сильно, несколько капель попадает на куртку. Мак закидывает голову назад, размазывает пальцами кровь по лицу. Смотрит на свою ладонь.

— В чем дело, Пиф?

Илья дышит глубоко, словно набирая про запас свежего весеннего воздуха.

— Вставай, — говорит он, снимая с плеча рюкзак.

Мак неловко поднимается, загребая руками черный снег.

— Бьешь, как девчонка...

Елифанов, дергая на себя за рукав, старается достать Мака коленом. Тот блокирует, захватывает ногу Ильи и, резко сократив расстояние между ними, делает

подножку. Епифанов летит на спину, Мак сверху, с размаха бьет головой в лицо.

— Нормально вошло?

Сцепившись, они катаются и мутузят друг друга.

Пацанва подбирается ближе и, разделившись на два лагеря, как болельщики, радостными возгласами отмечают успешный выпад своего бойца. Одному не видно из-за спин приятелей, он слишком маленький, тогда он забирается на качели и смотрит оттуда.

Качели без сиденья, ржавые. По двору разносится отчаянный скрип.

— Гаси его!

— С носка бей!

— Давай, давай!..

Пять минут спустя оба в кровавых соплях, грязные и мокрые, лежат, смотрят в небо, пытаясь отдышаться. В небе летят самолеты, оставляя белые полосы. Дует ветер, и все вокруг шумит. Небо высокое, как цена билета на концерт Metallica, прозрачное. Илья приподнимается на локте, голова звенит. По крышам гаражей скачут юнцы с рюкзаками и так смеются при этом, что становится завидно. Тоже, наверно, школу прогуливают.

Больно. На глазах невольно выступают слезы.

— Ёхаму?

— Ёхаму. Поднимаемся.

— Теперь мы можем поговорить? — спрашивает Мак, отряхиваясь и прижимая к носу ледышку. —

Или ты еще немного попсихуешь?.. Сука, ты мне, кажется, его сломал...

— Не гони. — Илья поворачивается к малышне. — Валите отсюда.

Те с визгом отбегают. Но недалеко. Вдруг будет вторая часть.

Пестрая, будто рассказы Чехова, кошка, спящая до этого на капоте машины, свернувшись клубком, просыпается и сразу прячется.

— Каково чувствовать себя предателем?

— Ты о чем? — гнусавым голосом интересуется Мак.

— Дебиллом не прикидывайся. Ты был с Никой.

Мак вздыхает.

— Ох, Пиф. Блядь, извини. Удолбанный был. Конечно, некрасиво и все такое, но почему ты так реагируешь? Вы ж с ней вроде как всё. Она сказала. Иначе бы я не стал.

— Чего?

— Ну, я думал, ты все понял и послал ее... Трахнул и забил. И мне просто в тот вечер приспичило. Она же безотказная...

— Да чего ты пропариваешь?! — заносит было кулак Илья.

— Мы с ней раньше встречались. Недолго, правда.

— Я знаю. Почему ты об этом только сейчас говоришь?

— Пиф, ты мудак конченный. Понял? И не брыкайся. Мы ж с ней вроде как поспорили по пьяни. На тебя. Когда от Кошмара ехали.

— Это по поводу нее ты распинаялся в баре?

— Нет. Там речь шла о другой бабе. По-твоему, на Шизе свет клином сошелся?

— Что за спор был? — голос Ильи звучит почти равнодушно.

— Ну, типа, что она с тобой замутит.

— Мак, она девственница была! Катись ты в задницу.

Мак усмехается. Вытаскивает из куртки сигареты. Закуривает.

Его рука чуть подрагивает.

— Уверен? А, ты кровь видел! Так может она вообще под месячные подгадала. Ты ее раздевал, или она сама под одеялом? Тупо тыкался, не изучив предмет?!

— Я... — начал было Епифанов и осекся.

Потом он встает и начинает наматывать круги вокруг Мака.

— Ты знаешь, почему ее Шизой прозвали? Потому что она психопатка, — продолжает свои разоблачения Мак, следя глазами за окровавленным Епифановым. — Она врет постоянно. Завралась вконец. Это у нее вроде как болезнь — разводить всех. А ты повелся.

— Она мне не врала, — Епифанов качает головой, подходит к бэгу. — Не врала. Она не могла врать. Она мне про школу, про брата своего рассказывала...

— Про кого?! У нее нет никакого брата. Она с бабушкой своей живет. Ее родители бросили. Поэтому она никого в гости сама не приглашает и не любит, чтоб ее провожали.

Илья вытирает тыльной стороной ладони вспотевший лоб.

— Кстати, Ромео, как там твой теракт?

32

Если как следует постараться, то в любой школе можно отыскать уголок, куда никто никогда не заглядывает. Пыль и грязь там копится миллион лет, потому что уборщицы делают вид, что не замечают этого объекта на своей уборщицкой карте. Там воняет бомжатником, стены пропитались табаком, уголок не проветривается в принципе. Нет дымоуловителей и окон. Вероятно, там находят приют чрезвычайно опасные разновидности бактерий. Туда не заходит начальство и даже инспекции. Потеряй-комната.

В школе, где учится Елифанов, — это каморка над лестницей запасного выхода. Есть еще каморка под лестницей, где хранятся ведра, лопаты и куда складывают большие черные полиэтиленовые мешки, непонятно каким мусором наполненные. Может быть, в этих черных мешках — головы провинившихся первоклассников, жертв системы. Под лестницей ныкаться нельзя — запалят. А верхняя кладовка обнаружилась случайно, когда искали место, где бухнуть на школьной дискотеке, потому что перед главным входом и толчками терлись охранники и завуч, осматривая подозрительных учеников.

Хлипкий навесной замок на двери, выкрашенной темно-зеленой, как и стены, краской, открывается ногтем. Ну, либо шпилькой и ножом. Зауток слабо освещен — с нижнего этажа дверь трудно заметить. Короче, архитектор школы, видимо, тоже был любителем запретных развлечений, затем эту тайную комнату и придумал.

Илья сковыривает замок и входит. Несмазанные петли отвратительно скрипят.

Свет не работает, пустой патрон. Илья достает фонарик. Прикрывает дверь.

В ноздри шибает круче, чем в морге. На стене у самого входа живет плесень. Приходится еще нагибать голову, чтобы не задеть потолок. Каморка от силы метра три в длину, начинается с узкого коридора, который после расширяется. Валяются разбитые стулья, обломки парты и куски оторванных обоев. Подложив старое сиденье от стула с торчащими пружинами под задницу, поставив рядом рюкзак, Епифанов устраивается на полу.

В школу он пришел уже во второй половине дня. В коридоре было тихо и пусто.

Вахтерша потихоньку собиралась домой. Не окликнула. Епифанов прошел сначала в туалет на первом этаже, где хоть мало-мальски умылся и привел в относительный порядок одежду. Дальше, стараясь не маячить на этажах, сразу поднялся наверх.

Сидеть в таком положении очень неудобно — шея затекает. Илья вертится так и эдак, в конце кон-

цов пристраивает голову на рюкзаке, из которого предварительно вынимает тщательно упакованную в газету и перевязанную бечевой самодельную взрывчатку.

Из брикетов выстраивается маленькая пирамидка.

Надо дожидаться ночи — другого выхода нет. Попасть в школу уже ночью вряд ли получилось бы, на главной двери — сигнализация. Попытка влезть через окно закончилась бы большим шумом. И с крыши, если подняться по пожарной лестнице, не попасть: люки плотно задраены изнутри.

Мак спросил у него:

— Какой план, старик?

— Днем я проберусь в школу, спрячусь и буду ждать темноты, под покровом которой и отправлюсь совершать злодеяние. Вечером приходит сторож. Это либо глухой дедушка, отставной военный, который начинает потихоньку кидать часов с восьми вечера и после полуночи с него брать нечего, либо парень-студент, который, как только все свалят, уходит спать в спортзал. Большой свет вырубается, остается дежурное освещение. Мне надо пробраться в кабинет директора...

— Лихо. А ключ?

— На первом этаже на стенде.

— Дальше что? — спросил Мак.

— Не догадываешься? Кладу под директорский стол взрывчатку. Выбираю бикфордов шнур минуты на три. Пока газетный жгут горит, добираюсь до за-

пасного выхода. Снаружи дверь не открыть, а изнутри она запирается просто на поперечный стальной засов.

— А сигналка не срабатывает?

— Плевать. Когда бабахнет — сторож все равно перестремается, начнет кому-нибудь звонить. Я успею выйти.

— Во сколько хочешь это сделать?

— Лучше часов после двух ночи. Когда любая бдительность упадет.

— Тогда лучше часа в четыре, — проговорил Мак. — Мертвое время.

— До четырех я сам не выдержу. Я три дня нормально не ел и спал как попало.

— Моя помощь нужна?

Илья улыбнулся.

— Я думал, что ты и не спросишь. Не нужно, бро. Это мое дело. Сам справлюсь. Тем более, если ты попадешься... у тебя ведь уже были приводы?

— Я на учете состою, — ответил Мак и почему-то пожал плечами.

— Поэтому я сам.

— Слушай! — помотал головой Мак. — Ладно. Предположим, ты взорвешь этот стол. Но что это изменит? Поорут немного, и этот мудень-директор купит себе новый... Все!

— Ты меня отговариваешь?

— Типа того.

— Не трать время. И дело не в самом столе. Это символ. Это все равно как выкрасть из Мавзолея мумию Ильича. Я хочу уничтожить символ.

— Удачи, — сказал Мак.

Епифанов дергается. Сначала кажется, что скрипнули петли двери в кладовку, потом, что кто-то протопал рядом и коснулся его ноги. Он судорожным движением нащупывает фонарик, давит на кнопку. Яркий луч света ударяет в противоположную стену, начинает сканировать помещение. Стены, пол, потолок. Вроде никого.

Илья шумно выдыхает. На лбу выступают крупные капли пота. Опять кружится голова. Наверное, от голода. Черт, он ведет себя как законченный псих.

Надо постараться заснуть. Надо заснуть. Надо...

33

— Тебе слабо, Епифанов!

— На слабо дураки клюют, — ответил рассудительный, начитанный Илья.

Дело было летом, года четыре назад, в лагере «Парус».

Сосны, озеро, песчаные дорожки петляют между корпусами с названиями ветров: «Бриз», «Тайфун», «Шторм»... На центральной площади — кораблик.

— Сыкун! — припечатал Нефедов и, сплюнув ему на сандалию, зашагал прочь.

Пацаны разочарованно загудели и потянулись в столовую. Высокий Агапов, проходя, нарочно задел Илью плечом. На обед нынче давали солянку, пюре с кусочком минтая. Епифанову всегда очень нравилось снимать рыбную плоть с хрустящей корочкой, обнажая ровный белый хребет, он представлял себя маститым археологом, который откопал останки некоего водного ящера. На запивку был компот из сухофруктов.

Хлеба можно было брать сколько хочешь. Им набивали карманы, чтобы после, на пруду, покормить уток. Обнаглевшие птицы воротили клювы. Нефедов попытался изловить селезня. Птица клюнула его в задницу.

Илья, стоявший около качелей, пнул сосновую шишку и двинул следом за пацанами. Опавшая хвоя набивалась в сандалии. Чуть-чуть колола голые ступни. Носки в лагере носили лишь девчонки, они любили стирать.

Епифанов брел по тропинке мимо корпуса и действительно ощущал себя сыкуном. А вот Нефедов был кремень. Ум его был изворотлив, как рыба выюн, которая даже из пирога умудряется выползти! Вожак от природы. И еще Илья понимал, что дружит с Агаповым, потому что тот очень сильный: плавает быстрее всех, ловко лазает по деревьям, занимается вольной борьбой. У Агапа не хватает на левой руке двух пальцев, пилой срезало. За все это — уважают! И Нефедов может говорить что захочет, без оглядки. Кто с этой парочкой рискнет связаться?хлопот не оберешься...

Илью, наоборот, теперь не уважали. За то, что отказался в подвал соваться.

Подвал был темный, пах сыростью.

Нефедов раздобыл фонарик и сказал, что нужно обследовать подсобное помещение пустующего кирпичного двухэтажного здания на краю лагеря. Здание утвердили на ремонт, но пока не ремонтировали.

— Зачем? — спросили его.

Шел дождь, сидели в комнате отдыха.

— Значит, вы не шарите! Не помните, что прошлым летом тут парень пропал? Тела так и не нашли. А знаете почему?

— Почему?

— Потому что в реке искали. Думали, что утонул. А он не утонул, его в подвал утащили! — прогундосил Агапов.

— Кто?

— Морж в драповом пальто! — сказал Нефедов. — Крысы-мутанты. Мне сторож по секрету рассказал. Я предлагаю собрать команду, спуститься в подвал и застать их врасплох. Перебить, чтобы новых жертв не было! Сделаем колья! Назовем операцию: «Крысоловка». План такой...

Илья, читавший «Таинственный остров» Жюль Верна, отложил книгу.

— Чушь это полная! — встрял он. — Никаких крыс-мутантов там нет. А сторож — алкаш, он вам и про чертей зеленых расскажет!

— Не вам, а мне, — поправил Нефедов, усмехнувшись. — Ты, ботаник, типа самый смелый? Раз ты такой смелый и умный, может, рискнешь слазить в подвал один, а? Чего побледнел? Там же никого нет! Мужчина должен отвечать за свои слова. Или ты не мужчина? Ну, ответь! Что, в конец приссал?

Тут Илья вник, что угодил в ловушку. Повелся на приманку. Что весь этот разговор был затеян с единственной целью — добиться его реакции. Именно той реакции начитанного дурачка, которая и последовала. Нефедов отлично знал о его страхах. Он, подобно зверю, чуял чужой страх.

— Отстань ты...

— Ты кому указываешь? Агап! — скомандовал вожак.

Сева поднял Епифанова за шкурку и выписал поджопник.

Илью жестоко дразнили в течение трех последующих дней, не брали играть в футбол, девчонки хихикали над «сыкуном».

Он не мог больше этого выносить. Чертил вилкой бороздки на пюре — аппетит пропал. Рыбу не тронул. Компот вообще вонял чем-то.

После обеда пришел на спортивную площадку. Нефедов раскачивался на турнике, тренировался правильно делать подъем переворотом. Сева Агапов боролся с другими ребятами на руках. Выигрывал.

— Хули тебе? — спросил Сева.

— Я согласен.

— На что?

— На подвал.

— Один, согласен? Точно? В тихий час? — спросил Нефедов, висевший вниз головой, держась ногами за перекладину. — Да?!

Епифанов кивнул.

— Ну-ну, — широко улыбнулся вожак. — Попробуй... если справишься, можешь потребовать, чтобы Агап мне десять щелбанов пробил. За то, что я тебя дразнил.

— Справедливо, — поддержали пацаны. — Рискуй, все по чесноку! От одного агаповского фофана башка полдня звенит!

Сева хмыкнул, сложил руки на груди.

— А ты, — продолжал Нефедов, — пробьешь чирик самому Агапу. Если справишься...

От подобной перспективы у Епифанова дух захватило. Разом бы репутацию поправил.

— Согласен я, согласен!

Подвал раззявился, словно чудовище Левиафан.

— Фонарик возьми! — Нефедов протянул ему фонарик.

Илья с сомнением вдавил кнопку: работает ли? Слабый рассеянный луч ударил в стену подвала. Работает.

Вздохнул, полез. Сделал два шага и замер. Куда идти-то?

И тут хлопнула дверь. Заскрежетало. И был хохот. Илья вскрикнул, задрожал, кинулся к выходу. Но Агапа не пересилишь: припер крепко.

— Откройте! Вы что?

— Любишь книжки читать, ботаник? — поинтересовался Нефедов. — Будешь теперь что твой граф Монте-Кристо! Прощай, несчастный узник!

Илью знобило. Он слышал скрежет вдеваемого замка и удаляющиеся шаги ребят.

Подергал ручку двери изнутри: заперто!

Наступила тишина. Епифанов стал судорожно давить кнопку фонарика. Луч исчез через минуту. Эта сволочь вставила почти севшую батарейку.

Раздался писк, и что-то прыгнуло, провело голым хвостом по коже, царапнуло когтем. Хотелось вопить, плакать и ломиться в дверь. Но тут Епифанов понял, что тогда совсем потеряет уважение ребят, его будут травить до конца смены.

Он отпихнул ногой то, что казалось крысой, и принялся ждать...

...Дверь открыли спустя двадцать минут. Пацаны навалились друг на друга, стараясь ничего не упустить.

— Ну, как ты, сыкун?! — спросил Агап. — Скажешь кому — убью!

— Я не скажу, — ответил Епифанов, выбираясь на свет и шурясь. — Макс?

— Чего тебе? — ухмыльнулся Нефедов. — Штаны поменять?

— Лови, — сказал Илья, выбрасывая вперед кулак. Через два дня Мак предложил ему быть друзьями.

34

Епифанов просыпается резко, будто за плечо трянули.

Открыв глаза, несколько секунд соображает: кто он, где он и зачем? Темнота вокруг густая и осязаемая. Дышать тяжело — в камерке страшная духота. Он разлепляет губы, во рту кисло, втягивает затхлый воздух. В голове — вата. Руки затекли, отяжелели, совсем не слушаются, как две деревянные колоды. Илья машинально трет их друг о друга, пока не побегут мурашки. До того он словно марионетка, у которой оборвалась нить. Немного корежит, но вскоре к пальцам возвращается чувствительность. Илья сжимает и разжимает кулак. Снова и снова. Зевает. Потягивается, прогоняя остатки сна.

Наконец появляются первые мысли. Очень хочется курить. Но нет сигарет, и рядом — взрывчатка. Придется потерпеть.

Илья вытаскивает из бэга маленькую бутылочку с выдохшейся минералкой. Делает глоток. Вода на вкус мерзкая. Включает подсветку на наручных часах: 1:45.

Он проснулся сам за пять минут до сигнала. Хороший знак. Отключить пищалку.

Из бокового кармана рюкзака Илья вытряхивает пару хозяйственных перчаток. Натягивает: все-таки надо быть осторожным, когда ты — террорист. Все на ощупь.

Фонарик пока лучше не врубать. Глаза постепенно привыкают к темноте.

Сложив свой пластит обратно, он встает, задевает головой потолок, на волосы сыплется штукатурка. Медленно приоткрыв скрипучую дверь, Епифанов выглядывает на лестницу. Никого. Непривычная для школы тишина. Слабый запах хлорки щекочет ноздри.

Илья повторяет про себя план действий: добыть ключ, пробраться в кабинет директора, заложить взрывчатку, подпалить шнур, и — у тебя, сука, есть всего три минуты, чтобы свалить через запаску. Волна адреналина проходит по телу, желудок сжимается, чуть-чуть тошнит, пальцы предательски подрагивают. Он аккуратно прилаживает замочек на дверь каморки и спускается по лестнице. Щекочет в носу. Епифанову кажется, будто эхо от его шагов разносится по всей школе. Да что там шаги! Ему кажется, что он и дышит громче, чем Кинконг.

Но в ботинках сложно идти на цыпочках. Надо было позаботиться о другой обуви. Раньше надо было думать!

Постепенно щекотка в носу становится нестерпимой, и он вздрагивает от собственного оглушительного чиха. Илья не успевает даже прикрыть рот. Он замирает, втягивает голову в плечи, шепчет:

— Пиздец коту Ваське...

Сейчас включится большой свет, выйдут накачанные дядьки, нацепят наручники и конвоируют на рудники!

Проходит минута. Вторая. Третья.

Свет не включается, дядьки где-то смотрят порнуху, или чистят автоматы, или играют в домино, и в ушах Епифанова почему-то звучит довольное: «Рыба!»

— Да всем на тебя насрать, — удовлетворенно говорит Илья. — Это нормально.

Сердце заныло с новой силой. Илья думает о Нике. Черт, да кто же из них больше врет: Шиза или Мак? Если то, что Мак рассказал, — правда, то что творится в мире?

Нет, Мак не может так. Он ему жизнь спас.

Илья спускается уже смелее. Плевать. Разве это жизнь? Если бы можно было все переиграть. Должна ведь в этом мире существовать какая-то точка восстановления?

— А вот возьму и умру. Красиво. Как герой.

Тут же зачем-то вспоминается Кузнечик. Неа. Красиво умереть нельзя.

Потому что смерти все равно, говорит внезапный внутренний голос.

Оправдания рождаются в нашем мозгу. Нам ведь обязательно требуются оправдания. Рай, ад, воздаяние! Мы играем в героев. А смерть всегда банальнее, чем ее представляют. Именно в этой банальности

кроется истинная причина страха перед ней. Если бы действительно умирали романтично: за великую любовь, за высокие идеи — было бы проще. Но все объяснения подобного рода — ложь. Животные и здесь оказываются честнее.

Врач, неудачно испытывавший на себе вакцину, погибает вовсе не за развитие науки, а от болезни. Человек, всходящий на костер революции, всего лишь задыхается от дыма и кричит от невыносимой ожоговой боли.

Потому что смерти все равно.

— Заткнись, — говорит Епифанов разбушевавшемуся внутреннему голосу.

Вот и долбаный вестибюль.

Он осторожно выглядывает из-за угла. Лямки рюкзака оттягивают плечи. Коридор пуст и мрачен. Епифанов проходит дальше и вздрагивает: сбоку почудилось движение.

Поворачивает голову, но это всего лишь зеркало. Секунду-другую Илья рассматривает себя в отражении. Какая-то неестественная бледность, лицо осунулось, под глазами — черные круги, губы искусаны в кровь. А это что: седина? Ох, нет, не седина, а штукатурная пыль, которую он не удосужился стряхнуть.

— Хватит уже, — говорит он. — Нытик.

Быстрым шагом Илья приближается к посту охранника. Ключи висят на доске за стеклянной дверцей. Она не заперта. Епифанов снимает ключ, над которым слово «ДИРЕКТОР», выведенное зеленой ручкой.

Прислушивается. Со стороны спортзала доносится слабый смех и непонятный стук. Зажав в кулаке ключ, он идет к спортзалу. Смех и стук становятся громче. Остановившись в предбаннике, Илья заглядывает внутрь через дверную щель.

Сторож-студент развлекается с баскетбольным мячом. Мяч отскакивает от щита и попадает в кольцо, чуть задержавшись в сетке корзины, чтобы зритель успел оценить красоту момента. Зритель — миниатюрная девушка, сидит на гимнастическом козле, смеется и хлопает в ладоши. Около ножки козла — бутылка из-под вина. Студент, отбросив мяч, идет к ней, обнимает за талию, целует в губы.

Илья отворачивается. Старается не поддаваться эмоциям. Голова и без того кругом. Можно не волноваться. Эти двое сейчас ничего не слышат и не видят. По пути в кабинет директора он даже пытается что-то насвистывать.

Войдя в директорский кабинет, Илья запирается изнутри. Ключ оставляет в замке. В кабинете витает запах хорошего дорогого одеколona. Тикают настенные часы. Он включает фонарик, луч ползет по ковру с узором, похожим на индейскую татуировку, прыгает на стену, блики играют на дипломах в рамках.

Жалюзи задвинуты не полностью. Можно разглядеть круглую светящуюся голову фонаря, школьный двор, огороженный провололочной сеткой, серую шкуру асфальта.

В центре кабинета укрепился стол. Луч фонарика пробегает по столешнице, взбивая пылинки. Они закручиваются в спираль, будто души в фантастических фильмах, угодившие в столб божественного света. Илья усмехается этому идиотскому сравнению.

Положив фонарик на стол, Епифанов распускает темемки рюкзака и неторопливо выкладывает небольшие брикеты взрывчатки. Как он ни старался, расчет взрыва все равно получился довольно приблизительным. Взрывчатка не слишком сильная. То есть что антикварный стол разнесет в щепки, это как пить дать, вопрос в другом: что еще уничтожит взрывная волна? Немного подумав, Илья снимает со стены дипломы и раскладывает их под столом. Затем выбирает самый крупный из газетных жгутов, пропитанных селитрой. Запал сделан при помощи ампулы из-под витамина. Сам витамин был вылит, а горлышко ампулы замазано эпоксидной смолой. Спички не нужны. Теперь ее нужно только раздавить, и пойдет реакция. Время горения жгута — приблизительно 3–3,5 минуты. Он получился такой длинный, что Илья протягивает его до порога. Прилагивает его к взрывчатке.

Проверяет запал и все остальное. Вроде готово.

Необходима минута на моральную подготовку.

В голове проносится рой мыслей. Но ухватиться конкретно хотя бы за одну не выходит. Накатывает резкая слабость, схватывает живот, Илья едва ли не сгибается пополам, перед глазами скачут черные точки. Все происходящее словно смазывается, на мгнове-

ние кажется, что все это лишь продолжение какого-то глупого сна, который вроде бы длится долгое-долгое время, очень много лет, но в реальности, когда он наконец проснется по-настоящему, все эти проклятые годы компактно уложатся в десяток секунд. И срывают часы-трещотка на кухне, и будет пора вынимать вкусный пирог из печи. Радио не будет раздражать, а там, за окном, по-прежнему стоит облитый солнечным светом тополь...

Пальцы нервно крутят ампулу. Ну же, дави! Поворачивай ключ и беги отсюда!

Уши закладывает. Тишина абсолютная. Сердце тайфуна.

Внезапно тишину разрывает дикая трель звонка. Это надрывается директорский телефон на тумбочке. Почему. Он. Звонит. Посреди. Ночи.

Это все сон, убеждается Илья, снимая трубку. Он опускает голову: вместе со звонком пальцы давят ампулу, он порезался даже через перчатку, капли крови летят на ковер.

Реакция началась.

— Епифанов! — в трубке срывающийся голос Льва Юрьевича, директора школы. — Немедленно открой дверь! Ты меня слышишь! Сейчас же!

Пахнет дымом. Огонь пожирает газетный жгут. Идет обратный отсчет. Время разжимается, словно тугая пружина. Мир наваливается, прижимает тебя своей огромной вонючей тушей. А потом в дверь кабинета стучат. Она сотрясается от ударов.

— ОТКРОЙ ДВЕРЬ! ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ? ОТВЕЧАЙ!

И Епифанов отвечает. Медленно, отчетливо:

— Пошел ты.

Он бросает трубку. Сползает по стене. В трубке — короткие гудки.

Откуда он узнал? Откуда он узнал? Откуда он узнал?!

Почти половина взрывного шнура сгорела. Илья неотрывно смотрит на огонь.

Да пошли вы все.

Дверь слетает с петель, и в кабинет врываются какие-то люди. Кто-то отшвыривает его, тушит газету, выносит взрывчатку. Кто-то орет, брызгая слюной ему на лицо.

Илья сидит на полу. Ему теперь на все плевать.

Он реагирует лишь на прикосновение прохладной ладони к его лбу. Отпихивает ее.

— Да он серьезно болен! У него температура, наверное, под сорок. Он горит весь...

— Надо вызвать врача.

Епифанов осознает удивительно простую вещь. Она настолько проста, что ему, наивному идиоту, не удавалось ее понять очень долго. Он его кругом подставил.

«Чур, ты первый! — кричит Мак, стоя внизу, под деревом. — А я после тебя».

Трос на тарзанке не мог без причины взять и лопнуть. Он был совершенно новый.

Мак подпилит его накануне.

Следующие три дня выпадают из памяти.

Мозг фиксирует какие-то отрывки, но их не удается сложить в единое целое. Он будто раз за разом собирает диковинный пазл, торопясь перенести его из бреда в реальность, но картинка ломается в руках, рассыпается на тысячу частей, и приходится все начинать заново. Голова раскалывается, в нее будто вкручивают десяток штопоров сразу, руки-ноги выламывает, и тогда он стонет, кричит, мечется, пытаясь принять такую позу, боль при которой хоть немного утихнет. Он подтягивает колени к животу, обхватывает голову ладонями, и ему кажется, что вот сейчас станет легче. А боль просто играет с ним, оставляя ненадолго лишь затем, чтобы вернуться и мучить еще сильнее. Ему видится, что толкает какой-то огромный каменный шар в гору, как Сизиф, а шар тот вновь и вновь скатывается к подножию. Он понимает всю бессмысленность этого занятия, но прекратить не может. Слышит, что с ним говорят, но не улавливает смысла фраз.

Время от времени он чувствует что-то еще, кроме боли. Ему приподнимают голову, вливают что-то, кладут на лоб холодную тряпку. И тут же с потолка начинает капать кровь. Крыша течет. Капли срываются, с ужасным грохотом разбиваясь о подставленный тазик. Он отодвигается, вжимается в стену, чтобы, не дай бог, не попало на него. Все тело страшно чешется.

Он расцарапывает кожу, а из-под нее выбираются разноцветные гусеницы; выбравшись на воздух, гусеницы превращаются в бабочек, которые кружат у люстры и улетают, минуя вентиляционное отверстие.

Приходят люди, садятся на кровать. Среди прочих приходит и Мак.

— Как ты мог?! — хрипит Илья, силясь встать с кровати. — Как. Ты. Мог.

Мак не отвечает. Он перетягивает ему руку выше локтя резиновым жгутом, сбивает щелчком указательного пальца пену в шприце, вкалывает в вену; Епифанов видит завиток танцующей крови...

— Литическая смесь, — говорит некто за спиной.

Отрава, понимает Илья, проваливаясь куда-то, распадаясь на атомы.

Ника не появляется ни разу.

К исходу третьего дня Епифанов видит, как над ним склонилась Смерть. Это точно она. От Смерти пахнет барбарисками и елью.

— Нет, — говорит Смерть. — Нет, определенно не тот. Но похож.

А потом он очнулся.

Весь мокрый от пота. Простыни — хоть выжимай. Слабость дикая, но при этом хочется есть. Илья поворачивает голову очень медленно, чтоб не отвалилась. Мать уснула в кресле, рука ее безвольно свисает с подлокотника. На ней обтрепанный синий халат, поверх которого старая вязаная кофта, тапочки с собачками. Трюмо усыпано белыми лепестками. Роза,

подаренная на Восьмое марта, так долго простояла. Хотя какое сегодня число?

Занавеска отодвинута. За окном привычный, сизый, как сигаретный дым, пейзаж.

Вечер. Дождь косо штрихует стекло. Комната пропахла лекарствами.

— Мам, — зовет Илья. — Мам, ты совсем спишь?

Она вздрагивает, поднимает голову и трет пальцами веки.

— Илюш? — говорит она. — Слава богу...

Епифанов разглядывает мать. Она сильно постарела за последнее время и как будто стала меньше ростом. А седины в волосах прибавилось.

— Мам, у нас покушать есть чего-нибудь?

Она всплескивает руками, хочет подняться, но вдруг падает обратно в кресло.

— Бульон куриный приготовила...

— Ты сама-то когда в последний раз ела?

— Нет аппетита.

Илья замечает под стулом пустую клетку.

Клетка обычно стояла в его комнате, и в ней обычно была Джи.

— А крыса где? — спрашивает Илья.

— Сбежала, — отведя глаза отвечает мать.

— Как это?

— Сама в толк взять не могу. Она, видимо, ночью задвижку отодвинула и выбралась. Я каждый уголок в квартире обыскала. Кровати отодвинула. Не нашла.

Разве что она как-то сумела выпрыгнуть, когда я дверь открывала. Все в клетке перевернула: колесо, поилку... Или в форточку сиганула. Не знаю...

Она вздыхает.

Илья смотрит в потолок.

— Илюш, ты чего натворил-то, а?! — всхлипывает мать. — Чего наделал? Я тут чуть с ума не сошла. А потом тебя такого приносят и всякое рассказывают. Ты зачем это? Директор звонил, меня в школу вызывают, из милиции приходили, говорят, что ты там что-то в школе взорвать хотел... Ведь все вранье, да, Илюш? Ты ничего не делал. За что тебя отчислять? Это кто-то другой, а не ты. Вранье, да? Что за рана у тебя на руке?..

— Ерунда, — говорит Илья, смотря на свою ладонь. — Нет, мам. Это правда.

— Ты зачем? Ну, зачем...

Мать ссутуливается, плечи ее начинают дрожать. Она плачет.

— Мам...

— Молчи!

— Послушай меня...

— Не хочу тебя слушать.

— Мама!

— Не говори ничего.

— Прости меня.

— Чувак, я до сих пор в шоке! — говорит Кошмар. Возможно, это и к лучшему, думает Илья.

Пока Епифанов метался в бреду, Мак вызвонил Се-регу, и они вместе отправились отжигать в ночной клуб. Кошмар вначале отнекивался, мол, его в подобных местах не прет, но в итоге согласился. Пробило на одноклеточную музыку, стробоскопы и размалеванных малолеток, танцующих в паре со своим отражением. Перед этим они вмазали водки с апельсиновым соком, коктейль, именующийся в народе «отверткой», закурились в хлам, и уже по заходу в клуб Мак предложил Кошмару добавить организму бодрости.

— Я отказался, — говорит Кошмар. — И он записал двойную, а может, и тройную дозу.

Речь шла об амфетаминах. Эта штука стала пользоваться всеобщей популярностью после испытаний на солдатах, универсальных морских свинках, в период Второй Мировой как превосходное средство для борьбы с усталостью и сном. Также оно здорово помогает бороться с лишними мозгами и молодостью. Хотя зачем на войне мозги?

— Я говорю: зачем столько? А он говорит, чтоб я его не учил, он, типа, не первый раз.

Не исключено, сказал Кошмар, что он еще догонялся в течение вечера. Мак часто принимал то, чем торговал. Он говорил, что полностью контролирует ситуацию и знает дозы. Есть такой довольно распро-

страненный миф, будто дилеры не торчат. Торчат, и еще как! Но они привыкают к хорошему продукту, на который, опять же, нужны деньги.

Едва вышли на танцпол, Мака не на шутку расколбасило. Со слов Сереги, Мак выкидывал знатные коленца: другие люди в зале катались со смеху, держась за животы.

А Маку будто в кайф: чем громче смеются, тем больше старается. Кошмара накрыло, он отошел в сторонку. Надоело. А Мак продолжал. Люди даже расступились, чтоб не мешать, наблюдали смешное представление, хлопая в ладоши. Когда он упал, раздались бурные овации. Финал номера вышел впечатляющий. Мак рухнул, стал выгибаться мостиком, руки его затряслись, на губах выступила пена. Крутой приход.

Показалась охрана.

Малолетки еще хлопали в ладоши и недоумевали: чего этот парень затих и не встает? Но вот хлопки сделались реже. Затем наступила абсолютная тишина.

Знакомо это: когда наступает тишина в самый разгар веселья?

А после раздался дикий вопль.

Кошмар сначала услышал его и только потом понял, что кричит он сам.

А тебе, думает Епифанов, бежать больше некуда. Ты будешь отвечать. За все.

Приговор решают вынести на публику. В целях формирования правового сознания в обществе. Двадцать второго марта. В день перед весенними каникулами.

— Так сказать, наглядный пример, — высказывается психолог.

Собираются, разумеется, в кабинете химии. Парты там удобные: на каждой фиксированные ящички с реактивами, за которыми можно прятаться, когда спишь.

Менделеев с таблицы внимательно следит за происходящим.

Под Менделеевым, сбоку на стуле, притулился Атомный Эл. Лицо у классного руководителя растерянное. Галстук повязан криво, и он вообще не в тон. На лацкане пиджака жирное пятно. Пальцы крутят какой-то прозрачный кристалл.

Наверное, магический, думает Епифанов. Ворожит АЭС.

Только где ему справиться с такой порчей?

За партами сидят несчастные одноклассники и несколько бдительных родителей, учителя выстроились позади, вдоль стены. Атмосфера гнетущая. В воздухе проскакивают искры. Есть даже дядя в милицейской форме. Все ждут проповеди.

Корнеплод возвышается на кафедре, будто святой инквизитор, корчит из себя этакого Торквемаду, боро-

денка угрожающе топорщится. По бокам от главного борца с ересью — его верные прихвостни. Все должно быть по порядку: сначала допросы, потом пытки. Аутодафе как торжество справедливости. Нет, сами инквизиторы никого не приговаривали к сожжению на костре, этим занимались светские власти. Наместники Бога на земле, эти святые парни, всего лишь тыкали пальцем: еретик! После чего дружно отлучали от церкви. Отречение от официальной веры приравнивалось к государственной измене. Самый тяжкий грех. И пошел ты на костер. Очень ловко.

Круг замыкается, смерть пирует, а святые умывают руки.

Илья усмехается. Смотрит на мать. Та сидит бледная, но с прямой спиной. Епифанова слегка мутит после болезни. Он чувствует, что попал в террариум.

Его и мать выпихнули на первую парту.

— Здравствуйте, — говорит Корнеплод.

И затевает прелюдию.

Наша школа отличается высоким уровнем образования и нравственности, да-да-да, за годы ее существования выпущено столько-то золотых и серебряных медалистов, учителя — специалисты первой категории и не курят, мы всегда идем навстречу ученикам, мы всегда стремимся поддерживать благие начинания, в нашей школе имеют место несколько кружков, в том числе и драматический, мы бла-бла-бла...

Завершается пространная сентенция горькой фразой о все-таки неизбежно возникающих ошибках.

Пригрели на широкой школьной груди господина Епифанова. Бдительные родители одноклассников поддерживают Корнеплода птичьими возгласами.

Епифанов снова смотрит на маму. Надежда Васильевна под напором слов сгибается, горбится, втягивает голову в плечи.

Илья украдкой поворачивает голову. Одноклассники избегают встречаться с ним взглядами. Пудрик сосредоточенно грызет ногти, Хиро и Никандров кривляются, делают вид, что тырят из ящичков реактивы. Одна Лиза Гречина смотрит сочувственно, слабо кивает в знак приветствия. Епифанов кивает в ответ и изображает некое подобие улыбки.

Тем временем цирк продолжается.

После речь держат учителя. Пересказывают, что происходило у них на уроках.

— Он пытается издеваться не только надо мной, но и над классиками нашей и зарубежной литературы, — говорит Евгения Семеновна Липич. — Справедливости ради, конечно, стоит признать, что мальчик способный, начитанный, но знания его носят откровенно поверхностный характер. Так вышло, что я работаю с ним не первый год, и, на мой взгляд, происходит постепенная деградация ребенка. Я, извините, не знаю, куда смотрят родители! — Она выдерживает паузу. — И опять, Илья, — она смотрит прямо на Епифанова, — твои способности ни в коем случае не оправдывают вины, но усугубляют ее.

Липич говорит гладко и уверенно.

— Весь вечер, наверное, репетировала, — бормочет Илья.

Надежда Васильевна не поднимает головы.

Вслед за Евгенией Семеновной на кафедру взбирается Герман Германович Пустовойтов. Зачес на лысине у него в этот знаменательный день совершенен.

— Нами было замечено... — начинает говорить Пустовойтов и лезет в карман пиджака, чтобы достать платок и промокнуть вспотевший лоб. — Жарко тут. Так вот, нами было замечено, что...

— Мам, — шепчет Илья, — почему он говорит о себе во множественном числе?

— Не знаю. — Надежда Васильевна всхлипывает. — Илюш, веди себя прилично.

— Мам, я прилично себя веду. А чего он все «мы» да «нами». Слушай, а может, у него глисты? Знаешь, такие большие, метров по пятнадцать...

— Илья!

Герман Германович сморкается в платок и продолжает:

— Мы обратили внимание, что совершенно никакой дисциплины. Были приняты какие-то меры, но успеха мы, к сожалению, не достигли. Он на контакт сопротивляется идти. Хамит, от выполнения заданий отказывается. А потом, значит, это дело со взрывчаткой. Ни в какие ворота.

Еще по два слова говорят физичка и математичка. В том же ключе.

Затем на кафедре снова Корнеплод. Он говорит:

— Мы выслушали разные мнения и доводы. Они доказывают, что Илья Епифанов не единожды нарушал порядок и дисциплину в нашей школе. Не реагировал на уговоры, отказался в грубой форме посещать занятия, совершенно бесплатные, я подчеркиваю, со школьным психологом. Он пытался совершить теракт, и если бы не своевременное предупреждение — неизвестно, чем бы все закончилось... И я думаю, что теперь настало время все-таки дать возможность высказаться классному руководителю восьмого «А», а уже после, — Корнеплод разводит руками, — будем решать проблему. Здесь речь идет о преступлении, господа! Да, именно о преступлении...

На втором упоминании слова «преступление» Надежда Васильевна закашлялась.

— Дайте воды! — скомандовал директор. — Где-то тут графин у вас был...

38

— Чувак, я в шоке! — повторяет Кошмар. — Я реально подумал, что он умер. У меня было такое ощущение, что он специально это делал, чтобы умереть.

— Это было бы слишком кстати, — отвечает Епифанов. — Обойдется.

— Но его откачали, хотя был передоз, он теперь как бы под домашним арестом, разбирательство бу-

дет! — Кошмар мотнул головой. — Что ты сказал? Ему что-то передать?

— Ничего.

— Вы поссорились, да? Он что-то такое говорил, переживал очень...

— Это между нами.

— Ты хреново выглядишь, мужик... Как у тебя с той девчонкой? С этой... как ее...

— Слушай, рыц! — взрывается Епифанов. — Когда в следующий раз будешь кончать с собой, режь не руки, а сразу шею! — Он показывает. — Вот здесь, от уха! Ясно, мудаки?!

39

— Мам, не переживай, — шепчет Епифанов, втихоря расстреливая Менделеева из игрушечного револьвера. — Я ж не взорвал ничего.

Надежда Васильевна отпивает глоток из стакана и кивает.

— Эл Степанович! — приглашает Корнеплод. — Как вы, — он особенно выделяет это «вы», — можете оправдаться? Это ваш ученик. Будьте добры, поднимитесь к нам!

Атомный долго мнется и не решается начать. Илья видит, как пальцы его сжимают кристалл, словно он хочет выжать из него верные слова. Наконец что-то происходит.

Эл Степанович кивает в никуда, будто соглашаясь с невидимым собеседником.

Его плечи расправляются, и голос не дрожит:

— Вы ждете, что сейчас я начну тут оправдываться, отрещиваться от собственного ученика, обвинять его, и только его, называть паршивой овцой в стаде и все в таком роде.

Илья удивляется. Он никогда прежде не слышал, чтобы смешной Эл говорил так.

— ...Но я о другом хочу сказать. Вот вы, Евгения Семеновна...

Липич сделала такой жест: указала ладонью на себя и пожала плечами: мол, что я?

— Говорили, что работаете с Ильей Епифановым не первый год и заметили деградацию. Закатываете глаза, мол, куда смотрят родители. А вы-то куда смотрели?

— Ну, уж извините! — вскрикивает Липич. — У меня не один класс!

— А вы, Герман Германович, — не унимается Атомный. — Вы твердите о чести и долге. О выдержке и стойкости. А чего стоят ваши слова, если вы опускаетесь до ссоры с ребенком на равных? Где ваша стойкость и здравое мышление в критической ситуации?

— А кого мы тут вообще обвиняем? — подает голос из зала чей-то бдительный отец. — Вы будете вместо этого выродка, который хотел взорвать школу и других детей, обвинять педагогов? Так, что ли?! Может, и пулемет ему в руки дадим, а?!

Надежда Васильевна вздрагивает от «выродка», вскидывает голову.

— Сами вы...

Атомный смотрит в глаза кричавшего.

— Не перебивайте. Я не закончил. Это первое. Вы, если не ошибаюсь, отец Андрея Хиро? Хотите глянуть на испорченную парту? А еще, пожалуйста, следите, чтобы ваш сын больше не появлялся на моих уроках в пьяном состоянии. Это второе. И третье: вы-то уже давно все решили, правильно? Тогда к чему этот разбор? Не это ли то самое лицемерие?

— Действительно, — вставляет завуч, благообразная женщина средних лет с короткой стрижкой и в костюме. — Эл Степанович, не разводите демагогию. У нас регламент. К чему вы ведете? Приведите конкретные факты, а не нападайте на других. Между прочим, я напому, Епифанов — ваш ученик. И он чуть не взорвал школу. Могли пострадать другие дети. Войдите в положение их родителей. И говорите, пожалуйста, по сути.

Класс загудел, поддерживая завуча.

— Ясно, — кивает Атомный Эл. — Мой гуманистический призыв не удался. Раз вы настаиваете, тогда перехожу к фактам. Я изучил образцы взрывчатки, которую приготовил Епифанов. Прикинул ее состав и количество. И я могу с уверенностью заявить, что губить школу и людей вокруг себя Илья не собирался. Да, он хотел взорвать стол в директорском кабинете, но не более того. Единственный, кому он еще мог навредить,

был бы он сам, когда заперся в кабинете Льва Юрьевича. Для ученика восьмого класса, к тому же дегенерата, по вашему утверждению, он проделал очень точную работу. Я сомневаюсь, что любой другой ученик, пусть и классом старше, смог столь же безупречно повторить его опыт.

— Не дай бог! — гоготнули в классе.

— Да что вы несете? — возмущаются прочие родители.

— Гнать таких классных руководителей надо! Неудивительно, что у такого руководителя в классе террористы! Вы в своем уме, товарищ химик? Кого защищаете?..

— Я-то в своем, не волнуйтесь, — невозмутимо говорит Атомный, спускаясь с кафедры. — А вы? Готовы искалечить жизнь ребенку. Лично я ставлю ему отлично за химический опыт и хочу спросить... — он останавливается у первой парты, где Елифанов и Надежда Васильевна. — А что, если допустить, просто допустить, что в случившемся виноват не столько Илья, или не только Илья, а еще и те, кто...

— Спасибо, Эл Степанович! — прерывает его Корнеплод с сарказмом в голосе. — Огромное вам спасибо! Вы весьма доступно изложили мысль. Вы свободны. Мы с вами после эти гипотезы обязательно обсудим!

Атомный еле заметно кивает.

— Спасибо вам, — шепотом произносит Илья.

— Сиди и молчи, идиот малолетний, — таким же шепотом отвечает Эл. — Чтобы у тебя ни спросили или ни сказали — молчи.

— Займите, пожалуйста, свое место, Атомный Эл Степанович, — говорит директор. — Я жду. Извольте подчиниться мне и окружающим. Вы кажетесь чересчур возбужденным.

— С чего бы это? — говорит Атомный.

И возвращается на стул.

— Итак, — складывает ладони вместе Лев Юрьевич. — Достаточно обсуждений. До того, как передадим информацию по этому делу в иное ведомство, осталось два момента...

— ЧТО ВЫ ДЕЛАЕТЕ?

Епифанов вздрагивает. Кричит тот человек, от которого он меньше всего ожидал.

— ВЫ ЖЕ ВСЕ ВРЕТЕ! — кричит Лиза Гречина, вскакивая со своего места. — ВЫ ЖЕ ПРОКЛЯТЫЕ ЛИЦЕМЕРЫ! ВЫ, ДА КАК ВАМ НЕ СТЫДНО, СВОЛОЧИ?! ОН НЕ ВИНОВАТ! ЭТО ВЫ ВСЕ ВИНОВАТЫ!

Эта внезапная акция заставляет раскрыть рот и директора, не говоря уж о других.

— Ну-ка сядь, — дергает Лизу за рукав ее мать. — Сядь немедленно и успокойся.

— Не сяду!

— Сядь, я сказала.

— Лиза, — спрашивает завуч. — Что-то не так? Ты заболела?

Епифанов поворачивается и смотрит на Гречину. Лиза смотрит на Епифанова.

И говорит:

— ЕБИСЬ ОНО ВСЕ КОНЕМ!

Хватает сумку и вылетает из класса, отталкивая дядю в форме. Милиционер краснеет, он не в криминальной группировке, он в школе. Как себя вести? Кого вязать?

Епифанов начинает хохотать. Он смеется до слез и медленно сползает под парту.

В классе творится черт-те что.

— Я требую тишины! — орет Корнеплод. — Я требую тишины! Надежда Васильевна, вам есть что нам сказать напоследок? Я вижу, ваш ребенок ни в чем не раскаивается!

Тишина наступает.

Она поднимается. Ее волосы совсем растрепались, она очень бледная.

— Мы вас слушаем, Надежда Васильевна! — говорят родители и учителя. — Говорите.

— Я только хотела сказать, что...

Не окончив фразы, мама Ильи падает в обморок.

40

— У нас двадцатипроцентная скидка!

На одном из перекрестков, блуждая по центру, Епифанов встречает ангела. Точнее, ангелицу. Кры-

ля у нее измочаленные, пробиваются сквозь куртку. Она протягивает ему желтый листок и звонким голосом произносит:

— Салон «Гермес». Двадцатипроцентная скидка на обувь!

— А я думал — на небо, — отвечает Илья, принимая листок.

Ангелица хихикает в спину. Проклятый город.

Илья облизывает пересохшие губы — вкус соли. Закрывает ладонями лицо, держит закрытым несколько секунд, а потом быстрым движением вытирает глаза, отнимает ладони. Яркий солнечный свет. Он улыбается ему. Скорее всего, бессмысленно.

Бывает и так. Детство не всегда проходит постепенно. Бывает, что оно заканчивается в один день, час, минуту. Сразу. Вот оно и закончилось. Только что.

Ему не будут предъявлять обвинения в терроризме, возможно, ему дадут доучиться этот год, а может — выгонят. Но какое это теперь имеет значение?

— Исключительно из уважения к твоей матери, — сказал Корнеплод. — Ей и так сейчас будет нелегко. Ты бы хоть ее пожалел...

Он еще что-то говорил. Илья молчал. Скрипел зубами и молчал. Не ради себя.

— Че? — спрашивали в классе. — Повезло тебе, Пиф?

— Ага. Я вообще по жизни везунчик.

Когда Надежда Васильевна упала в обморок, вызвали доктора. Принесли нашатыря, похлопали по

щекам и вроде бы привели в чувство. Доктор был совсем молодой, у него и борода-то толком не росла. Перестраховался, отвез в больницу, и, как выяснилось, незря. Там с ней долго беседовал седой профессор в очках, дружески клал руку на плечо. У нее взяли кровь и еще какие-то анализы. А уже на следующий день она легла в стационар на более тщательное и дорогое обследование.

— Мам, что происходит? — спрашивал Илья, сидя рядом и сжимая ее руку. — Почему все эти врачи отворачиваются, когда меня видят?

— Илюш, ты, главное, не переживай. Все наладится.

— Что наладится? Ты о чем?

— Они говорят, что у меня рак.

Дальше Илья мало что слышал. А мама говорила, утешала его.

— Ну, тут уже, конечно, не первая стадия, — чуть позже отвечал профессор, пожевывая ус. — Лимфатические узлы поражены. Но вы не отчаивайтесь!

Илья не уходил от постели матери. Она отказывалась от еды.

— Мам, что он говорит? Ты что, раньше знала об этом и ничего не делала?

— Много работы было, Илюш. Вот и подзапустила немножко... ты прости, пожалуйста. Надо было раньше. Но работы было много, очень много работы...

Потом Епифанов час сидел, спрятавшись в больничной туалетной кабинке, закрывал рот ладонями,

чтобы не кричать. К концу часа ладони были искусаны в кровь.

Через двое суток его чуть ли не силой начали вытаскивать из больницы, сказали, чтоб он шел домой и отдохнул.

— Я не хочу идти отдыхать.

— Вот почему вы, молодежь, всегда только о себе думаете? Тебе не надо, а ей — надо. Думаешь, ей легко тебя таким видеть и утешать сутками? Шагай домой.

— Не могу дома один.

— Ну, зайди к кому-нибудь. Посиди, поговори.

— К кому?

Илья находится словно бы в вакууме. Пространство сжалось до точки. Он не видит ничего вокруг, переводит мысли в однообразное механическое движение: шаг, еще шаг.

Стемнело. Он толкает дверь первого попавшегося кафе.

Епифанов на автомате заказывает чашку кофе, занимает столик в углу. Ему сообщают, что сегодня здесь проходит творческий вечер. Кафе походит на дом сумасшедшего геометра. Неоштукатуренные стены исписаны формулами и доказательствами. Есть знаменитое эйнштейновское $E = mc^2$. Столы в виде ромбов и других прямоугольников. Маленькие зарешеченные оконца под самым потолком — подвальное помещение. Барная стойка выгнута, словно анкерный ключ. За ней небольшая сцена для выступлений

неформальных лидеров. Народ ест, пьет и интеллектуально обновляется.

За соседним столиком ребятки рассказывают друг другу анекдоты:

— Короче, про писателей. К непризнанному автору пришел дьявол и говорит, что может дать тому славу, деньги, массовые тиражи, толпу обожателей, почетное место в истории мировой литературы, — но при одном условии: умрут все его родственники. Потом дьявол немного помолчал и добавил, что, мол, не хочет торопить, есть время подумать до завтрашнего утра. И скрылся. В одиночестве писатель стал думать, загибая пальцы. Значит, так, он может дать славу, деньги, массовые тиражи, толпу обожателей, почетное место в истории литературы, умрут все родственники... в чем подвох?!

Они смеются. Илью тошнит. Видимо, плохой кофе.

Следует объявление. На сцену выползает прогрессивный молодой поэт. Разговоры за столиками утихают. Внешне этот поэт — микс Буковски и Бротигана. Тот еще, видно, бухарь. Читает с надрывом.

Сплошной перфоманс.

Бельевая веревка, труба отопления, немного крови — для последнего слова. А что еще нужно, если хочешь наконец отдохнуть? И твой билет в родные края.

Амфетамины, снотворное, много красного вина — волшебный коктейль. А что еще нужно, если хочешь наконец отдохнуть? И твой билет на остров

Панго-Панго.

Дом на отшибе, заряженное ружье, пластинка REM — уходим с музыкой. А что еще нужно, если хочешь наконец отдохнуть? И твой билет в вечность.

И все кружится, кружится в механическом вальсе, пока новые Иисусы умирают в дешевых мотелях.

— И совсем-то ни капельки не пошло, — бормочет Елифанов, вставая.

Он направляется в туалет.

В коридоре накурено. Воздух синий. Вентилятор не справляется — лопасти вязнут в сигаретном дыме. Девочки придирчиво изучают себя перед зеркалами. Мальчики с черным лаком на ногтях сбивают пепел на пол, женственным движением поправляют челки. Они говорят лишь о своих переживаниях. Писклявые голоса. Девушки их не слушают. Девушки никогда не слушают мальчиков, которые жалуются.

Поэт продолжает орать:

Она совсем не читала книг,
зато кончала очередями...

Он заходит в туалет. И видит Влада из «Палаты». Залетный бармен быстро снюхивает полоску белого порошка, привычным движением вытирает нос.

— О, — говорит он. — Привет, малыш!

— Ага, — кивает Елифанов, думая, что надо убираться отсюда, пока не поздно.

Лучше быть одному, чем с ними.

Во дворе собственного дома он натывается на бодолагу Флинта. Слабоумный капитан расположился

на скамейке и глядит в небо. Под глазом у него нехилый фонарь, губа разбита. Добегался, наверное, за шлюховатой Аней. Епифанов устраивается рядом с ним.

— Откуда синяки? — спрашивает он.

— Витя — плохой, — говорит Флинт. — Аня — хорошая. У тебя тоже синяки.

— Так весна...

— Весна, — подтверждает дурачок, глубоко вздыхая.

— Куда катер утащил?

— Корабель?

— Ага. Корабель.

Флинт поворачивается к нему.

— Пошли!

И приводит Епифанова в гараж, где ковыряется Флинтов отец, толстый мужчина лет пятидесяти с венчиком рыжих волос вокруг лысины.

— Вот, — гордо произносит капитан, поправляя фуражку. — Мой корабель!

Раздолбанный катер покрашен заново. Днище залатано. Даже раздавленное стекло поменяли на новое. Флинтов отец ругается, говорит, что он достал с этой посудиною. Никогда она больше на воде не будет. А сам возится с двигателем.

Они выходят из гаража. Флинт сдергивает фуражку и опять глядит в небо.

Он говорит:

— День ворон.

Весь вечер Илья роется в сети, выискивая любую информацию о раке. Разбирает причины, стадии болезни, диагностику и лечение. И самое главное: сколько его мать может протянуть? Прогнозы неоднозначные: иногда, утверждают авторитетные источники, люди живут по десять—пятнадцать лет после операции, а некоторые сторают за два месяца. Надо уточнить, думает он, какой именно вид рака у мамы и сколько именно лимфатических узлов поражено. Весь вечер Епифанов не ест, а только пьет купленный по пути домой апельсиновый сок. Ему кажется, что это он, и только он, во всем виноват.

В одиннадцать вечера звонит телефон. Илья смотрит на экран мобильного: неизвестный номер. А если это из клиники? Что-то с мамой?

— Да, — говорит он.

— Илья, нам надо поговорить.

Он не сразу узнает голос Ники. Она до этого несколько раз звонила со своего номера, но он не брал трубку.

— Что тебе нужно?

— Давай встретимся.

Илья молчит. Он тысячу раз прокручивал в голове этот разговор. Как он будет происходить. Как она в конце концов убедит его, что он ошибался. Скажет, что они должны быть вместе. Скажет, что не любит и никогда не любила Мака. И еще скажет, что...

Это все было до болезни матери.

— Я не хочу тебя видеть. Я тебя не люблю. Не звони мне больше.

Кладет трубку. Закуривает. Двигает к себе пепельницу — она набита окурками.

Снова смотрит в стену. На стене висит портрет. Он снимает его и швыряет на пол. Звон разбитого стекла. Вынимает фотографию из рамки. Замирает. Через минуту, словно спохватившись, вкручивает сигарету в фотографический зрачок. Дым плывет по комнате. Плевать. У парня два глаза, и один не выжжен. Но он за кадром: не видит.

Обои на заднем плане не в фокусе — похожи на телевизионные помехи.

42

В мифах вороны прилетают на место битвы и выклевывают павшим воинам глаза.

Может, этим объясняется их наблюдательность? А может, и нет.

Но эти птицы много чего видят.

Видят, как парень выходит в окно с блаженной улыбкой наркомана и летит, но не вверх, а вниз. У него нет крыльев.

Видят, как стоит перед зеркалом девочка, обривает себе голову. На столике у нее горсть пуговиц и тест на беременность. А по кровати разбросаны безглазые игрушки.

Видят, как уже другой парень выводит на крыльцо больницы женщину, голова которой замотана платком. Он придерживает ее за локоть. Они приезжают к своему дому. Перед подъездом парень останавливается. У подвального окна сидит очень грязный черный котенок, он трогает лапой белую крысу. Крыса мертва. Парень долго смотрит на котенка, а потом берет его на руки.

— Бегемот. Ты будешь Бегемот, понял?

Дальше ворона сильнее интересуется крыса. Падаль все-таки.

Епифанов ложится спать. Утро вечера мудренее.

— Илья, возьми мел.

— У меня теперь есть револьвер, мама.

Литературно-художественное издание

Алексей Олин

ШКОЛА

Детство кончилось

Ответственный редактор **Валентина Назарова**

Художественный редактор **Егор Саламашенко**

Технический редактор **Татьяна Харитонова**

Корректор **Ксения Казак**

Верстка **Максима Залиева**

Подписано в печать 14.05.2010.

Формат издания 84×108 ¹/₃₂. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 10,5. Тираж 15 000 экз.

Изд. № 90678. Заказ № 3330.

Издательство «Амфора».

Торгово-издательский дом «Амфора».

197110, Санкт-Петербург,

наб. Адмирала Лазарева, д. 20, литера А.

E-mail: secret@amphora.ru

Отпечатано по технологии СтР

в ИПК ООО «Ленинградское издательство».

195009, Санкт-Петербург, Арсенальная ул., д. 21/1.

Телефон/факс: (812) 495-56-10.

ШКОЛА

детство кончилось

издательство
амфора

© ООО «Красный Квадрат», 2010.
В оформлении обложки
использованы фотографии
Е. Сидкиной

AMPHORA.RU

9 785367 014297

ISBN 978-5-367-01429-7

повесть **Алексея Олина**